

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2-3

1946

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2-3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1946

СТАТЬИ

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Н. Рубинштейн

Общеввропейская экономическая и финансовая конференция, заседавшая в Генуе с 10 апреля по 19 мая 1922 г., или, как её обычно называют, Генуэзская конференция, занимает видное место в истории международных отношений. Не случайно к ней в своё время в течение полугода было приковано внимание общественного мнения всех европейских стран и США. Не случайно вся печать была заполнена статьями и корреспонденциями, касавшимися конференции, а парламенты Европы горячо обсуждали перспективы, ход и результаты Генуи. Иначе, конечно, не могло и быть. Ведь Генуя была первой международной конференцией послеверсальской Европы и конференцией, посвящённой не частным вопросам, а проблемам экономического восстановления Европы.

Самым же главным являлся тот факт, что Генуя была первой конференцией государств, в которой участвовала Советская Россия. Впервые в истории на международной дипломатической арене выступила страна, представляющая новую, самую прогрессивную систему общественных отношений.

Однако Генуэзской конференции «не повезло» в исторической литературе. До настоящего времени, т. е. почти за четверть века, на Западе не опубликовано ни одного исследования, специально посвящённого Генуе¹.

К сожалению, и советские историки ещё крайне недостаточно занимаются исследованием этой темы. Кроме брошюры участника конференции Б. Е. Штейна и VI главы III тома «Истории дипломатии», написанной проф. И. Минцем, в нашей исторической литературе нельзя назвать работ, посвящённых этой конференции.

Историческое исследование Генуи затрудняется тем, что материалы архивов министерств иностранных дел, относящиеся к конференции, ещё не преданы гласности. В известной мере это компенсируется наличием (помимо официального текста протоколов) публикации большого количества советских дипломатических документов 1921—1922 годов².

Некоторые дипломатические документы держав публиковались в 1922 г. в зарубежной печати, в особенности в журнале «L'Europe nouvelle».

Среди официальных материалов безусловную ценность представляют стенографические отчёты о дебатах в европейских парламентах.

Что касается мемуарной литературы, то она также скудна.

Широко известный дневник британского посла в Берлине д'Абернона, небогатые содержанием воспоминания посланника США в Риме Чайльда, письма Ратенау, занимающие среднее положение между мемуарами и публицистикой книги видного французского дипломата Сейду «От Версала к плану Юнга» и крупного германского чиновника, члена

¹ Таким исследованием не может считаться книга Сэксона Миллза («The Genoa Conference by I. Saxon Mills», London, 1922), английского журналиста, близкого к Ллойд Джорджу, вышедшая с предисловием британского премьера и представляющая собой откровенную апологию его позиции.

² См. сборник документов под ред. С. Лозовского «Внешняя политика СССР, 1917—1944 гг.». Т. II. М. 1944.

германской делегации Бергмана «Путь репараций», — вот едва ли не всё, что можно назвать.

Исключением являются книги и брошюры, широко освещающие роль нефтяной проблемы на Генуэзской конференции.

Зато богатый и незаменимый источник представляет собой печать — статьи в газетах и журналах, посвящённые Генуе.

Достаточно напомнить, что на самой конференции в Генуе присутствовало до 700 корреспондентов — на 200 больше, чем на Парижской мирной конференции. Среди них были такие видные и информированные журналисты, как редактор «Таймс» Уикхем Сид, Гарвин, экономист Кейнс, американцы Линкольн Стеффенс, Суинг, фон Виганд, француз Зауэрвейн и многие другие. Поэтому материалы периодической печати современной Генуе в известной мере восполняют отсутствие архивных публикаций¹.

Сопоставляя опубликованные дипломатические документы с газетными корреспонденциями и статьями, историк может — пусть иногда с приближённой точностью — ответить на интересующие его вопросы.

Генуэзская конференция открылась 10 апреля 1922 года². К этому дню в Геную прибыли делегаты 34 государств с многочисленным вспомогательным и техническим персоналом, в большом количестве приехали иностранные журналисты.

В связи с конференцией итальянское правительство увеличило генуэзский гарнизон примерно на 25 тыс. солдат-карабинеров, королевских гвардейцев, гусар и драгун.

Первое заседание конференции открылось во дворце св. Георгия в 3 часа дня. На переднем месте, за длинным столом, разместились делегации Англии, Франции, Италии, Японии, так называемых «приглашающих держав», остальные делегации были рассажены за столами «покоем» — в алфавитном порядке.

Открывший заседание итальянский премьер Факта приветствовал конференцию, высказав надежду на её успех. В конце своей краткой речи он огласил телеграмму Пуанкаре, в которой французский премьер заявлял, что Франция, «заботясь с полным основанием о том, чтобы не допустить нарушения прав, предоставляемых ей договорами»³, готова всячески содействовать успеху конференции.

По предложению Ллойд Джорджа, председателем конференции был избран Факта. Он произнёс общую вступительную речь, в заключение которой огласил краткую декларацию следующего содержания: «Настоящая конференция созвана на основе каннских резолюций; резолюции эти были сообщены всем получившим приглашение державам. Самый факт принятия приглашения доказывает, что все, принявшие его, тем самым приняли принципы, содержащиеся в каннских резолюциях»⁴.

Декларация, зачитанная Факта, выполняла требования Пуанкаре — получить от всех участников конференции, а по существу от Советской России, до начала прений признание каннских резолюций.

Вслед за Факта начались выступления глав основных делегаций.

¹ В Генуе печать, пожалуй, в большей степени, чем в прежние времена, была активным участником дипломатической борьбы. Руководители правительств и дипломаты гласно и негласно инспирировали журналистов. В газетах наряду с вымышленными сообщениями освещались события, действительно происходившие за кулисами конференции. Английские газеты раскрывали многое из того, что предпочитали не предавать огласке французы, и наоборот.

² О предистории конференции см. нашу статью «Накануне Генуэзской конференции». «Историк-марксист» № 2 за 1941 год.

³ «Материалы Генуэзской конференции» (в дальнейшем «Материалы...»), стр. 61. НКИД. М. 1922.

⁴ Там же, стр. 67.

Первым взял слово Ллойд Джордж. Указав, что участники конференции собрались на началах абсолютного равенства, приняв равные условия, установленные в Каннах, английский премьер повторил в своей речи то, о чём неоднократно, в течение нескольких месяцев, говорил в своих публичных выступлениях. И на этот раз Ллойд Джордж не пожалел красок, чтобы возможно ярче нарисовать слушателям картину европейской разрухи. «Европа,— говорил британский премьер,— нуждается в отдыхе, тишине и спокойствии, иными словами, ей нужен мир». Ллойд Джордж предостерегал от неудачного исхода конференции, заявляя, что в этом случае «всем миром овладеет чувство отчаяния»¹.

Сменивший Ллойда Джорджа Барту заявил, что Франция не претендует ни на какую гегемонию и является сторонницей мира, но что Генуэзская конференция не может явиться и не явится «кассационной инстанцией, ставящей на обсуждение и подвергающей рассмотрению существующие договоры»².

Речи представителей Японии, виконта Ишии, и Бельгии, Тениса, содержали общие места.

Чрезвычайно бесцветным оказалось также выступление германского рейхсканцлера Вирта. В кулуарах конференции говорили, что смелость Вирта проявилась только в том, что он произнёс свою речь на немецком языке.

В зале заседаний воцарилась полная тишина, когда после Вирта слово было предоставлено главе советской делегации Чичерину.

Ещё до речи Чичерина советскую делегацию частным образом, от имени Ллойда Джорджа, просили воздержаться в своей декларации от резких выражений и отметить приемлемость каннской резолюции, хотя бы не в очень обязывающей форме.

Британский премьер напрасно опасался формы изложения советских принципов. Когда ещё в Москве, перед отъездом делегации в Геную, при обсуждении текста выступления на открытии конференции предлагались обличительные заявления, Ленин дал примерно следующую директиву: «не надо страшных слов». Главное заключалось в том, чтобы изложить программу советского правительства и тем самым углубить противоречия между военными, агрессивными и пацифистскими партиями, поддерживавшие последние.

В своей речи представитель советского правительства указал, что советская делегация, оставаясь на точке зрения социалистических принципов, считает необходимым экономическое сотрудничество между государствами, представляющими социалистическую и капиталистическую системы собственности. Подчеркнув значение первого пункта каннской резолюции о взаимном признании различных систем собственности и политического строя разных стран, Чичерин отметил, что экономическое восстановление Советской России как самой крупной страны в Европе, обладающей неисчислимыми запасами природных богатств, является непременным условием всеобщего экономического восстановления. Он указал на готовность советского правительства предоставить концессии и развить сотрудничество с промышленностью западноевропейских стран, причём предостерегал от попыток взвалить на Советскую Россию непомерные требования. Чичерин остановился также на том, что последние законодательные мероприятия советского правительства создают юридические гарантии для экономического сотрудничества капиталистических стран с Советской Россией.

До этого момента зал спокойно слушал представителя советской делегации. Но положение изменилось, когда Чичерин, как писал один английский журналист, «перешёл запретную почву».

¹ «Материалы...», стр. 69.

² Там же, стр. 72.

Чичерин заявил, что советская делегация, чтобы способствовать упрочению мира, внесёт предложения о всеобщем сокращении вооружений, о полном запрете применения отравляющих газов, воздушной войны и других средств разрушения, особенно тех, которые направлены против мирного населения. Он предложил также, чтобы установление всеобщего мира было проведено на всемирном конгрессе, созванном с официальным участием рабочих организаций на основе полного равенства всех народов и признания за всеми ими права распоряжаться своей судьбой. Устав Лиги наций должен быть пересмотрен с тем, чтобы она была превращена в настоящий союз народов без господства одних над другими, с уничтожением существующего деления на победителей и побеждённых. Оговариваясь, что коммунисты не питают особых иллюзий насчёт возможности действительного устранения причин, порождающих войну и экономические кризисы при нынешнем общем порядке вещей, Чичерин указывал, что советская делегация поддержит все попытки, направленные хотя бы к паллиативному улучшению мирового хозяйства, к устранению угрозы новых войн.

Речь Чичерина вызвала волнение, в особенности среди французской делегации. Её председатель Барту немедленно взял слово и заявил протест против выступления Чичерина. Он обвинял представителя советской делегации в том, что его предложения — о всемирном конгрессе, о созыве других европейских конференций после Генуи — нарушают канские условия. Особенное возмущение Барту вызвало советское предложение обсудить вопрос о всеобщем разоружении. «В тот час, — заявил Барту, — когда, например, русская делегация предложит первой комиссии рассмотреть этот вопрос, она встретит со стороны французской делегации не только сдержанность, не только протест, но точный и категорический, окончательный и решительный отказ»¹. Барту своим выступлением сам раскрыл чисто декларативный смысл сделанных им заявлений о мире.

Итак, советская делегация в первый же день конференции вынудила французского представителя заявить во всеуслышание, что Франция против разоружения, т. е. за новые вооружения, за подготовку новых империалистических войн. Позиция кабинета Пуанкаре была, таким образом, выставлена перед всем миром во всей её наготы.

Положение французской делегации ещё более ухудшилось после нового выступления Чичерина, который, отвечая Барту по вопросу о разоружении, сослался на декларацию Бриана в Вашингтоне. В этой декларации Бриан доказывал, что причиной, по которой Франция отказывается от разоружения, является вооружение России. «Поэтому, — говорил Чичерин, — мы предполагали, что тем самым, что Россия согласится на разоружение, указанный вопрос, поднятый г. Брианом, окажется устранённым»². Чичерин напомнил также, что вопрос о разоружении, насколько известно, не был изъят из порядка дня конференции, но если конференция сделает это, советская делегация преклонится перед её коллективной волей. «Первый русский делегат дал доказательство того, что большевикам не приходится брать уроки у буржуазных дипломатов», — писал Марсель Кашен по поводу столкновения советского представителя и Барту³.

Видя, что дискуссия между Чичериным и Барту угрожает нарушить плавный ход первого пленарного заседания конференции, Ллойд Джордж выступил в качестве примирителя. Пересыпая свою речь шуточными замечаниями, он уговаривал советскую делегацию не настаивать на её предложениях. Прежде чем достичь разоружения, надо придти к соглашению, заявлял Ллойд Джордж.

¹ «Материалы...», стр. 83.

² Там же, стр. 84.

³ «L'Humanité», 19 avril 1922.

Сравнивая конференцию с тяжело нагруженным кораблём, английский премьер просил советского представителя не прибавлять груза: «Впереди нас ждёт непогода, а перегруженному кораблю трудно бороться с волной»¹.

На этом дискуссия прекратилась. Факта закрыл прения, и первый пленум конференции закончился.

Итак, начало конференции ознаменовалось крупным успехом советской делегации. Выполняя прямые директивы Ленина, делегация сумела в сдержанных тонах развернуть советскую программу, изложить предложение о разоружении и тем самым нанести удар военным партиям. Недаром американский журнал «Нэйшн» назвал выступление Чичерина «блестящим началом», а «Таймс» отмечал «великолепную смелость и торжественную дерзость этой программы»². «До настоящего момента, — писал Уикхем Стид, — слава на конференции принадлежит большевикам. Они не сделали ни одного промаха и маневрировали в высшей степени талантливо. Барту был их первой жертвой»³.

На следующий день началась работа комиссий.

Всего было создано четыре комиссии. Основную комиссию, которая должна была обсуждать политические вопросы, не хотели называть «политической», так как «политика» была исключена из порядка дня конференции. Поэтому комиссию эту назвали первой. Кроме неё существовали экономическая, финансовая и транспортная комиссии.

К началу работ комиссий советская делегация ещё не располагала основным документом, в котором содержалась платформа Антанты по отношению к Советской России, а именно лондонским докладом экспертов. Официально меморандум был вручён советской делегации на заседании подкомиссии первой комиссии 11 апреля. Эту подкомиссию назвали сначала русской, чтобы не именовать её политической, но потом Ллойд Джордж и Барту пришли к выводу, что неловко выделять русский вопрос, поэтому подкомиссия всё же называлась политической. Советская делегация заявила, что ей необходим двухдневный срок, чтобы изучить как самый меморандум, так и другие проекты, относящиеся к Советской России, которые были выработаны в отсутствие её представителей. Предложение советской делегации было принято.

Доклад лондонского совещания экспертов представлял объёмистый документ, состоявший из двух частей: первая была озаглавлена «Восстановление России», вторая — «Восстановление Европы».

Во вступлении к первой части указывалось, что «вопрос о России рассматривается как с точки зрения справедливости, так и с точки зрения условий, необходимых для экономического восстановления России». «Хозяйственное восстановление России, — говорилось далее, — в значительной мере зависит от поддержки, которую Россия могла бы получить от иностранных предприятий и иностранного капитала»⁴. Но, заявляли эксперты, «без значительных изменений существующих условий, больше всего отражающихся на торговле и промышленности, иностранцы не пожелают взять снова в руки свои старые предприятия, ни открывать новые»⁵.

Во втором разделе доклада подробно разъяснялись те условия, при которых, по мнению Антанты, иностранные предприятия и иностранный капитал могут быть привлечены к делу «восстановления России».

Советскому правительству предлагалось признать все финансовые обязательства как царского, так и Временного правительств и всех бывших в России властей по отношению к иностранным державам и их подданным и принять на себя ответственность за все убытки, понесённые

¹ «Материалы...», стр. 86.

² «The Nation», 19 April 1922.

³ «The Nation», 19 April 1922.

⁴ «Материалы...», стр. 92.

⁵ Там же.

иностранцами от действий советского правительства или других правительств, бывших в России.

Для гарантии и контроля за выполнением обязательств советского правительства должна была быть учреждена Комиссия русского долга из членов, назначенных частью советским правительством, частью иностранными державами. На эту комиссию возлагалась организация смешанных третейских судов для определения претензий иностранцев, разрешения вопросов, возникающих в связи с эмиссией новых русских облигаций, выпускаемых взамен старых процентных бумаг. Комиссия должна была также определять доходные статьи советского бюджета, например отчисления с налогов, сборов и обложений, предназначенные для обеспечения уплаты долга, а в случае необходимости контролировать и даже вести сбором этих сумм.

Нетрудно видеть, каким образом пользовались эксперты Антанты, составляя этот раздел доклада. Проект Комиссии русского долга был списан с устава Комиссии оттоманского долга — органа, который осуществлял финансовое закабаление Турции великими европейскими державами.

Лондонский меморандум предусматривал отказ советского правительства от права самостоятельно распоряжаться своим бюджетом и отдавал советские финансы под контроль Антанты. В докладе указывалось, что иностранцы, предъявляющие претензии к советскому правительству, имеют право требовать возврата имущества, прав и процентов, если бы возврат их не представился возможным, то иностранцу возмещаются равноценные имущества или выдаются соответствующие денежные суммы.

Доклад экспертов требовал, далее, от советского правительства установления исключительного режима для иностранцев. Обыск в жилище или учреждении иностранца, проживающего в Советской России, и арест самого иностранца не должен был производиться без присутствия или согласия консула соответствующей страны. Приговор советского суда над иностранцем, привлечённым к уголовной ответственности, мог приводиться в исполнение только с согласия консула. При преследовании иностранца по политическим делам единственной карой могло быть лишь выселение, и то опять-таки с согласия консула.

Иностранцам предоставлялось право эксплуатировать принадлежавшие им или находившиеся в их заведывании предприятия при полной свободе найма и увольнения рабочих, т. е. игнорируя советский кодекс о труде и права советских профсоюзов. Наконец, доклад экспертов по существу предусматривал отмену монополии внешней торговли.

Таким образом, лондонский меморандум полностью расшифровал всё, что скрывалось за патетическими фразами, за лицемерной болтовнёй о восстановлении Советской России. Советскую Россию предполагалось подчинить режиму капитуляций, который применялся Англией и Францией в отношении к Турции и другим зависимым и полуколониальным странам. Антанта рассчитывала превратить Советскую Россию в свою полуколонию, добившись рублём того, что не удалось ей достигнуть в результате военной интервенции.

Вторая часть лондонского меморандума, касавшаяся «восстановления Европы», не представляла большого интереса. Она состояла из целого ряда благих пожеланий, сформулированных настолько неопределённо и туманно, с таким количеством оговорок, что конкретное содержание пунктов меморандума с трудом поддавалось определению.

Само собой разумеется, предложения экспертов по вопросу о восстановлении Европы и не могли быть ничем иным, как бессодержательной болтовнёй. Экономическая разруха в Европе являлась следствием мировой войны и послевоенной системы международных отношений. Посколь-

ку эти вопросы были исключены из доклада экспертов, постольку на долю последних и выпадали одни лишь общие, ни к чему не обязывающие декларации.

Бессодержательность второй части доклада экспертов ещё нагляднее подчёркивала, что весь смысл меморандума и самой Генуэзской конференции заключается в разрешении «русского вопроса».

Работа конференции продолжалась. Начали функционировать, помимо первой комиссии, и другие комиссии и подкомиссии, причём советской делегации не раз приходилось отстаивать право на равное с приглашающими державами представительство в них.

Спустя четыре дня после открытия конференции стало ясно, что Антанта вовсе не намерена вести деловые переговоры на широких заседаниях комиссий и подкомиссий.

Ллойд Джордж пригласил советскую делегацию к себе на виллу. На вилле Альбертис и велись настоящие переговоры с советской делегацией, к которым Ллойд Джордж и Барту вовсе не собирались привлекать другие державы, помимо Италии и Бельгии. Официозные свидания на вилле Альбертис начались 14 апреля. С советской стороны в них участвовали Чичерин, Красин и Литвинов.

Решительная возражая против предложений экспертов, советские представители в беседах с Ллойд Джорджем и Барту указали, что советское государство не может быть связано обязательствами дореволюционных правительств. Если даже будут признаны довоенные долги, советское правительство не обязано платить по займам, заключённым во время войны.

В самом начале переговоров советские представители выдвинули требования возмещения правительствами Антанты убытков, причинённых Советской России союзнической интервенцией. Сумма советских контрпретензий исчислялась в 39 миллиардов золотых рублей, в то время как сумма довоенных долгов составляла 9650 млн. руб. и долгов военных — 8846 млн. руб.

Если учесть, что советское правительство имело право на получение доли России в германских репарациях, согласно ст. 116 Версальского договора, в сумме 16 100 млн. руб. и что военные расходы России на «общее дело союзников» составляли 19,4 млрд. руб., то станет ясно, насколько советские контрпретензии превосходили требования союзников. Ллойд Джордж настаивал на признании также и военных долгов. Он аргументировал тем, что война якобы была начата из-за славянского вопроса, что Россия нарушила в Бресте соглашение о незаключении сепаратного мира.

Война была битвой между Германией и Англией, парировали возражения Ллойд Джорджа советские представители. Брест-Литовск явился *force majeure*, и в нём нельзя обвинять Россию. Союзники же не выполнили своего обещания предоставить России Константинополь. Антанта попыталась сломить новую Россию, но это ей не удалось.

Вопрос о долгах послужил предметом любопытной пикировки между Ллойд Джорджем и Барту. В ходе совещания Чичерин сказал, что при всех требованиях к России нужно обязательно считаться с тем, что Россия переживает революцию, может быть, ещё небывалую в истории. Ллойд Джордж бросил реплику: «За исключением революции, г. Барту, которая совершилась 100 лет назад». «Ну, вы бы помолчали! — раздражённо ответил Барту британскому премьеру, — у каждого из нас была своя революция».

Советские контрпретензии встретили отказ со стороны союзников. Союзники соглашались только на некоторое сокращение военного долга России и на обсуждение вопроса об отсрочке уплаты части процентов по долгам. Они отказались от каких-либо компромиссных решений в вопро-

се о восстановлении иностранных подданных в правах собственности в Советской России или вознаграждении их за понесённые ущерб и убытки, а также в вопросе об уплате долгов иностранным подданным.

15 апреля состоялось свидание советских и союзных экспертов, на котором советский представитель изложил содержание контрпретензий Советской России союзникам в связи с убытками, понесёнными от союзнической интервенции.

Союзники категорически отвергли советские контрпретензии и в ультимативной форме потребовали признания советским правительством долгов, кроме военных. Советская делегация заявила, что она обратится за инструкциями к своему правительству.

17 апреля, когда руководители союзнических делегаций совещались о позиции по отношению к Советской России, как гром с ясного неба, грянула потрясающая весть: был опубликован договор, заключённый накануне представителями Советской России и Германии в предместье Генуи—Рапалло.

Рапалльский договор¹ явился крупнейшим успехом советской дипломатии. «Что поразило большую часть публики — это почти дерзкая смелость, с какой было проведено дело»², — писал английский журналист Сэксон Миллз. «Большевики, — возмущался редактор «Таймс» Сид, — с самого начала поставили себя в положение арбитров этого пан-европейского собрания и усиливаются ото дня ко дню».

Ещё накануне Рапалло собеседник Стида — по его словам, один из способнейших людей в Европе — говорил ему: «Мы все слабы перед лицом большевиков. У нас 30 политик, а у них только одна»³.

Официоз французского министерства иностранных дел «Тан» писал, что первая фаза Генуи представляет чистый выигрыш большевиков: «Во-первых, они приглашены на равных правах на конференцию, что означает на деле признание советского правительства; во-вторых, они ничего не дали взамен признания, их притязания — те же, что и были, они не подписали ни экономических, ни финансовых соглашений; в-третьих, судьба конференции передана в руки Москвы».

Так оценивали политические деятели и печать позиции советского правительства в Генуе. Главное заключалось в том, что после Рапалло, словно карточный домик, рухнула попытка буржуазных держав выступить против Советской России единым фронтом. Этим и объяснялось негодование буржуазных политиков.

Пока на конференции кипела буря вокруг Рапалльского договора, советская делегация 20 апреля подготовила ответный меморандум на предложения лондонского совещания экспертов.

Советский меморандум прежде всего отмечал противоречие, в котором меморандум экспертов стоит к решениям, принятым в Каннах. «Утверждая, что русский вопрос рассматривается с точки зрения «справедливости» и необходимости «экономического восстановления» России, без «эксплоатации» русского народа, меморандум тем не менее предъявляет практические требования, означающие не только эксплуатацию, но и полное закабаление трудового населения России иностранным капиталом, совершенно обходя в то же время наиболее существенный вопрос о средствах восстановления хозяйства России»⁴.

Советская делегация отмечала, что права иностранцев в России, гарантий которых требует лондонский меморандум, уже гарантированы советским законодательством в соответствии с новой экономической политикой.

¹ Подробно о Рапалльском договоре см. нашу статью в «Историческом журнале» № 5 за 1941 год.

² Mills S. Op. cit., p. 87.

³ «The Times», 13, 24 April 1922.

⁴ «Материалы...», стр. 127, 128.

Вместе с тем делегация заявила, что авторы лондонского меморандума резко отступают от параграфа 1-го каннских резолюций, стремясь навязать России определённое внутреннее законодательство, чуждое её нынешнему строю, под предлогом создания «условий успешной работы» иностранного капитала ввести в России систему капитуляций, покушающихся на её суверенитет. Наиболее ярким примером этого является «статья 24-я меморандума, стремящаяся установить судебную экстерриториальность иностранцев, а также вся организация Комиссии русского долга... каковая в случае осуществления превратилась бы в орган иностранного контроля над всей хозяйственной жизнью Российской республики, подобно установленной Версальским договором репарационной комиссии»¹.

Советская делегация указывала, что требование возмещений национализированного имущества иностранцев несостоятельно, поскольку национализация явилась результатом Октябрьской социалистической революции, совершенно уничтожившей все старые экономические, социальные и политические отношения и заменившей старое общество новым. В свою очередь советский меморандум выставлял требование возмещения за колоссальные убытки, причинённые советской стране интервенцией и блокадой со стороны союзных держав. Советское правительство соглашалось признать за пострадавшими иностранцами право на возмещение убытков только при условии полного соблюдения взаимности. Оно соглашалось возместить убытки, «если счёт будет не в его пользу»².

Что касается военных долгов, то советская делегация решительно отклоняла требование оплаты их «как недопустимую попытку взвалить на плечи разорённого русского народа значительную долю военных расходов союзных держав». Советский меморандум напоминал о том, что именно русский народ принёс в жертву общесоюзным военным интересам больше жизней, чем все остальные союзники вместе, понёс огромный имущественный ущерб и в результате войны потерял крупные и важные для его государственного развития территории.

Так же решительно советский меморандум отклонял требования возврата национализированных предприятий их бывшим собственникам, видя в этом восстановление частной собственности на средства производства, отменённой в Советской России, а следовательно, нарушение суверенитета советского государства.

Меморандум подробно останавливался на финансовой стороне требований, предъявляемых к Советской России. Из простых расчётов, приведённых в документе, вытекало, что, если бы советское правительство согласилось полностью и в положенный срок уплачивать одни довоенные долги, ежегодные платежи составили бы сумму около 1,2 млрд. рублей. Такая цифра могла основываться лишь на предположении, что к 1927 г. национальный доход Советской России возрастет в 9 раз.

«Российская делегация, — иронически замечал меморандум, — вполне согласна с тем, что при советском режиме производительные силы России будут развиваться гораздо быстрее, чем они развивались в капиталистических странах Европы и при царском режиме в России до войны, и готова допустить, что этот доход будет увеличиваться в два раза быстрее; но делегация, как это ни лестно было бы для советской власти, считает всё же неосновательным предположение, что рост ежегодного дохода на рост населения с 1922 года по 1927 год будет идти ровно в 60 раз быстрее, в сравнении с довоенным ростом.

Насколько чудовищно велики предъявляемые нам к уплате требования, видно из следующих данных: царское правительство платило ежегодно перед войной по своим долгам сумму, равную 3,3 проц. всего чистого или ежегодного национального дохода и около 13 проц. всего госу-

¹ «Литералы...», стр. 130.

² Там же, стр. 133.

дарственного бюджета. Меморандум экспертов считает возможным требовать от России уплаты через пять лет такой суммы, которая равна 20 проц. всего возросшего на 30 проц. национального дохода и около 80 проц. всего теперешнего государственного бюджета России, причём уплата должна производиться странам, ежегодный национальный доход которых на душу населения в семь—восемь раз больше национального дохода России¹.

При этом условии, указывалось в меморандуме, для Советской России теряют всякий смысл новые кредиты.

Ярко показывая, что лондонский документ продиктован узкими, эгоистическими интересами немногочисленной, но влиятельной группы бывших кредиторов России, советский меморандум в заключение ещё раз подчёркивал необходимость решения вопроса о долгах и взаимных обязательствах на основе советских предложений.

Советский меморандум 20 апреля произвёл сильное впечатление как на участников Генуэзской конференции, так и на всё общественное мнение Европы и Америки. Капиталистический мир был поражён не столько самой контрпретензией советского правительства — требованием возместить убытки, причинённые интервенцией (предположительно об этом говорили ещё до конференции). Удивлялись и изумлялись другому: твёрдости позиций советского правительства, смелости и достоинству, с которыми оно вело бой на широкой арене европейской конференции.

Недаром американский журнал «The Nation» отзывался о советском меморандуме как о «блестящем продолжении». «Некоторые наблюдатели, — писал журнал, — кажутся изумлёнными смелостью русских, о которых полагали, что они придут в Геную, как нищие, со шляпой в руках, и которые потребовали более чем признания — потребовали золота как права, а не как уступки»².

Смысл заявлений был ясен: капиталистические государства ожидали, что разорённая, охваченная катастрофическим голодом страна станет на колени. — вместо этого они встретили державу, которая и не думала сгибаться, а говорила «с сильными мира сего», как равный с равными, которая на претензии отвечала встречными требованиями, да ещё в сопровождении обвинительного акта, которая не умоляла, а настаивала, держалась не униженно, а с достоинством.

Твёрдая позиция, занятая советским правительством, вынудила союзников подтвердить, что они согласны сократить военные долги России. Вместе с тем союзники оставляли в силе свои прежние требования об уплате довоенных долгов и восстановлении в правах собственности иностранцев или вознаграждении их за понесённые убытки. Союзники попрежнему отказывались признать контрпретензии советского правительства³.

Советское правительство, решительно отвергая требования лондонского меморандума экспертов, в ходе переговоров на вилле Альбертис согласилось пойти на некоторые уступки.

20 апреля советская делегация сообщила в письме Ллойд Джорджу, что советское правительство согласится взять назад свои контрпретензии и примет предложения об уплате военных долгов, если Советская Россия будет признана де юре и ей будет оказана достаточная финансовая помощь. Мысль о том, чтобы связать разрешение вопроса о долгах с предоставлением Советской России кредитов, принадлежала Ленину.

На этих условиях советское правительство, отклоняя требование о реституции, соглашалось предоставить прежним иностранным собствен-

¹ «Материалы...», стр. 137.

² «The Nation» N 3, 25 April 1922, p. 485.

³ «Материалы...», стр. 167.

никам преимущественное право получить на концессионных началах или в аренду их бывшие имущества, либо возместить понесённые собственниками убытки. Советское правительство, в свою очередь, требовало возврата ему всех русских имуществ и ценностей, находящихся за границей. Возобновление платежей по довоенным долгам и претензиям иностранцев — бывших собственников — должно было начаться через тридцать лет со дня подписания соглашения.

Советские предложения обсуждались 22—24 апреля в комитете экспертов. На первом же заседании комитета произошёл инцидент, спровоцированный французами. По инструкции Барту, французский эксперт Сейду сразу же после открытия заседания заявил, что меморандум советской делегации, полученный 22 апреля, якобы возвращает переговоры назад к их исходному пункту. Поэтому французская делегация затребовала инструкций от своего правительства, и до получения их он, Сейду, не может участвовать в работах комитета экспертов. Заседание было прервано. Провокация французов не осталась без ответа. В тот же день советская делегация направила председателю комитета экспертов письмо, в котором разъясняла, что в ходе переговоров на вилле Альберлис она пошла на уступки сравнительно с предложениями меморандума. Уступки эти изложены в письме Ллойд Джорджу, которое и принято подкомиссией по русским делам как база для дальнейших переговоров.

Заседание комитета экспертов возобновилось на следующий день. Сейду, очевидно, получил инструкции не срывать работу комитета и участвовал в обсуждении

Дискуссия в комитете экспертов показала столкновение двух принципиально противоположных точек зрения. Эксперты союзников доказывали, что самый факт владения в прошлом собственностью в России даёт иностранцу право на возмещение. Советская делегация убеждала экспертов в том, что права иностранцев, бывших собственников, аннулированы Октябрьской социалистической революцией, и что теперь речь идёт о коммерческой сделке с советским правительством. В результате этой сделки бывший собственник может получить принадлежавшее ему некогда предприятие в концессию или в аренду.

Пока союзные эксперты обсуждали советские условия соглашения, Ллойд Джордж и Пуанкаре продолжали препираться по поводу Рапалльского договора.

В противовес предложению французского правительства обсудить последствия Рапалло, Ллойд Джордж предложил созвать в Генуе представителей всех государств, подписавших Версальский договор, чтобы обсудить требования, выдвинутые Пуанкаре.

Цель Ллойда Джорджа была ясна. В ответ на угрозы, произнесённые Пуанкаре по адресу Англии, английский премьер собирался поставить своего французского коллегу перед лицом всех без исключения союзных держав. Предметом обсуждения на такой широкой конференции явился бы вопрос о репарациях и другие вопросы Версаля, т. е. как раз те проблемы, обсуждения которых стремился избежать Пуанкаре.

Очевидно, предупреждение Ллойда Джорджа подействовало, так как спустя два дня Барту, получив новые инструкции из Парижа, засадил своих экспертов за составление проекта ноты по русскому вопросу. Другой проект готовили английские эксперты. Французы совещались с бельгийскими и японскими делегатами, рассчитывая обеспечить их поддержку при обсуждении ноты. 29 апреля английский и французский тексты были согласованы, и 2 мая окончательный вариант меморандума был направлен советской делегации. Французская делегация всё же отложила своё присоединение к меморандуму до получения инструкций от правительства.

Меморандум сообщал о решении главных государств Европы создать международный консорциум с основным капиталом в 20 млн. фунтов стерлингов. Указывалось, что отдельные страны — Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, Япония — готовы дать кредиты экспортёрам, которые смогут отправить в Советскую Россию семена, тракторы, машины, локомотивы и подвижной состав.

Союзники требовали от советского правительства: 1) отказа от пропаганды, причём особо оговаривалось требование «употребить всё своё влияние на восстановление мира в Азии и сохранять строгий нейтралитет по отношению к воюющим странам»; 2) признания всех долгов и финансовых обязательств по отношению к иностранцам; 3) возврата имущества бывших собственников-иностранцев, а в случае невозможности возвращения — выплаты компенсации, причём советское правительство теряло право отдать это имущество другим концессионерам. На этих условиях союзники соглашались отсрочить уплату Советской Россией долгов. Все вопросы об отсрочке и способах уплаты должны были разрешаться арбитражной комиссией в составе одного члена от советского правительства, одного от иностранных держателей бумаг, двух членов и председателя, назначаемых председателем Верховного суда США или Советом Лиги наций или Постоянным международным трибуналом в Гааге.

Что касается правового режима для иностранцев в Советской России, то меморандум повторял требования лондонского доклада экспертов, т. е. требования режима капитуляций. Меморандум от 2 мая наглядно свидетельствовал о нежелании великих держав — Англии и Франции — отказаться от линии, занятой ими в докладе лондонского совещания экспертов.

Меморандум был подписан не всеми делегациями Антанты. Бельгийцы были не согласны с пунктом о конфискованных имуществах иностранцев. Французский делегат Баррер заявил, что он солидарен с бельгийцами, но не возражает против передачи меморандума советской делегации с той оговоркой, что окончательное решение вопроса будет зависеть от французского правительства. 5 мая Баррер официально известил, что французское правительство решило не давать своей подписи на меморандуме, поскольку такой подписи не даёт бельгийское правительство. Таким образом, меморандум исходил от Англии, Италии, Японии, Польши, Румынии, Швейцарии и Швеции.

Советская делегация, получив меморандум, заявила об отсрочке заседаний подкомиссии, необходимой ей для подготовки ответа.

Чем объяснить, что меморандум от 2 мая отступал от позиции, занятой союзниками в ходе переговоров на вилле Альбертис, и игнорировал уступки, сформулированные в новых предложениях советской делегации?

Внимательно изучая материалы, мы приходим к выводу, что в последнюю неделю апреля произошли какие-то события, которые «перевели стрелку» конференции и направили её в тупик.

Что же это были за события? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к закулисной истории конференции. Тогда станет ясным, что одним из центральных вопросов Генуи, который хотя и не фигурировал в официальной программе её работ, но имел определяющее значение, являлся вопрос о нефти.

«Если судить по протоколам, то конференция имела как будто столь же малое отношение к нефти, как например к гелию,—писал один американский автор. — Тем не менее нетрудно доказать, что нефть стояла в центре генуэзского действия и что она является лучшим ключом к объяснению разногласий и кризисов, возникших на конференции, чем любой из вопросов, подвергавшихся открытой дискуссии».

«Эта конференция,—говорит о Генуе Маркоссон,—совершенно истекла нефтью (fairly oozed oil)»¹.

¹ Marcosson I. «The Black Golconda», p. 119. New York — London. 1923—1924.

«Гёнуэзская конференция войдёт в историю не столько как великое дело умиротворения мира», сколько как «нефтяная конференция»¹, — заявляет Леспаньоль де ля Трамери.

«Силуэты нефтяных вышек Баку составляли фон декораций театра, в котором разглагольствовали апостолы нового права»², — пишет Жак Барду.

На конференции в Гёнуе, подтверждает Шарль Помаре, аудитор Государственного совета, генеральный докладчик на международном конгрессе горючего, «сразу обнаружилось, что международная политика управляется нефтью»³.

О том же говорят Л. Денни⁴, Девенпорт и Сидней Кук в своей работе «Нефтяные тресты и англо-американские отношения» и многие другие авторы.

На Гёнуэзской конференции столкнулись между собой в жестокой схватке два крупнейших концерна — мировые монополисты нефти: тесно связанный с правительством США американский трест «Стандарт ойл» и находившийся в столь же близких отношениях с британским правительством англо-голландский трест «Роял Детч Шелл».

Яблоком раздора между «Стандарт ойл» и «Роял Детч Шелл» являлась советская нефть, запасы которой, по данным 1922 г., составляли шестую часть всех мировых ресурсов.

После Октябрьской социалистической революции «Роял Детч Шелл» и «Стандарт ойл», в расчёте на скорый успех интервенции и, следовательно, на реставрацию капитализма в России, стали наперебой скупать акции русских нефтяных предприятий, национализированных советским правительством. «Роял Детч Шелл», скупивший ещё до революции 90% нефтеносных участков Ротшильда в Баку, в 1920 г. приобрёл большое количество акций Лианозова, Манташева, Дзатурова. «Стандарт ойл» в свою очередь скупил половину акций Нобеля.

В апреле 1920 г. на англо-французской конференции в Сан-Ремо было заключено соглашение по вопросу о нефти, пункт шестой которого предусматривал совместную поддержку английским и французским правительствами общих усилий своих граждан получить нефтеносные концессии, облегчить вывоз и урегулировать доставку нефтепродуктов «на территориях, принадлежавших бывшей Российской империи»⁵.

Однако разгром интервенции вынудил нефтяных монополистов начать сепаратные переговоры с советским правительством. Такие переговоры вёл с Красным уполномоченный «Роял Детч Шелл» полковник Бойл, ездивший на Кавказ. «Стандарт ойл» и правительство США были чрезвычайно взволнованы активностью «Роял Детч Шелл» в вопросе о советской нефти.

Напряжение усиливалось по мере приближения срока открытия Гёнуэзской конференции. Уже 15 марта в парижском издании газеты «Нью-Йорк геральд» сообщалось, что «представители «Стандарт ойл», по слухам, собираются в Гёнуе дать бой для защиты старых концессий компании, принадлежащих русской компании «Стандарт ойл», и ищут французской помощи против своего британского соперника — фирмы «Шелл».

«Некоторые думают, — сообщал 6 апреля парижский корреспондент «Рейн-Вестфалише цейтунг», — что история Гёнуэзской конференции будет написана нефтью. Конференция будет в сущности полем борьбы между компанией «Стандарт ойл» и компанией «Роял Детч Шелл».

«Раз Россия представлена на Гёнуэзской конференции, то одним из наиболее важных пунктов дискуссий окажется нефть», — писал корреспондент манчестерской «Guardian Commercial».

¹ Леспаньоль де ля Трамери «Мировая борьба за нефть», стр. 137. М. 1925.

² Bardoux J. «Lloyd George et la France», p. 425. Paris. 1923.

³ Pomaret Ch. «La politique française des combustibles liquides», p. 161.

⁴ Денни Л. «Борьба за нефтяную монополию». М. и Л. 1934.

⁵ Delaisi Fr. «Oil, its influence on politics», p. 92. London. 1922.

Вместе с официальными делегатами в Геную прибыли представители обоих соперничающих концернов. «Стандарт ойл» прислал генерала Гасуэн — директора своего французского филиала. В числе официальных французских делегатов был, например, Пино, руководитель отдела минеральных масел министерства торговли. Позднее на конференции приехал личный секретарь Рокфеллера. Американский делегат в Репарационной комиссии Слэгет имел поручение правительства США «отправиться в Геную в качестве экономического наблюдателя и следить главным образом за обсуждением вопроса об эксплуатации кавказских нефтяных источников»¹.

Каковы были цели и намерения сторон? «Роял Детч Шелл» стремился обеспечить за собой монопольное владение большей частью советских нефтяных месторождений. С этой целью Детердинг предложил советскому правительству, чтобы нефтяные концессии предоставлялись пропорционально нефтяным владениям иностранцев до издания декрета о национализации.

Интересы «Роял Детч Шелл» нашли своё дипломатическое выражение в позиции английской делегации во время обсуждения статьи 7-й меморандума советскому правительству от 2 мая. Британская делегация включила в проект статьи специальный параграф, определявший содержание понятия «прежний владелец собственности в России». Такими владельцами, по английскому толкованию, считались лица, владевшие собственностью в России до издания закона о национализации промышленности. Нетрудно видеть, что эта формулировка полностью отвечала интересам «Роял Детч Шелл». Ведь трест Детердинга владел большими промыслами в России до Октябрьской социалистической революции. «Стандарт ойл» купил большую часть акций бакинских промыслов Нобеля только спустя два года после их национализации советским правительством. В таком же положении были и многие французские держатели. Таким образом, английский вариант статьи 7-й меморандума, предусматривавший предоставление советским правительством концессий только прежним владельцам, автоматически исключал из числа будущих концессионеров «Стандарт ойл».

Для советского правительства крайне важно было иметь дело не с каким-либо одним монопольным концерном, а с различными национальными группами концессионеров. Поэтому, как заявил тов. Красин представителю газеты «Матен», советское правительство предполагало создать для эксплуатации нефтяных месторождений смешанную компанию, удержав за собой четвертую часть бакинских месторождений и разделив остальные три четверти между англичанами, американцами, французами и бельгийцами.

«Русская делегация, — образно изъяснялся «Journée Industrielle», — поставила на стол огромный пирог: нефтяные источники, источники реальные, источники вероятные, источники воображаемые. Поставьте собаку пяти лет перед сладким тортом, и вы будете иметь представление о Генуе»².

Опасаясь, как бы «Роял Детч Шелл» не заполучил весь «нефтяной пирог» целиком, «Стандарт ойл» перешёл к решительным действиям.

Прежде всего в печати появилось, видимо инспирированное «Стандарт ойл», сообщение о том, что советское правительство будто бы уже заключило соглашение с «Роял Детч Шелл». Из текста соглашения, также опубликованного печатью³, следовало, что речь идёт о монопольной концессии «Роял Детч Шелл». Известный американский журналист Линкольн Стеффенс, присутствовавший в Генуе в качестве корреспондента, сообщил в своих мемуарах любопытные подробности относительно

¹ Бронштейн В. и Розенблюм В. «Нефтяная эпопея», стр. 475. М. и Л. 1935.

² *Romaret Ch. Op. cit.*, p. 162.

³ *L'Europe nouvelle* N 19, 13 mai. 1922, p. 601.

опубликования в американской печати этого документа. Стеффенс послал из Генуи сообщение, в котором указывал, что передаваемый им текст является только проектом соглашения. Другой корреспондент — газеты «New York Herald», Спивак — выдал этот текст за окончательное, якобы подписанное сторонами соглашение. Сообщение Стеффенса было брошено в корзинку для бумаг, а телеграмма Спивака стала мировой сенсацией¹. Видимо, в США были заинтересованы в том, чтобы раздуть сообщение. Судя по всему, именно в начале последней декады апреля США особенно обеспокоились возможностью благоприятного исхода конференции. «Может быть, после того как Германия показала путь, другие государства затеют открытую или скрытую торговлю с Россией», — с нескрываемой тревогой записывал в своём дневнике 22 апреля Чайльд, посланник США в Риме Чайльд, присутствовавший в Генуе в качестве неофициального наблюдателя. «Депеша из Вашингтона, — пишет он в тот же день, — подтверждает моё убеждение об опасности того, что другие государства будут сепаратно толковать с Россией»².

Корреспондент лондонской «News of the World» телеграфировал из Генуи: «Компания «Стандарт ойл» является одной из величайших мировых сил; в настоящее время она старается не допустить, чтобы с Россией было заключено соглашение, дающее британским фирмам фактический контроль над великой русской нефтяной промышленностью... Полагают, что до опубликования истории о предполагаемой концессии «Шелл» представители американского треста предприняли активные шаги в Бельгии и в Париже, предостерегая заинтересованные правительства от так называемой британской алчности. Под этим влиянием и сложились, вероятно, требования Бельгии насчёт безусловного возвращения собственности и французская поправка к меморандуму, обращённому к России. Известно также, что представители американского нефтяного треста оказали давление в Вашингтоне, побуждая американское правительство опубликовать декларацию, провозгласившую политику открытых дверей в России. Эта декларация вскоре действительно последовала».

30 апреля распространились сведения, будто Ллойд Джордж и Барту договорились между собой по русскому вопросу. Уступки, на которые пошла советская делегация, давали основания предполагать, что конференция может закончиться соглашением. Тогда через несколько дней председатель «Стандарт ойл» Бедфорд посетил государственного секретаря Юза и заявил последнему о своих опасениях по поводу того, что США отстраняются от участия в эксплуатации русской нефти. Юз — его недаром называли «нефтяным министром» (secretary for oil) — заверил Бедфорда, что правительство США не потерпит соглашения, преграждающего американскому капиталу доступ к русским нефтяным концессиям. Правительство Гардинга даже подготовило энергичную ноту Англии на случай, если бы подтвердилось известие о подписании соглашения между советским правительством и «Роял Детч Шелл». 11 мая Чайльд сделал заявление, почти дословно повторявшее слова Юза Бедфорду.

Французская печать опубликовала, в связи с известиями, пространное коммюнике, в котором подчёркивалось единство действий по вопросу о нефти с Бельгией и высказывалась уверенность в лояльной позиции Англии, связанной договором в Сен-Ремо. «Что касается американского правительства, которое представлено своим посланником в Риме, действующим в качестве наблюдателя, оно является сторонником равного режима для всех стран. Франция полностью расположена к подобному порядку»³.

¹ «The autobiography of Lincoln Steffens». Vol. II, p. 810. New York. 1931.

² Child R. «A diplomat looks at Europe», p. 43. New York. 1925.

«L'Europe nouvelle» N 21, 27 mai. 1922, p. 644.

Слухи о нефтяной концессии, полученной якобы «Роял Детч Шелл», были опровергнуты советской делегацией в Генуе. По сообщению корреспондента «Рейтер» из Генуи, 2 мая советская делегация, категорически отрицающая наличие договора с «Роял Детч Шелл», заявила, что переговоры по вопросу о нефтяных концессиях велись, что со стороны «Стандарт ойл» не было сделано никаких предложений. Было указано, что советское правительство при условии его признания согласится предоставить нефтяные концессии, но отнюдь не монопольного характера. Полковник Бойль также опроверг слухи о договоре «Роял Детч Шелл» с советским правительством.

Однако опровержения не могли изменить ход дела. Инспирируя сообщение о договоре «Роял Детч Шелл» с советским правительством, «Стандарт ойл» и правительство США готовили почву для срыва Генуэзской конференции. Оставаясь за кулисами, Соединённые Штаты выдвинули с этой целью на авансцену Францию и Бельгию.

В тот самый день, когда Красин и Бойль опровергли слух о концессиях «Роял Детч Шелл», Барту выехал в Париж, очевидно, за инструкциями. Судя по всему, Пуанкаре предложил Барту не подписывать английский меморандум от 2 мая и занять резко непримиримую позицию в русском вопросе.

Действительно, вскоре Барту выступил с предложением перенести рассмотрение русского вопроса на Гаагскую конференцию, создав для этой цели специальную комиссию. «Эти предложения, — телеграфировал 15 мая корреспондент «Дейли геральд» Слокомб, — хотя и были внесены Барту, но фактически исходили от мистера Чайльда, американского посланника, и, очевидно, диктовались интересами «Стандарт ойл». Коротко говоря, Америка вмешалась в работу Генуэзской конференции и при этом вмешалась в духе враждебном Советам...»

План Чайльда и Барту рекомендовал отмену всех соглашений с Россией (включая и Рапалльское соглашение с Германией); во всех комиссиях Гаагской конференции должны присутствовать представители США; представители России исключались. «Это предложение, — продолжает Слокомб, — Чичерин вчера характеризовал как восстановление блокады России».

Чичерин говорил также Слокомбу, что хотя план, предложенный Чайльдом и Вандерлипом, объявлен не получившим санкции Вашингтона, тем не менее он выражает точку зрения американского правительства.

Чайльд в своих мемуарах подтверждает, что 7 мая в беседе с Ллойд Джорджем он сначала убеждал последнего изменить направление конференции и заняться репарационными вопросами; когда же Ллойд Джордж отвёл это предложение, Чайльд стал настаивать на том, чтобы отложить конференцию, передав в международный комитет все «неоконченные дела», т. е. вопрос о России¹.

Чувствуя поддержку Вашингтона, французская делегация договорилась с важнейшими бельгийскими нефтяными компаниями и вместе с бельгийской делегацией энергично выступила в защиту прежних держателей русских нефтяных акций. Лоран-Эйнак потребовал у англичан полного равноправия французских и британских интересов на Кавказе. Он сослался на пункт 2-й соглашения в Сан-Ремо, декларирующий принцип дружественного сотрудничества и взаимности во всех странах, где нефтяные интересы Англии и Франции могут практически соприкасаться. Лоран-Эйнак апеллировал также к пункту 6-му соглашения в Сан-Ремо, который гласил: «На территориях, зависящих от бывшей Российской империи, оба правительства будут взаимно оказывать поддержку подданным каждого из них в их общих усилиях, направленных на получение нефтя-

¹ Child R. Op. cit., p. 46.

ных концессий и разрешений на экспорт, а также на получение поставок нефти».

Англичане не остались без ответа и дали своё толкование пункту 6-му соглашения в Сан-Ремо. 15 мая Чемберлен, выступая в палате общин, заявил, что этот пункт и аналогичные ему параграфы соглашения имеют силу лишь постольку, поскольку французы и англичане решают приобрести определённые концессии сообща. Подданные же каждой из стран в отдельности, а равно и английские тресты сохраняют за собой полную свободу действий¹.

Но вопрос решался, конечно, не речами ораторов в английском парламенте, а реальным соотношением сил.

Видимо, «Стандарт ойл» занимал выжидательную позицию по отношению к Советской России, считая, что впоследствии советское правительство либо вернёт тресту бакинские промысла, либо сдаст их в аренду на гораздо более выгодных условиях. Но для этого необходимо было лишить возможности других конкурентов, и прежде всего «Роял Детч Шелл», получить концессии у советского правительства.

Немецкий автор Карл Гофман в книге «Нефтяная политика и англосаксонский империализм», написанной в 1927 г., считает, что отступление «Роял Детч Шелл» было обусловлено биржевой конъюнктурой. Генуэзская конференция, пишет Гофман, «была прервана с целью затушевать нефтяной скандал... После того как удалось действительно лишить группу «Шелл» её практического результата, повышение курсов на ньюйоркской бирже сделало крайне нежелательным дальнейшее развитие и раздувание скандала. Повышение курса акций способствовало примирению финансовых интересов обеих сторон... Если Генуэзская конференция, одушевлённая идеей «мира на земле», началась призывом к божьему соизволению, то в её финале громче всего слышались курсы важнейших нефтяных бумаг ньюйоркской биржи»².

Конечно, было бы неправильно укладывать Генуэзскую конференцию в прокрустово ложе одной только нефтяной проблемы, как это делают Помаре, Гофман, Леспаньоль де ля Трамери, Маркоссон, Девенпорт и Сидней Кук, Антон Мор, Денни и другие. Англо-американские противоречия в Генуе определялись не одной нефтью. Возможный компромисс Англии с Советской Россией внушал серьёзные опасения США и по другим мотивам. В случае успеха Генуи Англия получила бы доступ к русскому рынку, её позиции в Европе усилились бы. Незадолго до Генуи США нанесли Англии поражение на конференции в Вашингтоне, ограничив британские претензии на сохранение гегемонии на морях и в Азии. Тогда уже США с успехом использовали против Англии её соперника в послевоенной Европе — Францию. В Генуе США в известной мере повторили тот же ход, добиваясь «равновесия» на европейском континенте. Франция охотно шла вместе с США, рассчитывая ослабить позицию Великобритании.

Нет, однако, ни малейшего сомнения в том, что борьба концернов «Стандарт ойл» и «Роял Детч Шелл» из-за русской нефти сыграла первостепенную роль в дипломатической истории рассматриваемого периода и во многом определила развитие событий в Генуе.

Пока советская делегация готовила ответ на меморандум союзников, на конференции происходили частные свидания и переговоры. Ллойд Джордж встретился с представителем Италии Шанцером, а также с представителями Германии Виртом и Ратенау. Видимо с целью оказать давление на Францию, английская и итальянская делегации 4 мая сообщили, что они рассматривают вопрос о частном признании советского

¹ Леспаньоль де ля Трамери. Указ. соч., стр. 161.

² Гофман К. «Нефтяная политика и англо-саксонский империализм», стр. 136—137. М. 1930.

правительства де юре на тот случай, если конференция разойдётся, не достигнув цели.

В свою очередь Барту, вернувшись из Парижа, беседовал с председателем бельгийской делегации Жаспаром. В результате беседы было опубликовано коммюнике о полном согласии обеих делегаций.

Итальянская делегация сделала заявление прессе, подчеркнув «тяжёлый кризис», к которому пришла конференция, и указав на то, что Ллойд Джордж и Шанцер беседовали между собой с целью придти к общему соглашению в вопросе о Советской России и Бельгии.

Наконец, в связи с различными толками прессы, Барту и Ллойд Джордж обменялись письмами, в которых главы английской и французской делегаций заявляли, что их государства остаются верными принципам Антанты.

Подал голос на конференции и Ватикан, вручивший через своего уполномоченного монсиньора Пиззардо меморандум о позиции папы в русском вопросе. Монсиньору Пиззардо порекомендовали исключить из меморандума требование о возврате собственности религиозных учреждений, чтобы не осложнять общих переговоров. Снесшись с Ватиканом, папский уполномоченный снял своё требование.

10 мая делегации приглашающих держав обсуждали вопросы, внесённые малыми государствами. Большинство этих вопросов было отведено под тем предлогом, что они выходят за пределы порядка дня конференции; другие были переданы на рассмотрение Лиги наций.

На этом закончилась очередная «пауза» конференции. 11 мая советская делегация передала свой ответ на меморандум союзников от 2 мая. Советский ответ констатировал, что меморандум от 2 мая является шагом назад по сравнению с соглашением, заключённым на вилле Альбертис 20 апреля, и даже по сравнению с лондонским докладом экспертов.

Советский ответ самым исчерпывающим образом доказывал, что с юридической точки зрения Советская Россия не обязана платить по прошлым долгам, возвращать имущество или возмещать убытки бывших собственников. Но несмотря на юридическую правоту своих позиций Советская Россия соглашалась платить прошлые долги и отказаться от своих контрпретензий в обмен на реальные кредиты. Однако меморандум «не говорит ничего окончательного о кредитах, которые державы, его подписавшие, согласны предоставить российскому правительству. Кредиты же, которые они обещали предоставить своим подданным для торговли с Россией, имеют лишь факультативный характер.

Точно так же меморандум вновь ставит в полном объёме вопрос о военных долгах, аннулирование которых являлось одним из условий отказа России от своих контртрегований»¹.

Советский ответ устанавливал, что длительные совещания, которые повели к соглашению на вилле Альбертис, фактически окончились ничем не по вине Советской России.

Далее в ответе разоблачалась попытка меморандума уничтожить суверенитет Советской России путём учреждения смешанных третейских судов по делам и претензиям иностранцев.

Советский ответ констатировал, что державы, сосредоточивая все свои заботы на незначительной группе крупных капиталистов, жертвовали интересами большого числа капиталистов, которые могли бы вернуться к деятельности в России, а с другой стороны — интересами множества мелких владельцев русских займов и бывших мелких иностранных собственников, претензии которых признаются справедливыми советским правительством. «Российская делегация не может не выразить своего удивления по поводу того, что державы вроде Франции, насчитывающие наибольшее количество мелких владельцев русских займов, об-

¹ «Материалы...», стр. 238.

наружили наибольшее упорство в вопросе о возвращении имущества и таким образом подчинили интересы мелких собственников интересам нескольких групп, требующих возвращения имущества»¹.

Цель, которую ставило себе советское правительство, участвуя в конференции — соглашение с другими государствами, — «была основана на предпосылке, что иностранные державы, организовавшие военные интервенции, откажутся говорить с Россией в тоне победителя с побеждённым. Россия не побеждена... Россия и впредь готова в интересах достижения соглашения сделать иностранным державам серьёзные уступки. Однако, исключительно при том условии, что этим уступкам будут соответствовать равноценные уступки другой стороны в пользу русского народа. Для русского народа неприемлемы никакие соглашения, в которых его уступки не компенсируются действительными выгодами для него»².

Указывался и другой выход — взаимное аннулирование претензий, при котором советское правительство выражало, однако, готовность уважать интересы мелких собственников. В заключение конференции предлагалось, в случае если державы всё же хотят заняться разрешением существующих между ними и Советской Россией спорных финансовых вопросов, учредить смешанную экспертную комиссию. Советская делегация заявляла, что, по её мнению, разногласия по финансовым вопросам между Советской Россией и другими странами не должны помешать разрешению на Генуэзской конференции других проблем.

Советский ответ на меморандум 2 мая явился новым этапом конференции. Советское правительство как бы подводило в этом документе итог всем бесплодным попыткам союзников понудить Советскую Россию к капитуляции. Раскрывая подлинный смысл меморандума от 2 мая, советская делегация указывала главного виновника, ответственного за срыв конференции, — Францию — и вместе с тем подчёркивала, что правящие круги Антанты не хотят считаться с интересами экспортеров и мелких держателей займов. Вновь было подтверждено, что Советская Россия не пойдёт в кабалу к англо-французскому империализму.

Насколько неприятен был советский ответ руководителям конференции, можно судить по Ллойд Джорджу, который назвал ответ «бранчливым документом». После получения советского ответа на меморандум 2 мая вновь начались частные совещания и беседы. Ллойд Джордж беседовал с председателем югославской делегации Нинчичем, швейцарской — Мотта, румынской — Братиану, голландской — Ван-Карнбеком, польской — Скирмунтом, чехословацкой — Бенешем и японским представителем Хаяши.

13 и 14 мая представители держав, участвовавших в политической или русской подкомиссии, совещались без участия советской делегации. Темой обсуждения был, конечно, советский ответ. Ллойд Джордж предложил назначить одну или несколько комиссий экспертов, которые в сотрудничестве с советскими экспертами займутся вопросом о долгах, имуществах и кредитах. Он предложил также заключить временный пакт между Советской Россией и другими европейскими странами и взаимно обязаться не вести пропаганду в других государствах во время работ комиссий экспертов. Все эти предложения сводились к тому, чтобы как-нибудь закончить конференцию, не «потеряв лица» перед общественным мнением.

Однако Барту, осуществляя непримиримую линию Пуанкаре, отказался принять предложение Ллойд Джорджа. Но английского премьера поддержали по обыкновению Шанцер и — явно против французских хо-

¹ «Материалы...», стр. 240.

² Там же.

заяв — Братиану, а также швейцарец Мотта. На следующем заседании, в тот же день, к ним присоединились делегаты Японии, Польши и даже Бельгии. Очевидно, каждая из этих делегаций считала, что предложение Ллойд Джорджа является наименее скандальным выходом из положения. Пришлось и Барту согласиться с предложением Ллойд Джорджа, правда, с условием, что пакт о ненападении будет гарантирован «во времени и в пространстве».

Было решено, что исследование русского вопроса будет продолжено комиссиями экспертов союзных и нейтральных держав в июне в Гааге. После того как основные линии разрешения русской проблемы будут выработаны, эксперты представят доклад правительствам, которые и решат, желают ли они продолжать обсуждение с советской делегацией. Для участия в работах экспертов приглашались, исключая Германию, все державы, участвовавшие в Генуэзской конференции, а также США.

Печать, сообщая о совещаниях союзников, передавала, что державы готовятся исключить представителей Советской России из политической комиссии и обязать участвующие на конференции государства до окончания её работ не заключать сепаратных соглашений с Советской Россией.

Советская делегация, узнав об этом, направила 14 мая председателю конференции Факта резкий протест, заявив, что эти решения абсолютно неприемлемы для Советской России. Советская делегация указала, что устранение её от работ политической комиссии лишило бы последнюю объективного характера и морального авторитета не только в глазах русского народа, но и в глазах всего беспристрастного общественного мнения. Решение о запрете сепаратных соглашений с Советской Россией советская делегация расценивала как новую замаскированную блокаду, направленную против интересов русского народа. Советская делегация предлагала немедленно созвать политическую подкомиссию для обсуждения советского предложения о создании смешанной комиссии. Протест подействовал.

Политическая подкомиссия собралась 16 мая и заседала также 17-го. На заседаниях обсуждались вопросы, связанные с предстоящей работой комиссий экспертов. Советская делегация настаивала на том, чтобы в гаагских переговорах участвовала также и Германия. Это предложение было отведено под тем предлогом, что Германия уже раньше исключена из всяких переговоров, касающихся русских дел.

Советская делегация протестовала также против выбора места для встречи экспертов. Гаага не имела удобной связи с Советской Россией, а кроме того советское правительство не поддерживало дипломатических отношений с Нидерландами. Поэтому советская делегация предлагала заменить Гаагу Римом или Лондоном. Этот протест был также отведён, причём Ллойд Джордж, мотивируя своё возражение, откровенно заявил, что «заботой держав было выбрать место, где не было бы распространено никаких предвзятых мнений по намеченным вопросам»¹. Другими словами, державы предпочитали вести и дальнейшие переговоры в тихих уголках, нежели в крупных центрах с многочисленным пролетарским населением.

Острый инцидент возник в подкомиссии в связи с замечанием Чичерина по поводу статьи 6-й предложений союзников о взаимном обязательстве ненападения. Уточняя текст статьи, Чичерин разъяснил, что обязательство о ненападении должно будет касаться не только РСФСР, но и всех республик, представленных советской делегацией.

Это само собой разумеющееся замечание вызвало протест японского делегата Ишии, который настаивал на том, что вопросы, касающиеся Дальневосточной республики, не приглашённой на конференцию, не

¹ «Материалы...», стр 266.

могут обсуждаться на конференции. Оправдывая японскую оккупацию Дальнего Востока, Ишии заявлял, что японское правительство «торопится вывести свои войска из приморских областей, как только оно сможет сделать это с честью»¹. Ишии лицемерно уверял советскую делегацию в том, что японские войска не примут участия ни в каком нападении на дальневосточные территории, если не будут вынуждены к этому самообороной. Выступление Ишии встретило достойную отповедь со стороны советской делегации. Японскому делегату было прямо заявлено, что Дальневосточная республика не позволит превратить себя в японскую колонию и учтёт заявление Ишии об исключении Дальнего Востока из обязательств о ненападении.

Подробно рассмотрев предложения держав о работе комиссий экспертов, советская делегация на заседании 17 мая подтвердила своё требование о создании смешанной, а не отдельных комиссий экспертов, но всё же заявила, что Советская Россия примет участие в предстоящей конференции.

Советская делегация настаивала на расширении обязательства о ненападении упоминанием о нападениях, совершаемых бандами. Делегация заявила, что советское правительство располагает документальными данными о приготовлениях бывших врангелевских войск к нападению на советские республики. Документы эти были переданы в секретариат конференции. Советская делегация потребовала роспуска белых банд в Финляндии, Польше, удаления всех врангелевских и петлюровских войск из Румынии и Бессарабии, немедленного разоружения и отправки в более отдалённые страны врангелевских солдат, находящихся в Югославии.

Ллойд Джордж возражал против создания смешанной комиссии экспертов под тем предлогом, что последние «перед лицом непримиримых принципов всё равно будут собираться отдельно».

В результате дискуссии председатель подкомиссии Факта заявил, что толкование советской делегации всеми считается правильным и что, следовательно, обязательство о ненападении должно относиться не только к регулярным войскам, но и к нерегулярным бандам. Что касается места конференции, то после формального заверения, что советские эксперты в Гааге будут пользоваться всеми теми же гарантиями, что и делегации всех других наций, советская делегация дала своё согласие на созыв конференции в Гааге. На этом, собственно, и закончилась дискуссия по русскому вопросу на конференции в Генуе.

18 мая пленум первой комиссии утвердил постановление подкомиссии о созыве 26 июня в Гааге нерусской и русской комиссий для рассмотрения разногласий, существующих между советским русским правительством и другими правительствами «по вопросам о долгах, частной собственности и кредитах».

Было утверждено также взаимное обязательство о ненападении (с дополнительным четырёхмесячным сроком действия по окончании работы комиссий) и о воздержании от всякой подпольной пропаганды, в том числе от поддержки политических организаций других стран и иных способов вмешательства во внутренние дела других государств.

Обсуждение вопросов, связанных с Советской Россией, отодвинуло на задний план все остальные проблемы «восстановления Европы», поставленные в порядок дня конференции. Тем не менее три комиссии, созданные конференцией — финансовая, транспортная и экономическая, — заседали, составляли меморандумы, резолюции и доклады. Доклады эти обсуждались на втором и третьем, последнем, заседаниях конференции, 3 и 19 мая.

Все доклады комиссий, без исключения, с необычайной яркостью

¹ «Материалы...», стр. 252.

продемонстрировали бессилие капитализма в восстановлении экономики послевоенной Европы.

Финансовая комиссия приняла 19 резолюций, более похожих на школьные прописи, нежели на серьёзные предложения об упорядочении финансового положения европейских государств.

Когда председатель финансовой комиссии Леминг Уортингтон Эванс заявил на пленарном заседании конференции, что резолюции комиссии представляют собой «финансовый кодекс, значение которого для современного мира столь же велико, сколь велико было некогда значение гражданского кодекса Юстиниана», то, по словам Стида, редактора «Таймс», это сравнение только разведало делегатов.

На втором пленарном заседании конференции доклад финансовой комиссии не вызвал больших прений. Только советская делегация дала ему правильную оценку. Чичерин в своём кратком выступлении указал на необходимость межправительственных займов как важнейшего средства восстановления Европы. Говоря о резолюции комиссии, предусматривающей создание международных финансовых корпораций, советский представитель отметил, что эти корпорации не должны носить характер монополии. Он подчеркнул зависимость восстановления мира от политики всеобщего разоружения. Эти же доводы были развиты в замечаниях советских делегатов на меморандум по валютным вопросам.

«С точки зрения политической экономии и бюджетной практики,— говорилось в этих замечаниях,— финансовая комиссия должна возвысить свой голос против безумства, побуждающего все страны при наличии производства, в два — три раза пониженного по сравнению с довоенным, позволить себе роскошь военных расходов, значительно превышающих довоенные»¹.

По вопросу о кредитах советская делегация представила в финансовую комиссию меморандум, в котором подробно мотивировала необходимость и объём кредитов, требуемых для восстановления хозяйства Советской России.

Совершенно бессодержательную резолюцию приняла конференция по докладу транспортной комиссии. В ней не было ровным счётом ничего, кроме общих пожеланий о восстановлении транспорта, об устранении препятствий в международных сообщениях, о свободе транзита.

Сходным по типу с докладами финансовой и транспортной комиссий являлся доклад экономической комиссии. В нём также содержались одни общие благочестивые рекомендации.

Обсуждение доклада экономической комиссии на последнем пленуме конференции было весьма скудным по содержанию. Председатель комиссии француз Кольра посвятил значительную часть своей речи защите тезиса, гласившего, что «некоторые вопросы мирового хозяйства, при всей их серьёзности, не требуют ни общего обсуждения, ни общего действия»². Таким образом, устами самого председателя экономической комиссии было заявлено, что её предложения не имеют никакой цены. Ратенау вновь говорил о необходимости снижения задолженности отдельных государств, о более мягком обращении со странами-должниками.

Только советская делегация заявила, что докладу экономической комиссии «нехватает той смелости, которая необходима, если бы действительно имелось в виду приступить к работе всеобщего восстановления».

«Необходим целый ряд мер, новая политическая ориентация, наподобие той, какую я наметил в главных чертах на первом заседании Генуэзской конференции!», — говорил Чичерин.

¹ «Материалы...», стр. 376.

² Там же, стр. 415.

Вместе с тем Чичерин указал на то, что в главе отчёта экономической комиссии, трактующей о рабочем вопросе, нет упоминания о законодательстве в защиту рабочих, и правительствам предоставляется свобода не применять восьмичасовой рабочий день.

Таким образом, доклады финансовой, транспортной и экономической комиссий свелись к благим пожеланиям. Бесплодность их работ подчёркивалась ещё и тем, что каждая комиссия повторила резолюции какой-либо предыдущей и недавней конференции¹.

По существу, на Генуэзской конференции было официально признано, что соглашения, конвенции, резолюции по экономическим вопросам, принятые в 1920—1921 гг., остались на бумаге и не выполняются подписавшими их правительствами.

В беспомощных ссылках на эти решения содержалась сама оценка постановлений комиссий Генуэзской конференции.

Третье пленарное заседание конференции состоялось 19 мая. После принятия доклада экономической комиссии Шанцер доложил о предложениях первой комиссии по поводу предстоящей конференции в Гааге. Предложения эти были приняты большинством делегаций. Литовцы отказались принять обязательство о ненападении ввиду военной оккупации части Литвы Польшей. Норвежцы воздержались от голосования, так как они не получили инструкций от своего правительства. Наконец, бельгийцы и французы, не голосуя за решения, заявляли, что они предлагают своим правительствам принять их.

После принятия резолюции начались заключительные речи. Первым такую речь держал Ллойд Джордж. Он сделал всё, чтобы затушевать неудачу конференции и «сохранить лицо». «Италия,— говорил Ллойд Джордж, характеризуя работу конференции,— угостила нас всеми видами погоды... Мы имели, конечно, солнечные небеса, но нам достались также злые и холодные северные ветры; мы пережили также угрюмый и подавляющий сирокко; были и грозы, но сегодня всё это закончилось голубым небом. Такова история конференции»².

Ллойд Джордж не жалел красок для того, чтобы доказать «успех» конференции. Он заявлял, что если бы Генуэзская конференция ограничилась одними лишь докладами финансовой, экономической и транспортной комиссий, то и в этом случае она оправдала бы своё существование. Английский премьер говорил, что конференция значительно приблизилась к разрешению «русской проблемы», и выражал надежду на успешное продолжение её работ в Гааге. В поэтических тонах Ллойд Джордж рисовал значение обязательства о ненападении: «Мы решили испытать мир на оселке наших сердец, и после того, как он пребудет там в течение семи месяцев, мы более не выпустим его оттуда»³.

Всё же, очевидно, Ллойд Джордж понимал, что ограничиться аполгетическими речами об «удаче» конференции нельзя. Поэтому в своей речи он постарался взвалить вину за неуспех в разрешении «русского вопроса» на Советскую Россию, выступая в качестве «миротворца» против «упрямых доктринёров».

Заключительная речь Барту также была выдержана в умеренных

¹ Так, финансовая комиссия дублировала в своих предложениях выводы Брюссельской финансовой конференции 1920 года. Транспортная комиссия в своих решениях настаивала на скорейшей ратификации и выполнении конвенций, заключённых в Барселоне 20 апреля 1920 г. по поводу свободы транзита, режима судоходных путей международного значения, международного режима железных дорог. Наконец, резолюции экономической комиссии ссылались на ранее заключённые соглашения, в том числе на устав Лиги наций, на решения международной конференции о паспортах, таможенных формальностях и сквозных билетах в октябре 1920 г., на решения Вашингтонской конференции о мерах против безработицы. Чтобы напомнить представленным в Генуе государствам эти конвенции, комиссия в приложении к своему докладу опубликовала их резюме

² «Материалы...», стр. 442.

³ Там же, стр. 447.

тонах. Говоря о переговорах с советской делегацией, Барту сетовал на то, что несмотря на его мирные намерения его чучело сожгли на демонстрации в Петрограде.

Остальные заключительные речи содержали общие слова.

Советская оценка итогов конференции и вместе с тем отповедь Ллойд Джорджу была дана в выступлении Чичерина. Советский представитель заявил, что при всём том значении, которое имеет самый факт собрания всех европейских стран, без различия победителей и побеждённых и вне различия между противоположными системами собственности, результаты конференции «не оправдывают великих ожиданий, которые она возбуждала среди народов всех стран... Конференция не сделала смелого шага в направлении к новым экономическим и политическим методам творческой созидательной работы... Нам не дали вынести на конференцию вопрос о разоружении точно так же, как и некоторые другие вопросы... Конференция оказалась, за небольшими и незначительными исключениями, неспособной прибавить что-либо к существующим фактам или же к резолюциям, принятым другими конференциями»¹. Она не придерживалась принципа равенства победителей и побеждённых стран и равенства между советской системой и системой капиталистической. «Таковы, по нашему мнению,— говорил Чичерин,— причины неудовлетворительных результатов конференции».

Обращаясь к выступлению Ллойд Джорджа, он указал, что теория неравноправия двух систем собственности, развитая английским премьером, «не сумеет обратить русский народ в его веру, точно так же как не удалось это сделать вторгавшимся белоармейцам. Британский премьер говорит мне, что, когда мой сосед ссудил мне деньги, я обязан ему уплатить. Хорошо, я соглашаюсь в данном особом случае из желания примирения, но я должен прибавить, что если этот сосед ворвался в мой дом, убил моих детей, уничтожил мою мебель и сжёг мой дом, он должен, по крайней мере, начать с возвращения мне уничтоженного... Мы пошли ещё дальше. Мы удовлетворились бы получением достаточной помощи для того, чтобы быть в состоянии выполнить возложенные на нас обязательства. Но другая сторона не стала на ту же точку зрения»².

19 мая Генуэзская конференция, продолжавшаяся 39 дней, закончилась.

Провал Генуэзской конференции был не просто неудачей дипломатии союзных держав: он явился результатом их ошибочной политики, следствием политического просчёта. В самом деле, на что делали ставку правящие круги капиталистических держав, сначала приглашая Советскую Россию в Геную, затем предъявляя ей свои требования на конференции и, наконец, обрывая переговоры?

Прежде всего бесспорным считалось, что тяжёлое экономическое положение страны, ухудшившееся в связи с голодом 1921 г., ослабило позиции советского правительства и побудит его к капитуляции. «По весьма любопытной исторической аберрации,— пишет французский автор,— французское общественное мнение рассматривало Советскую Россию, как страну раскаявшуюся, даже как страну побеждённую»³. Немалую роль в планах империалистов играли также расчёты на то, что советская власть сама — и притом быстрыми темпами — идёт по пути капиталистического перерождения. Именно так оценили широкие буржуазные круги Запада новую экономическую политику. Если в этой перспективе несколько сомневались представители наиболее агрессивных, интервенционистских групп, то в ней были уверены деятели тех кругов,

¹ «Материалы...», стр. 451.

² Там же, стр. 452.

³ Sloves H. «La France et l'Union Sovietique», p. 156. Paris. 1935.

которые стремились овладеть русским рынком методами экономической войны. На такой точке зрения стоял Ллойд Джордж.

Во Франции ещё 6 апреля 1921 г. сенатор де Жувенель, выступая в сенате, заявил: «Ленин признал необходимость сохранить среднюю и мелкую частную собственность. Это возврат к капитализму, а для этого нужны капиталисты. Единственным выходом отсюда является призвание иностранцев и восстановление экономических отношений с другими странами»¹.

Меньше чем год спустя, 12 января 1922 г., Эррио убеждал палату депутатов в том, что советский режим «будет эволюционизировать, он уже эволюционизирует. Необходимость того, что я назвал бы политической физиологией, приложима к России, как и ко всем государствам. Вот уже там восстанавливаются частное хозяйство, свобода торговли, капитализм»².

В сентябре 1922 г. Эррио сам побывал в Советской республике и вернулся во Францию, ещё более уверенный в том, что Советская Россия становится «нормальным» капиталистическим государством.

В этом духе выступали немецкие политики разных лагерей. Орган германской народной партии «Deutsche Politik» утверждал, что ввиду ужасного голода в России «Ленин, для того чтобы восстановить русское народное хозяйство, готов броситься в объятия западноевропейского капитализма»³. Известный дейч-национал Гетцш заявлял в рейхстаге, что в России налицо «отход от принципов безусловного экономического большевизма... Die novaja ekonomisceskaja politika,—говорил Гетцш,— в полном ходу, и с трудом, с большим трудом ещё защищаются сейчас оба последние укрепления — социализация крупной промышленности... и сохранение государственного комиссариата внешней торговли — эти последние укрепления в этой системе, которая стала хрупкой, которая потерпела крах и так обанкротилась, как только возможно»⁴.

Социал-демократы вторили дейч-националам. Мюллер утверждал, что «русские Советы... будут, так сказать, этапами вновь освящать частную собственность, если они хотят получить деньги у капиталистов».

Наряду с политическими деятелями, подобными Ллойд Джорджу, Эррио и другим, значительная часть журналов и газет — от консервативных до социалистических — также расценивали положение дел в Советской России как процесс её быстрого капиталистического перерождения.

Орган британских колониальных кругов «The Round Table» в статье «Коммунистический эксперимент в России» подробно излагал своё представление о том, чем является «новaja ekonomisceskaja politika»: «Россия будет ещё дальше идти по пути капитализма... Наш генеральный вывод должен быть тот, что советское правительство будет, используя коммунистическую фразу, продолжать своё экономическое отступление»⁵.

Американский журналист Уолтер Дюранти, находившийся с осени 1921 г. в Москве, вспоминая в своих мемуарах 1935 г. об оценке нэпа за границей, писал: «В ортодоксальной Америке настолько велик был страх перед красным пугалом, что... нэп казался возвратом к некоей видоизменённой форме капитализма... Большинство иностранных наблюдателей и деловых людей было убеждено в том, что большевистский эксперимент, как они его называли, не сможет долго продолжаться и что нэп является началом его конца»⁶.

Чрезвычайно важно отметить, что люди, возлагавшие надежды на

¹ «Бюллетень НКВД» № 77 от 25 мая 1921 г., стр. 11.

² «Journal officiel» № 2, 12 janvier 1922, p. 53.

³ «Deutsche Politik», Heft 1—2, S. 2, 15 Januar 1922.

⁴ «Verhandlungen des Reichstags». Bd. 335, S. 7709, 7680, 7718, 29 Mai 1922.

⁵ «The Round Table», June 1922, p. 552—553.

⁶ Duranty W. «I Write As I please», p. 163, New York, 1935.

капиталистическое перерождение Советской России, искали подтверждения своих тезисов в исторических параллелях и аналогиях.

Признав на словах в Каннах равноправие капиталистической и социалистической систем собственности, буржуазные политики не хотели, да и не могли, сделать должные выводы из этого признания. Ллойд Джордж, Эррио и многие другие прилагали к Советской России обычную, трафаретную схему буржуазной революции с её эволюцией от «экстремы» к термидору. Отрицая историческую закономерность Октябрьской социалистической революции, они, естественно, должны были считать советское государство неприятной аномалией истории, аномалией, которая, не будучи устранена путём хирургического вмешательства, вскоре неминуемо «рассосётся» с помощью экономического давления извне.

Действительность опровергла все эти надежды и предположения. Новая экономическая политика оказалась не переходным этапом к капитализму, а методом строительства социализма. Советское правительство не согласилось на капитуляцию и достаточно ясно заявило об этом в Генуе.

План, рассчитанный на закабаление Советской России путём экономической интервенции, потерпел неудачу.

Немудрено, что провал Генуэзской конференции вызвал немало горьких признаний со стороны представителей правящих кругов разных стран.

Все сходились на том, что конференция явилась демонстрацией центробежных, а отнюдь не центростремительных тенденций в послевоенной капиталистической Европе. «В конечном счёте, — заявлял журнал «The Spectator», — европейские государства вместо того, чтобы сплотиться теснее, стали группироваться по различным и обособленным лагерям»¹.

Д'Абернон писал, что «весь ареопаг Европы в течение пяти недель находился в Генуе и сделал себя смешным»².

Разочарование и недовольство в связи с неудачей Генуи ярко проявились в прениях европейских парламентах, обсуждавших итоги конференции. «Я не говорю, что Генуя окончательно победит, — заявил в палате общин Ллойд Джордж, — я верю в то, что она уже совершила великие дела... Мы установили перемирие между народами»³. Эта декларация звучала так же слабо, как и уверения британского премьера в том, что решения финансовой и других комиссий конференции «внесут большое улучшение в несчастливые условия»⁴.

Ллойд Джордж стремился свалить вину за неудачу конференции на советскую делегацию. Он не постеснялся даже прибегнуть к вымыслам, утверждая, будто советский меморандум от 11 мая объясняется «внутренней борьбой в Советской России», празднованием 1 Мая и влиянием «экстремистов». Доклад Ллойда Джорджа был встречен всеобщей критикой. Премьера обвиняли не только консерваторы и лейбористы, но и либералы. Асквит назвал результаты конференции «угнетающе и даже бедственно скудными». Асквит, между прочим, заметил, что решение конференции воздержаться от вооружённых выступлений до Гааги отнюдь не является достижением, так как, например, Россия уже заключила в Риге подобное соглашение накануне Генуи с Латвией, Эстонией, Польшей. Консерваторы жаловались на то, что Ллойд Джордж не выполнил своих обещаний и не склонил Советскую Россию к капитуляции. «Ллойд Джордж не сказал нам, — гозорил консерватор Гвинн, — что он в результате Генуэзской конференции в огромной мере усилил позиции Германии и России»⁵. Консерватор лейтенант-полковник Арчер Ши переда-

¹ «The Spectator», 20 May 1922, p. 614.

² Д'Абернон «Посол мира», стр. 210—211.

³ «Parliamentary debates. House of Commons». Vol. 154, № 69, 25 May 1922, p. 1470

⁴ Ibidem, p. 1452.

⁵ «Parliamentary debates...», p. 1491.

вал настроения масс в связи с провалом Генуи: «Вы можете слышать на каждом углу улицы, что мы должны признать большевиков, и тогда будет много работы»¹.

За поправку в резолюции, предлагавшую снизить бюджет Foreign Office на 1000 фунтов стерлингов, голосовало меньшинство палаты, но тем не менее неудача Генуэзской конференции была приговором кабинету Ллойд Джорджа. В связи с этим и другими провалами он был свергнут на очередных выборах с тем, чтобы никогда уж не вернуться к власти.

Во французской палате депутатов Пуанкаре заявил, что политическая конференция в Генуе потерпела полный крах, а экономическая конференция победила. Он не стеснялся в злобных выпадах против советского правительства, возмущался тем, что оно ставило свои условия вместо того, чтобы ожидать предложений «цивилизованных народов Европы». Говоря о предстоящей конференции в Гааге, Пуанкаре заметил, что решать русский вопрос или вопрос о восстановлении Европы в отсутствие США — это значило бы решать задачу квадратуры круга². Так французский премьер косвенно признал зависимость позиции Франции в Генуе от американского диктанта.

Однако Пуанкаре не избег критики — и не только слева. Марсель Самба напомнил премьеру первый день Генуи: «Мы дали русским превосходный шанс. Когда Чичерин понял, что о разоружении не говорят, естественно, он стал говорить о нём по всякому поводу... Бриан, сказали нам русские, говорил в Вашингтоне; вы сами (т. е. Пуанкаре. — *Н Р.*) говорили о наших больших вооружениях, — мы готовы разоружиться. Я предлагаю вам говорить о разоружении... Что ответили вы Чичерину? Ничего. Естественно, вы должны признать, что Чичерин действует против вас оружием, которое вы сами вложили ему в руки»³.

В шовинистическом угаре трезво прозвучала речь Эррио: «Наши делегаты возвратились из Генуи, говорят нам, со свободными руками, но и с пустыми». Правый депутат Молинье выражал опасение, чтобы Франция не осталась в стороне от русской нефти. Декларация правительства и вотум доверия были приняты палатой 484 голосами против 100.

Среди парламентских выступлений заслуживает внимания доклад чехословацкого премьер-министра Бенеша, который играл значительную роль как накануне Генуи, так и на самой конференции. Бенеш акцентировал «среднюю» политику Чехословакии в Генуе, её стремления смягчить англо-французский конфликт и найти общий язык с Советской Россией. «Я подчёркиваю с удовлетворением, — говорил Бенеш, — что представители России ни в чём не критиковали нашу политику в отношении России»⁴.

По-разному оценивая неразрешённые Генуей проблемы, представители почти всех политических партий во всех странах сходились на том, что Советская Россия выиграла в результате Генуэзской конференции. Реакционеры признавали этот факт со скрежетом зубным, критикуя либералов. Либералы констатировали успех РСФСР в укор «твердолобым» — консерваторам. Но так или иначе мало кто выражал сомнение в этом итоге конференции.

«Большевистская трибуна» — так была озаглавлена одна из передовых «Таймс», посвящённая Генуе. Редактор «Таймс» Уикхем Стид считал, что Генуя стала «подмостками для большевиков»⁵, они являются

¹ «Parliamentary debats...», p. 1528.

² «Journal officiel» № 60, 24 mai 1922, p. 1646.

³ Ibidem, p. 1622.

⁴ «Exposé de M. Benes au sujet de la Conférence de Genes, fait devant la Chambre des députés et le sénat, le 23 mai 1922», p. 29. Prague. 1922.

⁵ «The Times», 13 April, 22 April 1922.

«арбитрами конференции» и «раздавателями благ умоляющим» представителям деловых кругов. Бенеш в цитированной выше речи заявил, что «с помощью Генуэзской конференции Россия вновь занялась активной международной политикой, будучи в действительности признана де факто»¹.

Реакционный французский автор, близкий Пуанкаре, профессор Барду, присутствовавший на конференции, весьма живописно иллюстрировал это признание де факто советской страны, достигнутое в Генуе. «Все двери открываются перед большевиками, — с нескрываемым озлоблением писал Барду. — Муниципалитеты и университеты принимают их во дворцах. Прелаты чокаются с ними и домогаются их сотрудничества. Короли приветствуют их братскую державу и превозносят их цистеронианское красноречие».

«Мы пришли сюда, чтобы сокрушить Францию», — шепчет итальянский голос. «Будьте умеренны, — мы осуществим великое восточное дело», — советует английский голос. «Помогите нам выйти из нашей изоляции, и я обеспечу вас пушками и ботинками», — умоляет германский голос. «Раз вы подписали договор с Виртом, почему не заключить договор с нами», — предлагает венгерский голос. «Перед тем как уезжать, побывайте в Риме», — говорит папа. За дипломатами следуют деловые люди: «Отдайте мне Донецкий бассейн — этого будет достаточно... Согласитесь на монопольную продажу нефти... Дайте мне концессию на лес»². Если и внести некоторую поправку на раздражение французского публициста, то всё равно нельзя не признать, что нарисованная им картина была недалека от действительности.

Ошеломляющее впечатление на общественное мнение всего мира произвела независимая позиция, стойкость и смелость, проявленные социалистическим государством на международной конференции несмотря на трудные условия, в которых находилась страна. История не дала ни одного примера подобного поведения государства в аналогичной ситуации. Этим, видимо, и объясняется тот факт, что политические и общественные деятели, писатели и журналисты, дипломаты и деловые люди были буквально потрясены поведением советского правительства и его представителей.

Консервативные английские публицисты из журнала «The Round Table» с почтением говорили о «стойкой независимости» советской делегации в Генуе. Ллойд Джордж отзывался о советских руководителях как о «людях исключительных способностей, со знанием внешнего мира»³.

Бывший итальянский премьер Франческо Нитти в нашумевшей книге «Европа над бездной» воздавал должное «глубокому национальному духу большевизма». «Большевизм, — писал он, — предпочёл отказаться от всяких кредитов, но не предавать или ограничивать свою свободу в угоду иностранцам. Россия одолела ненавистный контроль, предложенный ей державами, после попыток одолеть её силой орудия и голода»⁴.

Словом, к какому бы автору мы ни обратились, мы всюду встретимся с мнением, ярко выраженным в статье враждебно настроенного к советской стране английского консервативного публициста Гамильтона Файфа «Когда история Генуэзской конференции будет написана с полным знанием дела, то историк будущего скажет, что её результаты были удивительными только для одного правительства — для правительства России»⁵.

¹ «Exposé de M. Benes...», p. 10.

² Bar doux J. «Lloyd George et la France», p. 434, 435.

³ «Parliamentary debates...». Vol. 154. № 69, 25 May 1922, p. 1460.

⁴ Нитти Ф. «Европа над бездной», стр. 4. Петроград. 1923.

⁵ «Foreign Affairs». Vol. III. № 12. June 1922, p. 183.

Каковы же в действительности были итоги Генуэзской конференции для советской страны?

Советская Россия не получила крупного заграничного займа, который позволил бы быстро двинуть вперёд восстановление народного хозяйства страны, разрушенного в результате мировой и гражданской войн и интервенции. Но она отстаивала свою государственную независимость и самостоятельность и дала энергичный отпор попытке буржуазных держав восстановить в России капиталистическую систему общественных отношений средствами экономической войны.

«Делегация РСФСР и союзных с ней советских республик, — говорилось в резолюции III сессии ВЦИК о Генуе, — правильно выполнила свои задачи, отстаивая полную государственную независимость и самостоятельность РСФСР, борясь с попытками закабаления русских рабочих и крестьян, давая энергичный отпор стремлению иностранных капиталистов восстановить частную собственность в России; точно так же делегация вполне правильно выразила интересы трудящихся РСФСР и братских советских республик, заключив договор с Германией на началах полного равноправия и взаимности»¹.

Твёрдая позиция советского правительства в Генуе нанесла поражение военным партиям буржуазии, рассчитывавшим на новую интервенцию, и побудила правящие круги капиталистических стран ускорить установление экономических и политических связей с советским государством на основах равноправного соглашения двух систем собственности.

Советская Россия не поддаётся дипломатической интервенции, она не предоставляет бесплатно своих богатств, — значит, с ней надо торговать — вот вывод, который сделали капиталисты после Генуи в большей мере, чем до неё.

Детердинг, который в сентябре 1922 г. на международной конференции нефтепромышленников поклялся не иметь дела с Советами, спустя четыре месяца не выдержал искушения и заключил контракт с Москвой. «Стандарт ойл» той же зимой направил в Советскую Россию своего представителя с той же целью. Этому примеру последовали и другие тресты. Никакие заклинания о финансовом и экономическом бойкоте советской страны не могли отменить закономерностей исторического развития.

ВЦИК в своём постановлении о Генуе в особенности подчеркнул «правильность и своевременность того, что делегация в первом же своём выступлении выдвинула предложение всеобщего разоружения. В этом выступлении делегации РСФСР, — заявлял ВЦИК, — нашли своё выражение интересы и желания не только трудящихся масс России, но и кровные интересы трудящихся всего мира и всех угнетённых и порабощённых народов и наций».

Генуэзская конференция, по планам её инициаторов, должна была продемонстрировать единый фронт капиталистических держав, направленный против Советской России. На деле конференция убедила всех в обратном. Она наглядно обнаружила глубокие противоречия между Англией и Францией, Англией и США, Японией и США, между союзниками и Германией. Генуя ослабила зависимость внешнеполитического курса ряда малых государств от Франции, являвшейся центром антисоветской политики. В первую очередь это относилось к Чехословакии.

Рапалльский договор с Германией, по крайней мере на ближайшие годы, выбивал из рук Англии и Франции перспективу использования Германии в качестве орудия антисоветской политики.

Констатируя крайнюю неустойчивость капиталистической системы

¹ «Внешняя политика СССР 1917—1944 гг.». Т. II, стр. 419.

в целом, ВЦИК с полной правотой мог заявить: «Чем бы непосредственно ни закончилась Генуэзская конференция, весь ход международных отношений за последнее время свидетельствует о неизбежности на данном этапе исторического развития временного сосуществования коммунистической и буржуазной систем собственности и заставляет даже наиболее непримиримых врагов Советской России искать путей соглашения с коммунистической системой собственности, после того как кончились крахом их четырёхлетние попытки насильственно ликвидировать эту систему»¹.

Самый факт выступления Советской России на первой послевоенной общеевропейской конференции имел огромное международное значение. Стойкое противодействие советского правительства покушениям империалистов на независимость страны нашло широкий отклик в рабочих массах и среди всех демократических кругов Европы и Америки. «Громадное сочувствие, которым пользовалась советская делегация в Генуе со стороны широких слоёв населения в Италии, — говорилось в отчёте ЦК РКП(б), — было отражением того внимания и сочувствия, которое Советская Россия приобрела за годы своей борьбы в глазах трудящихся всего мира»².

Достаточно выразительно говорил об этом бывший французский министр Кайо. Рабочие всех стран «тем более воспламенились идеей всеобщего ниспровержения, что обнаружилось намерение взять под стражу русскую революцию»³.

В Генуе, впервые на широкой арене, выступила советская дипломатия. До этого времени она была известна главным образом по дипломатическим документам советского правительства, тщательно замалчивавшимся зарубежной прессой. До апреля 1922 г. имели место лишь отдельные и, как правило, закрытые совещания представителей буржуазных государств с советскими представителями. Только в Генуе советской дипломатии впервые довелось выступить с международной трибуны, гласно и открыто. Генуэзская конференция продемонстрировала всему миру, что руководимая Лениным дипломатия молодого советского государства своим искусством маневрировать в самых сложных условиях, сочетая твёрдость и гибкость, не только не уступает искушённой, многоопытной дипломатии буржуазных государств, но намного превосходит её.

Генуя воочию показала советскому народу, что он должен рассчитывать в борьбе за построение социализма на свои собственные силы. Генуя раскрыла перед советскими людьми новые замыслы буржуазных держав. Отпор этим замыслам и попыткам способствовал росту советского патриотизма среди самых широких масс народа. И во вне, перед всем миром, и внутри страны в апреле — мае 1922 г. была ярко продемонстрирована историческая правота сталинских слов, сказанных менее чем за полтора года до Генуи: «В лице России растёт величайшая социалистическая народная держава, которая не даст себя обидеть».

В этом заключался главный итог Генуэзской конференции.

¹ «Внешняя политика СССР 1917—1944 гг.». Т. II, стр. 419.

² «Известия ЦК РКП(б)» от 6 июня 1922 года.

³ Кайо Ж. «Куда идёт Франция, куда идёт Европа?», стр. 169. ГИЗ. 1923.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П. Д. КИСЕЛЕВА

Проф. Н. Дружинин

I

Граф П. Д. Киселёв был, бесспорно, одним из крупных государственных деятелей дореформенной, крепостной России. Наряду с «клоповичем» М. М. Сперанским и выходцами из обедневшей буржуазно-дворянской семьи братьями Н. А. и Д. А. Милютиными П. Д. Киселёв был наиболее прогрессивным представителем самодержавного правительства в период разложения феодальной формации. Киселёв понимал, что для дальнейшего экономического развития страны необходимы уничтожение крепостного рабства, преобразование устаревшей системы управления и поднятие культурного уровня населения. С именем Киселёва связаны разнообразные попытки выйти из обострившегося кризиса 1830-х—1850-х годов, в том числе нашумевшая реформа управления государственными крестьянами, послужившая «генеральной репетицией» реформы 19 февраля 1861 года. Чтобы разобраться в этом киселёвском опыте разрешения крестьянского вопроса, до некоторой степени предвосхитившем усилия Н. А. Милютина и даже П. А. Столыпина, необходимо понять социально-политическую программу П. Д. Киселёва. Несомненно, его личная инициатива, его сложившиеся взгляды и энергия оказали большое влияние на возникновение и реализацию плана 1837—1841 гг. — покончить с вредным воздействием разлагающихся институтов, не выходя из рамок феодального строя.

Личность П. Д. Киселёва не раз привлекала к себе внимание буржуазно-либеральной историографии. В реакционный период 1880-х годов вышла четырёхтомная биография Киселёва, написанная его ближайшим помощником и апологетом А. П. Заблоцким-Десятовским. В противовес реакционным вершителям политики Александра III Киселёв предстал перед читателями как бескорыстный апостол гуманности и права, посвятивший всю свою жизнь настойчивой борьбе против крепостного права. Киселёв поднимался на пьедестал как либеральное знамя, изображался предтечею «великой реформы» 19 февраля 1861 года¹.

Повторяя в большей или меньшей степени характеристику Заблоцкого, либерально настроенные историки рисовали Киселёва выдающимся государственным деятелем, вышедшим из поколения декабристов и разделявшим их основные взгляды. Авторы различных брошюр и статей подчёркивали принципиальность его убеждений и любовь к угнетённому крестьянству; в его реформе управления государственными крестьянами 1837—1841 гг. они видели необычайную «жизненную удачу». «Своею деятельностью о народном благе, ещё мало оценённую, — утверждал С. П. Кавелин, — гр. Киселёв занимает исключительное, беспримерное положение в эпохе Николая I»².

¹ Заблоцкий-Десятовский А. П. «Граф Киселёв и его время». Т. I—IV. СПб. 1882. «Андрей Парфёнович Заблоцкий-Десятовский», «Русская старина», 1882, февраль.

² Кавелин С. «Исторический очерк поземельного устройства государственных крестьян», стр. 70. М. 1912. Ср. статьи М. М. Богословского «Государственные крестьяне при Николае I» («История России в XIX веке», Т. I. Изд. Гранат). С. Князькова «Гр. П. Д. Киселёв и реформа государственных крестьян» («Великая реформа», Том II. Изд. Сытина, М. 1911), Ю. Готье «Гр. П. Д. Киселёв» («Освобождение крестьян. Деятели реформы», Изд. «Научное слово», М. 1911).

Несколько иначе звучали отзывы, исходившие из демократического лагеря. Народнический журнал «Отечественные записки» отказывался видеть в Киселёве государственного деятеля, а в его реформе — преддверие 19 февраля 1861 года. Но, отвергая историческое значение реформы 1837—1841 гг., орган Н. К. Михайловского соглашался, что идеи и взгляды Киселёва действительно опередили его время, что он был носителем широких освободительных идеалов и упорно стремился к их осуществлению¹. Другой народнический орган — «Устой» — высказывался суровее и резче: под пером Н. Морозова Киселёв выступал не великим деятелем, а «великим чиновником», в котором горячая вражда к крепостному праву парализовалась бюрократическим самомнением и личным карьеризмом². С точки зрения Н. А. Рожкова, у Киселёва вообще не было никаких убеждений — это был лицемерный бюрократ, который искусно лавировал между подводными камнями николаевского режима³.

Однако ни один из биографов и ценителей Киселёва не дал нам систематического анализа его социально-политических взглядов. Между тем личный архив Киселёва, раздробленный между тремя учреждениями — Центральным архивом народного хозяйства, Институтом литературы Академии наук СССР и Рукописным отделением Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, — хранит в себе немало документов, проливающих свет на формирование общественных взглядов Киселёва: путевые записки и дневники, собственноручные доклады и проекты, хозяйственные распоряжения и планы, наконец, многообразную переписку с самыми различными корреспондентами. Дополненные документами из правительственных фондов и напечатанными отрывками из исчезнувших дневников, эти материалы помогают нам понять, как совершался процесс внутреннего развития Киселёва и в какую форму отлились его личные убеждения к началу 1835 г., когда он волею Николая I был назначен «начальником штаба по крестьянской части».

II

Казалось бы, внешняя история жизни П. Д. Киселёва готовила ему совершенно иное место — в рядах убеждённых сторонников установившегося порядка вещей, противников какой-либо критики и «опасных» преобразований. Помещица семья Киселёва, в которой он родился (в 1788 г.) и получил первые политические внушения, принадлежала к старинному служилому дворянству, имела несколько сот крепостных душ и была неразрывно связана с верхами господствующего класса. В этой патриархальной семье, обладавшей большими политическими и культурными связями, были заложены прочные основы сословно-дворянских и монархических убеждений Киселёва. До конца своих дней он сохранил о семье благодарные воспоминания, черпая в них привычную преданность религиозной традиции, веру в неизбежность словесной иерархии и укоренившийся культ монархической власти. Военная служба в Кавалергардском полку ещё более укрепила эту глубокую феодальную подоснову мировоззрения Киселёва: она воспитала в нём привычки и навыки военного командования, привила ему чувство служебной дисциплины и упрочила его аристократические связи.

Назначение в 1814 г. флигель-адъютантом к Александру I было не только удачным поворотом в личной карьере Киселёва, но также определяющим моментом его внутреннего развития: этого зрелого Киселёв сделался представителем придворного круга, нерасторжимо связанным с существующим строем; честолюбивый и властный, умный и ловкий, он чувствовал себя обязанным в своих служебных успехах расположению

¹ «Отечественные записки», январь 1882 года, стр. 91—95.

² «Устой», январь, стр. 39—75.

³ Рожков Н. «Из русской истории». Ч. 2-я (статья «Тридцатые годы»).

и милостям императора; его «религия монархизма», которой он гордился в продолжение всей своей жизни, приобрела ещё более строгие и резкие очертания. Когда по окончании войн с Наполеоном, дослужившись до генеральского чина, Киселёв был назначен начальником штаба 2-й армии — фактически главнокомандующим при дряхлом Витгенштейне, — его феодально-консервативная позиция должна была укрепиться ещё более: он действовал в условиях нарастающей реакции, руководясь аракатеевскими инструкциями из Петербурга и приучая себя «подчинять действия не внушениям собственным, но обстоятельствам, нами управляемым»¹. Приспосабливаясь к фронтмании Александра I и насаждая в войсках суровую дисциплину, Киселёв ещё более втягивался в политику дворянского государства, теснее и крепче связывал себя с его феодальными институтами.

После окончания турецкой войны 1828—1829 гг. перед Киселёвым открылось новое широкое поле деятельности: он был назначен полномочным председателем диванов Молдавии и Валахии, на несколько лет оккупированных войсками царского правительства. Перед лицом Западной Европы он должен был, по выражению министра иностранных дел Несельроде, «навязать некоторым образом жителям всех классов благоденствие правильной администрации»². Эта реформа, заключающаяся в европеизации отсталого административно-судебного строя и некотором смягчении феодально-личной зависимости крестьян, была продиктована расчётами ближневосточной политики и завоевала Киселёву славу либерального государственного деятеля; но эта реформа проводилась им сверху, в обстановке военной оккупации, путём беспощадного подавления боярской оппозиции и крестьянских протестов. Киселёв выступал здесь в роли могущественного протектора, исполняя веления императора Николая I и опираясь на вооружённую силу русской армии. Деятельность Киселёва в дунайских княжествах продолжала основную линию его внутреннего развития. В расширенном и усложнённом виде она упрочивала авторитарные основы его мировоззрения, заложенные ещё в детские годы и постепенно оформленные военно-административной и придворной службой. Пока мы не видим в политическом развитии Киселёва никаких колебаний и внутренних сдвигов: его убеждения выростали органически и постепенно, в недрах феодального государства, как идеологическое выражение установившегося господства дворянского сословия.

Социальное положение Киселёва как землевладельца, обладателя нескольких имений в Ярославской, Пензенской и Киевской губерниях, должно было ещё сильнее укрепить его консервативные настроения. Киселёв был хозяйствующим помещиком, который непосредственно руководил эксплуатацией своих крепостных крестьян, — устанавливал нормы барщинных работ, распорядился возвышением оброка, заботился о воспитании деревни в духе религии и повиновения. Казалось бы, этот представитель военной бюрократии, генерал-адъютант, крупный земельный собственник, впоследствии министр Николая I, неспособен подняться над уровнем ограниченной крепостнической знати и усомниться в неизбежности существующего порядка. Но Киселёв, несмотря на свои сословно-монархические убеждения, выработал программу, отличающуюся от позиции заядлых крепостников, и не только выработал такую программу, но вступил в энергичную и продолжительную борьбу со своими реакционными противниками.

Причина этого явления заключалась в особенностях переживавшегося исторического момента. Мы ничего не поймём в деятельности Киселёва, если не разберёмся в противоречивых тенденциях его идеологии, порождённых сложной, исполненной не меньших противоречий действительностью начала XIX века.

¹ Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 78, стр. 77.

² Заблоцкий-Десятовский А. Указ. соч. Т. I, стр. 353.

Киселёв развивался и действовал в условиях глубокого общественного перелома: на Западе только что закончилась Французская буржуазная революция; все европейские страны переживали переход к капиталистическому строю; в России уже явственно обозначались признаки социально-экономического кризиса, который путал карты правящего крепостнического дворянства. Киселёв вышел из того дворянского поколения, которое в детстве слышало разговоры о тирании Павла и либеральных планах его преемника, в юности пережило тильзитское унижение и возвышение Сперанского, в начале самостоятельной жизни было охвачено патриотическим подъёмом 1812 г. и боролось с владычеством Наполеона. Киселёв оказался достаточно умён, чтобы осознать всемогущую, непобедимую власть «духа времени», и достаточно образован, чтобы подвести под это сознание определённую идеологическую базу. Правда, его домашнее образование не было систематическим и глубоким, но он восполнил зияющие пробелы своих знаний самостоятельным чтением европейской литературы, разносторонним общением с людьми и постоянными размышлениями над фактами жизни.

Восемнадцатилетним юношей Киселёв поступил корнетом в Кавалергардский полк, проделал с ним заграничную кампанию 1807 г. и после заключения Тильзитского мира оказался в Петербурге в атмосфере нарастающего оппозиционно-дворянского движения. Дворянство не могло простить Александру I ни поражения под Фридрихсдорфом, ни договора в Тильзите. Континентальная блокада наносила огромный ущерб не только помещицкому хозяйству, но и всей экономической жизни России. Зависимость от Франции воспринималась как знамение национального позора. Либеральные планы Александра I оставались неосуществлёнными. Внешняя и внутренняя политика правительства подвергалась публичной критике. Кавалергардский полк, аристократический по составу своего офицерства, был одним из важнейших аккумуляторов сословно-дворянской фронды. Товарищами и друзьями юного Киселёва были не только будущие сановники Николая I — Закревский, Меншиков, Левашев, — но и будущие крупные декабристы — Михаил Орлов, Лопухин и Волконский. Наряду с проявлениями молодечества и бретёрства передовых кавалергардов интересовали вопросы политической жизни. В записках декабриста Волконского рассказывается о дерзких демонстрациях против французского посланника Коленкура, которые из чувства национального протеста устраивали в Петербурге молодые кавалергарды¹. Личный архив Киселёва сохранил нам другое, более серьёзное выражение сильной дворянской оппозиции. В числе черновых записок и проектов Киселёва есть документ, составленный на французском языке и датированный 25 августа 1808 года. Это «Проект представления» Александру I, заключающий в себе резкую критику внешней и внутренней политики правительства. Мы не имеем доказательства, что проект был составлен двадцатилетним корнетом Киселёвым, но Киселёв не только читал его, но и хранил в течение своей жизни вместе с другими, особенно ценными для него документами. Очевидно, Киселёв не только интересовался в это время политическими вопросами, но и разделял — в той или иной мере — высказывания автора этого рукописного сочинения. Очень возможно, что «Проект представления» вышел из-под пера Михаила Орлова: некоторые утверждения, заключающиеся в проекте 1808 г., поразительно совпадают с позднейшим уставом «Ордена русских рыцарей», основанного М. Орловым и М. А. Дмитриевым-Мамоновым.

Автор проекта выступает как убеждённый сторонник монархии и дворянских привилегий: он обращается к императору как дворянин-патриот, страдающий от бедствий своего отечества и исполненный веры в благородные свойства Александра I. Он заклинает царя «предупредить

¹ «Записки С. Г. Волконского», стр. 61—62. СПб. 1902.

страшную и неизбежную катастрофу, грозящую отечеству в лице как его вождя, так и последнего из его подданных». С восхищением автор вспоминает первое время царствования Александра, когда «блестящая будущность открывалась взорам всей нации», и самыми чёрными красками рисует то политическое положение, в котором оказалась Россия в 1808 году. Постыдный мир, возложивший на Россию иго Наполеона, нерешительные и несогласованные полумеры во внутреннем управлении, полный разброд в рядах министров¹, засилие бюрократической касты, составленной из иностранцев и «людей самых подлых классов», невежественные и корыстолюбивые губернаторы, расстроенные и неразумно растрачиваемые финансы, армия и флот, не имеющие признанных вождей и необходимого оснащения, волнения крестьян и рабочих, дороговизна и голод, всеобщий дух недовольства, отчаяния и возмущения, наконец, потеря внешних союзников и неустранённая опасность французского нападения — такова «страшная, но верная картина критического положения», в которую ввергли Россию «самонадеянность, невежество, интриги и всеобщая безнравственность». От Александра I требуется героическое усилие: вдохновляясь примером своих великих предков, он должен прогнать эту «стаю иноземцев, которые, как вороны в годину скорби, питаются язвами государства и собираются вместе, чтобы клеветать наши трупы», он должен отбросить прочь «развращающую систему равенства», опереться на «истинные столпы империи», т. е. на русское дворянство, и образовать объединённое и сплочённое правительство. Тогда исчезнет «беспримерный разлад между общественным мнением и мнением правительства» и утвердятся счастливая гармония между народом и его монархом².

Проект 1808 г. носит на себе печать крайне незрелой политической мысли. Автор этого сочинения не искущён в социальных и политических теориях: без всякого разбора и системы он соединяет хозяйственные и политические факты, возбуждающие недовольство в рядах дворянства; но он не может установить главных причин этого недовольства, бессилён в анализе создавшейся обстановки и не имеет ясной программы государственных преобразований. В конце концов бедствия отечества объясняются у него происками «злополучных интриганов», а источник возрождения и подъёма оказывается в личном характере Александра. Но в этой острой критике действующего порядка, в этом «смутном желании благодетельной перемены», о котором говорит автор, проскальзывают определённые и ясно выраженные особенности: безграничная вера в призвание монарха, сословная дворянско-аристократическая трактовка вопроса о власти, негодование против Тильзитского мира и ненависть к иностранцам в роли влиятельных бюрократов. Проект выражает расплывчатые мнения фрондирующей части российского дворянства, которые пользовались широким распространением в столицах в послетильзитский период. По существу, эта фронда несколько не посягала на основные устои социально-политического порядка, — более того: в её lamentациях против бюрократизма и «равенства» обнаруживались явные черты феодальной реакции; «дух времени», влияние буржуазных тенденций сказывались только в настойчивом прокламировании идеи общего блага, в стремлении укрепить государственную власть на базе общественного мнения и в неясной мысли о необходимости единого цельного правительства. Перед нами памятник начавшегося брожения политической мысли, горячей реакции на возмущающие явления, но слабого знакомства с наукой о государстве. Впоследствии многие мнения рассматриваемого проекта позитивятся в противоречивом уставе «Ордена русских рыцарей»³ и в позднейших проектах

¹ Рядом с людьми высокого кругозора и либеральных принципов — «олцетворение глупости, неспособности, неопытности, стяжательства, честолюбия, безнравственности, духа придворного зубоскальства, духа сектантской нетерпимости».

² Центральный архив народного хозяйства (ЦАНХ), фонд Киселёва, № 7.

³ Таковы — идеи аристократического устройства государства, изгнания иностранцев, устранения бюрократии (Бороздин А. «Из писем и показаний декабристов». 1906).

самого Киселёва, но повторяется в иной, более точной и обоснованной интерпретации. Документ 1808 г. помогает установить, что уже в этот послетильзитский период Киселёв начал интересоваться политическими вопросами, горячо реагировал на окружающую его действительность и многое критиковал в правительственной политике.

Отечественная война и заграничный поход должны были усилить и углубить политические интересы Киселёва. Вместе с Кавалергардским полком он проделал славную кампанию 1812 г., как все его сверстники был охвачен патриотическим подъёмом, участвовал во множестве сражений, на Бородинском поле отважно защищал батарею Раевского. Преследуя по пятам отступающего Наполеона, Киселёв дошёл до ворот Парижа и в качестве флигель-адъютанта Александра I сопровождал его на заседании Венского конгресса. В обстановке полкового товарищества он должен был обмениваться со своими друзьями и впечатлениями боевых выступлений и наблюдениями над западноевропейской жизнью. Дружеские письма декабриста Волконского, которые он посылал Киселёву из Парижа, показывают интересы и настроения передового кавалергардского кружка. Волконский подробно извещал Киселёва о политических группировках среди парижского общества, иронизировал над французской аристократией, выражал презрение к «выродившейся династии» Бурбонов и после возвращения Бонапарта приветствовал его новый политический курс как «вторичное пробуждение народов». По словам Волконского, первым пробуждением Европы была французская революция 1789 г., когда «истинная философия быстро утвердила свою доктрину во всех государствах». Последующие события — ужасы террора, анархия Директории, жестокая тирания Наполеона — снова собрали народы вокруг королевского трона. «Народам казалось, что они борются за свои интересы, но увы! это была борьба за интересы нескольких семейств». Конституция, возвещённая вернувшимся Наполеоном, открывает перед Францией новую эру и делает для неё предстоящую войну против реакционных монархов войной национальной и священной. Из контекста и настроения писем становится очевидным, что Волконский адресует к Киселёву как к заинтересованному и сочувствующему собеседнику, что вопросы о событиях и теориях послереволюционного периода не впервые поднимаются в дружеских разговорах¹.

У нас имеется и другое свидетельство о политических интересах Киселёва в эту бурную, воинственную эпоху. В своих путевых записках о пребывании во Франкфурте он рассказывает о продолжительном свидании с товарищем по полку Старынкевичем. Однополчанин принёс с собой только что изданную брошюру профессора Шмальца о возникновении и деятельности германского Тугендбунда. Брошюра была прочитана вслух и дополнена «любопытными» комментариями Старынкевича. Повидимому, сообщённые сведения произвели на Киселёва сильное впечатление: он подробно изложил их в своих записках, рассказал о патриотической борьбе немцев против Наполеона, об инициативе Штейна, о целях Тугендбунда и об его усилиях, направленных к освобождению Германии. Изложение заканчивается характеристикой нового этапа в деятельности Тугендбунда, когда руководители тайного общества «провозгласили необходимой для всеобщего блага разработку новых законов, которые, будучи более либеральными и отвечающими уровню просвещения нашего времени, обеспечивали бы навсегда священные права граждан и ставили бы границы деспотической власти государей». Изложение выдержано в беспристрастном и объективном тоне, но сквозь спокойную ткань повествования заметно проскальзывают, с одной стороны, сочувствие Киселёва национально-освободительному движению Германии, с другой — его сомнение в правоте и полезности тайных обществ. Руководимые «склонно-

¹ Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), фонд Киселёва, № 29.6.90, л. 5—10.

стью к таинственному», которая со времени религиозных споров стала отличительной чертой немецкого характера, организаторы общества после освобождения Германии не захотели «примириться с безвестностью» и решили «продолжать быть особой державой в составе государства»¹.

Таким образом, период борьбы с Наполеоном не только обогатил Киселёва яркими впечатлениями и политическими знаниями: он усилил в нём самостоятельную работу политической мысли, попытки осмыслить и оценить воспринимаемые явления.

Возвращение на родину повлекло за собой новые, на этот раз тяжёлые, впечатления для Киселёва. Подобно будущим декабристам, он не мог не почувствовать глубокого контраста между передовыми государствами Западной Европы и отсталой, крепостнической Россией. В качестве флигель-адъютанта он получил, одно за другим, ответственные поручения — объехать Бессарабию, затем — Южную Украину и Крым, наконец, специально — войска 2-й армии, в частности для раскрытия административных злоупотреблений. Перед молодым Киселёвым развернулась неприглядная картина систематических насилий и хищений, которые составляли характерную черту крепостнического управления. Собственно-ручные записи бессарабского дневника знакомят нас с переживаниями Киселёва во время этой южной поездки. Киселёва поразила резкая противоположность между природными богатствами Бессарабии и страшною бедностью её населения: «с удивлением и ужасом» он встретил на посту саранского исправника известного грабителя, уличённого в делании фальшивых ассигнаций; везде и всюду он слышал рассказы о «непостижимых и невероятных» притеснениях; все чиновники, начиная от бессарабского губернатора, занимались грабежом и вымогательствами у местных жителей. «Жалобы всех, слёзы разорённых и страх зажиточных час от часу утверждали меня более в бедственном их положении», — записывал Киселёв в своей путевой тетради. «Я с удивлением вчера узнал, что в молдаванских деревнях на 10 домов полагать более нельзя одного плуга, коим вместе обрабатывают землю... вся Бессарабия отдаётся на откуп за самую малую цену... грабежи и разорение установлены правилом...»².

Не лучшая картина развернулась перед ним в Новороссии: вся администрация была на службе у винных откупщиков; не только подтвердились данные, полученные в Петербурге, но раскрылись новые страшные злоупотребления. Повсюду Киселёв встречал беззакония и самоуправства. С горьким чувством он приходил к заключению в своей докладной записке, что местная система управления «уничтожает промышленность и вообще все выгоды, которые Россия вправе ожидать от страны столь для неё важной»³. Такой же грабительский характер носило хозяйственное управление 2-й армией: ревизия Киселёва разоблачила незаконные сделки, заключавшиеся с подрядчиками, массовое казнокрадство и воровство, прикосновенность к хищениям не только главного интенданта, но и самого главнокомандующего Беннигсена⁴.

В результате командировок 1815—1817 гг. у Киселёва накопился громадный запас наблюдений и выводов, которые говорили о вопиющих недостатках действующего порядка. Вместе с передовыми представителями своего поколения он возмущался этими явлениями и искренно стремился к их устранению. Но он так же искренно верил в политическое призвание монарха и в благородные намерения Александра I. Отсюда энергичные усилия Киселёва довести подлинную правду до подножия трона, откровенно и смело раскрыть глаза самому императору. Киселёв берёт на себя роль шиллеровского маркиза Позы и в личной беседе с Александром I спешит передать ему о «величайших злоупотреблениях»

¹ ЦАНХ, ф. Киселёва, № 1.

² ИЛИ, ф. Киселёва, № 29.7.123, л. 12.

³ Заблоцкий-Десятовский А. Указ. соч. Т. I, стр. 24.

⁴ Там же, стр. 39—49.

в Новороссии, о высасывании крови из жителей Бессарабии, об отягощённости чрезмерно выросшей армии, о всеобщем недовольстве и ропоте. Критикуя последние назначения на должности губернаторов, Киселёв выступает в защиту коренного русского дворянства, которое царь предпочитает ничтожным «выходцам канцелярским»¹. Эти lamentации Киселёва в почтительной форме верно подданного отчёта повторяли горячие, хотя и сбивчивые мысли «Проекта представления» 1808 года. Но искушённый пережитыми впечатлениями, Киселёв был уже иным, чем в годы после Тильзита. Борьба с Наполеоном, пребывание в Западной Европе, размышления над русской отсталостью способствовали развитию его политической мысли. Вместе с лучшими представителями своего поколения он чувствовал потребность в теоретическом изучении государственных вопросов. От дружеских разговоров в товарищеском кругу Киселёв перешёл к самостоятельному чтению политической литературы.

Уже в период своей бессарабской поездки, в 1815 г., Киселёв с интересом отдавался изучению труда Ансильона, немецкого историка и теоретика права, — «Картина переворотов в политической системе Европы, начиная с XV века»². В своих путевых записках Киселёв тогда же отметил, что Ансильон «по мере сближения с историей наших времён становится занимательнее». В дальнейшем круг чтения и научно-образовательных запросов Киселёва всё более расширялся. В тульчинский период своей жизни, в 1819 г., он писал своему приятелю Закревскому: «Я устроил себе комнату, из которой почти не выхожу; с бумагами провожу часов десять, остальное время с книгами»³. Сохранившиеся каталоги тульчинской библиотеки Киселёва помогают нам понять преобладающее направление его умственных интересов. Наряду с философскими творениями Платона и Локка, естественно-научными энциклопедиями и монографиями, художественными произведениями Рабле, Вальтер-Скотта и Байрона мы находим здесь большое количество книг, посвящённых истории и политике. Особое и почётное место занимают здесь античные авторы, начиная с Геродота и Фукидида, кончая Плутархом и Ювеналом. Но основное ядро библиотеки составляют не они, а французские публицисты XVIII и начала XIX веков. Киселёв имел у себя не только корифеев просветительной литературы — Вольтера и Монтескье, Руссо и Мабли, — но и второстепенных писателей предреволюционной эпохи — Мирабо, Рейналя, Вольнея — и представителей позднейшей политической мысли — Шатобриана и Бенжамена Констана. Английская социально-политическая литература была представлена сочинениями Бентама и Адама Смита, итальянская — старым трактатом Макиавелли. Исторические книги, которые составляли не менее значительную часть библиотеки, включали в себя английских историков вольтеровской школы — Юма, Гиббона, Фергюсона, известного немецкого историографа Иоганна Мюллера, представителей исторической мысли периода реставрации — Гизо и Тьера. Кроме того в библиотеке Киселёва было немало работ, посвящённых европейским переворотам, особенно французской революции XVIII в., и имелся специальный раздел — сочинений о России европейских путешественников и публицистов. Нет никакого сомнения, что умственные интересы Киселёва развивались в том же основном направлении, в каком проявляла себя политическая мысль всего передового поколения. Тульчинские декабристы не только знали о библиотеке Киселёва, но и пользовались её книжными сокровищами. Киселёв внимательно следил за выходящими европейскими новинками — он выписывал их непосредственно от книготорговцев Парижа и Берлина. Иногда книжные транспорты, адресованные на его имя

¹ Заблоцкий-Десятовский А. Указ. Соч. Т. I, стр. 27—36.

² ИЛИ, ф. Киселёва 212, № 27.7.123, л. 1, 4. Заглавия сочинения Ансильона Киселёв не приводит, но из цитаты видно, что речь идёт именно об этой четырёхтомной исторической работе Ансильона, а не о его позднейших теоретических трактатах.

³ Сб. РИО. Т. 78, стр. 34.

задерживались и конфисковались на границе; два раза Киселёву приходилось испрашивать высочайшее разрешение на возвращение конфискованных запрещённых книг¹. Сохранившиеся конспекты исторических сочинений² и особенно личные проекты и афоризмы Киселёва ясно показывают, что вся эта богатая литература не оставалась внешним украшением библиотечных полок: Киселёв действительно читал приобретённые сочинения, размышлял над основными социально-политическими проблемами и успел выработать определённое и самостоятельное мировоззрение.

III

Ближайшим и наиболее ранним результатом этих занятий была всеподданнейшая записка, представленная двадцативосьмилетним Киселёвым Александру I 27 августа 1816 года. Её содержание и политическая терминология достаточно ясно указывают на её основные источники. Записка озаглавлена «О постепенном уничтожении рабства в России» и начинается следующим принципиальным вступлением: «Гражданская свобода есть оснóвание народного благосостояния. Истина сия столь мало подвержена сомнению, что излишним считаю объяснять здесь, сколько желательно было бы распространение в государстве нашем законной независимости на крепостных земледельцев, неправильно лишённых оной. Сие тем более почитаю нужным, что успехи просвещения и политическое сближение наше с Европой, усиливая час от часу более брожение умов, указывает правительству необходимость предупредить те могущие последовать требованья, которым отказать будет уже трудно или невозможно; кровью обогрённая революция французская в том свидетельствует». Далее следует целый ряд практических предложений, при помощи которых, по мнению Киселёва, «правительство постепенно водворит законную свободу, а рабство значительной части народа русского само собою и без потрясения государства уничтожится»³.

Мы видим, что Киселёв начинает своё рассуждение с политических истин, почерпнутых из французской просветительской литературы и не требующих, по мнению автора, никаких доказательств. Эти аксиомы можно развить и формулировать следующим образом: народное благосостояние есть высшая цель государственной жизни; гражданская свобода составляет основу народного благосостояния; сущность гражданской свободы заключается в хозяйственной и правовой независимости, обеспеченной государственными законами. Киселёв полагал, что такая независимость должна принадлежать всем земледельцам и что лишение их свободы было «неправильным», — другими словами, что гражданская свобода есть неотъемлемое, природождённое право человеческой личности. Киселёв говорит в сочувственном тоне об успехах просвещения и политическом сближении своей родины с Европой: там, на Западе, гражданская свобода установлена и охраняется законом; чем шире завоевания разума, тем больше отсталая Россия приближается к нормальному, естественному порядку. Французская революция с её кровавыми столкновениями и развитием террора не возбуждает восхищения у Киселёва; но она служит в его глазах поучительным уроком, так как является результатом государственной непредусмотрительности. Нужно учиться веления разума, сообразоваться с непобедимым духом времени; правительство должно сохранять в своих руках политическую инициативу, оно обязано вовремя отвечать на выяснившиеся потребности государства. Игнорируя естественные веления разума, верховная власть неизбежно утрачивает такую инициативу и идёт навстречу опасным и трагическим потрясениям.

¹ ЦАНХ, ф. Киселёва, № 129; ИЛИ, ф. Киселёва, № 29.6.83. Письма Бурцева Киселёву от 25 июня 1820 г. и 14 декабря 1822 года.

² ЦАНХ, ф. Киселёва, № 150.

³ Заблочкин-Десятовский Л. Указ. соч. Т. IV, стр. 197—199; ср. т. II, стр. 203.

Такова рационалистическая концепция Киселёва, подсказанная французскими публицистами XVIII в. и заключающая в себе основные особенности просветительной идеологии: отрицание действующего порядка с точки зрения человеческого разума, учение о неотчуждаемых правах личности, понятие о законе, как гарантии гражданской свободы. Но Киселёв, как верный сын своего класса, воспринимал эту теорию не в ревлюционной, а в умеренно-либеральной интерпретации: восстановление поправных прав земледельцев должно быть достигнуто не движением масс, не действием насильственных переворотов, а инициативой верховной власти, благоразумною и своевременною реформою сверху. Таковы первые контуры намечающегося социально-политического мировоззрения Киселёва. Только что закончившаяся поездка по южным губерниям оставила у Киселёва чувства негодования и внутреннего протеста: он увидел не только насилие и хищения администрации — перед ним раскрылась отвратительная картина крепостнического произвола, и он реагировал на неё новым представлением к подножию трона; откровенные диалоги с Александром I в духе маркиза Позы были дополнены политическим протестом, облечённым в оправу просветительной философии.

Записка Киселёва имела такие же практические результаты, какие имели аналогичные многочисленные представления Александру I. Вероятно, воспитанник Лагарпа поблагодарил своего ревностного и порывистого флигель-адъютанта, согласился с его передовыми политическими аксиомами и присоединил плоды его бескорыстного творчества к накопившейся груде прекрасных, но неосуществлённых проектов.

Однако подобная неудача не могла обескуражить молодого Киселёва. Его политическое развитие продолжалось в намеченном направлении и отлилось в законченные формы в 1819—1825 гг., в период тульчинского сидения за книгами и непосредственного общения с декабристами. Состоя начальником штаба 2-й армии, Киселёв имел у себя в качестве ближайших помощников целый ряд членов Южного общества. Он ценил способности, знания и волю Пестеля, защищал его перед петербургскими властями и помогал ему продвигаться вперёд по службе. Позднее между Киселёвым и Пестелем поддерживалась оживлённая переписка, которая говорит о наличии близких отношений¹. Расположением и поддержкой Киселёва пользовались декабристы И. Г. Бурцев и Н. В. Басаргин. С Михаилом Орловым у Киселёва была старая и крепкая дружба, которая не прекратилась после 14 декабря 1825 года. В тульчинский период они писали друг другу длинные письма, которые принимали иногда характер политического спора. В этом обмене мнений участвовал и бывший партизан Денис Давыдов. В завязавшейся переписке отражаются широкие интересы, увлекавшие в это время передовое русское офицерство: все трое рассказывали о прочитанных книгах, обменивались рукописными сочинениями, делились впечатлениями своей деятельности, поверяли друг другу свои сокровенные мысли и чаяния. Нет никакого сомнения, что несмотря на серьёзные политические разногласия Киселёв и передовые представители дворянского поколения объединялись в искреннем осуждении действующего порядка. «Люди прошедшего столетия не поймут меня, — писал Денис Давыдов Киселёву в августе 1819 г., — ибо их мысли и чувства падали к стопам Екатерины, Зубова и Грибовского! Слова отечество, общественная польза, жертва честолюбия и жизни для них известны были только в отношении власти, от которой они ждали кусок эмали или несколько тысяч белых негров...»². Что касается Киселёва, то он понимал эту благородную и бескорыстную настроенность Дениса Давыдова; он сам несмотря на сильно развитое често-

¹ Кроме опубликованных писем Пестеля к Киселёву («Памяти декабристов». Вып. III, стр. 150—201. Академия наук. Л. 1926) характерно ответные письма Киселёва Пестелю (ИЛИ, ф. Киселёва, № 29.6.138).

² ИЛИ, ф. Киселёва, № 29.6.93. Письмо Давыдова от 7 августа 1819 г.

любие руководился искренней любовью к отечеству и ясно осознанной идеей общего блага. Свою деятельность в качестве руководителя Южной армии он рассматривал не только в свете личной карьеры, но и с точки зрения государственной и народной пользы. Опубликованная переписка с Закревским хорошо показывает нам прогрессивную сторону мировоззрения Киселёва: он выступает здесь решительно и безоговорочно врагом Аракчеева; его не увлекает фронтомания Александра I, и он, скрепя сердце, осмеливаясь возражать и спорить, заставляет себя заниматься пресловутым «учебным шагом»; ему чужды реакционно-мистические настроения, которые охватывали значительные слои дворянского общества. Киселёв тульчинского периода — не только ненавистник рабства, но и сознательный противник бездушной, палочной дисциплины, которую насаждали в армии послушные клеветы Аракчеева. Киселёв любит и жалеет русского солдата, в его программу входят реформирование армии, расширение в ней духа гуманности и просвещения; он хочет — по крайней мере вначале, до 1820 г. — смягчить жестокие телесные наказания и создать кадры образованных и энергичных командиров. Судя по переписке, увлечение Орлова и Давыдова ланкастерским методом взаимного обучения находило в Киселёве сочувствующего и чуткого сторонника. В составе его личного архива сохранилась собственноручная записка «Телесные наказания», датированная августом 1820 года. Он выступает в ней убеждённым противником аракчеевской системы и находит достаточно резкие слова для её осуждения: «В полку от ефрейтора до командира все бьют и убивают людей и, как сказал некто в русской службе: убийца тот, кто сразу умертвит, но кто в два, в три года забил человека, тот не в ответе. Убыль людей бежавшими и умершими, безнравственность, отклонение от службы и страх оной происходят часто от самовластных наказаний»¹. Попытки Киселёва, в качестве начальника штаба, если не уничтожить, то ограничить произвол и беззакония вызвали горячее сочувствие со стороны Дениса Давыдова: «Дай бог тебе исполнить всё, что ты предпринимашь, ибо рвение твоё имеет целью общую пользу... Продолжай, брат, дави могучей стопюю пресмыкающихся!»². В том же духе высказывался и Михаил Орлов: «Я тебя уверяю, что в обширном круге твоего нынешнего действия ты мало найдёшь людей, кои бы тебя понимали, как я... Мне многие уже сказывали, что ты взялся за дело твёрдою и справедливою рукою. Тебе честь и слава»³.

Киселёва сближало с декабристами этого раннего периода не только отвращение к крепостническому произволу — и в деревне и в армии. Исходя из принципиальных предпосылок просветительной философии, они сходились в общем желании — видеть Россию преобразованною на новых, западноевропейских началах. Варшавская речь Александра I, произнесённая в 1818 г., воодушевила Киселёва такими же светлыми и бодрими надеждами, как и членов Союза Благоденствия: в переписке с Закревским он называл эту речь «чудесною». Так же как декабристы, Киселёв был восхищён и приподнят, узнав о национальном восстании греков. В марте 1821 г. он писал Закревскому: «Нельзя вообразить себе, до какой степени они очарованы надеждою спасения и волюности. Что за время, в котором мы живём, любезный Закревский? Какие чудеса творятся и какие твориться ещё будут? Ипсиланти, перейдя за границу, перенёс уже имя своё в потомство. Греки, читая его прокламацию, навзрыд плачут и с восторгом под знамёна его стремятся. Помоги ему бог в святом деле; желал бы прибавить: «и Россия»⁴. Брожение политических идей, которое имело место среди офицеров 2-й армии, было известно Киселёву и не вызвало с его стороны никаких репрессий. По свидетельству декаб-

¹ ЦАИХ, ф. Киселёва, № 160, л. 3—4.

² Там же.

³ ИЛИ, ф. Киселёва, № 20, 29.6.99. Письмо от 23 июля 1819 года.

⁴ Сб. РИО. Т. 78, стр. 63—64, 70. Ср. письмо Ермолова Киселёву. Там же, стр. 243.

риста Басаргина, Киселёв сам принимал участие в политических беседах декабристов, «соглашался в том, что многое надобно изменить в России, и с удовольствием слушал здравые, но нередко резкие суждения Пестеля»¹. И тем не менее между Киселёвым и членами тайного революционного общества пролегла определённая резкая грань, которая политически противопоставляла их друг другу.

Буржуазный «дух времени», воплощённый в работах французских публицистов и в революционных стремлениях Орлова и Пестеля, не мог уничтожить феодальной основы мировоззрения Киселёва. Передовые идеи XVIII—XIX вв. ложились на прочную ткань его сословно-авторитарных взглядов, окрашивали её в яркие тона просветительной философии, но они не разрывали её внутренних традиционных нитей. Декабристы поставили своей целью насильственно низвергнуть существующую самодержавно-крепостническую систему; Киселёв оставался решительным противником всяких насильственных переворотов. Декабристы мечтали установить народовластие в форме открытой или замаскированной республики; Киселёв оставался сторонником абсолютизма, но абсолютизма просвещённого и введённого в законные рамки. Декабристы стремились ввести в России гражданское равенство, уничтожить сословные перегородки и дворянские привилегии; Киселёв выступал защитником сословного строя и старался увековечить и укрепить преобладание дворянства. Тульчинская переписка с Орловым и Давыдовым, вероятно, так же как споры с Пестелем, были моментом политического размежевания Киселёва с декабристами. Киселёву, так же как Денису Давыдову, были известны революционные проекты «Ордена русских рыцарей», и они одинаково сходились в своём скептическом и отрицательном отношении к мечтаньям «Михаила-Идеолога». Но Киселёв шёл значительно дальше Давыдова в своём примирении и приспособлении к существующему порядку. Сопоставление взглядов этих трёх представителей передового офицерства помогает нам понять характерные особенности политической позиции Киселёва.

Программа «Ордена», составленная Орловым и Мамоновым, предусматривала уничтожение самодержавия и крепостного права, законодательную власть народного веча и применение революционных методов, не исключая и цареубийства. Денис Давыдов считал эти проекты утопическими и бесплодными. «Мне жалок Орлов с его заблуждением, вредным ему и бесполезным обществу, — писал Давыдов Киселёву, — как он ни дюж, а ни ему, ни бешеному Мамонову не столкнуть самовластия России. Этот домовый долго ещё будет давить её, тем свободнее, что, расслабься ночью грёзю, она сама не хочет шевелиться, но только прыстать разом. Но мне он не вникает...» Однако Давыдов не был поклонником абсолютизма. В привычном военном стиле лихой партизан и романтический поэт рисовал себе в 1819 г. такие перспективы возможного будущего: «Я представляю себе свободное правление, как крепость у моря, которую нельзя взять блокадою, приступом — много стоит, смотри Францию. Но рано или поздно поведём осаду и возьмём её осадю, не без урона рабочих в сапах, особенно у гласиса, где взрывы унесут не малое их число, зато места взрывов будут служить ложементами и осада всё будет подвигаться, пока, наконец, войдём в крепость и раздробим монумент Аракчеева... Но Орлов об осаде и знать не хочет; он идёт к крепости по чистому месту, думая, что за ним вся Россия движется, а выходит, что он да бешеный Мамонов, как Ахилл и Патрокл (которые вдвоём хотели взять Трои), предприняли приступ»². Денис Давыдов тоже мечтает о перевороте, он сам желал бы поднять, революционизировать Россию, но он видит кругом бесправие и покорность, не верит в силы

¹ «Записки Н. В. Басаргина», стр. 10—11. Изд. «Огни». П. 1917 год.

² ИЛИ, ф. Киселёва, № 29.6.92. Письмо Д. Давыдова от 15 ноября 1819 г.; ср. «Русская Старина», 1887, июль, стр. 228—229.

революционного авангарда и отодвигает выполнение задачи в далёкое и неопределённое будущее.

Совершенно иначе критикует воззрения Орлова Киселёв в одном из сохранившихся черновых писем. Он не отрицает, что исходные предположения взглядов — его и Орлова — одинаковы: «Цель моя благонамеренная и потому одинаковая с твоею... каждому определено, каждому предназначено увеличивать блаженство общества». Но, с точки зрения Киселёва, эта руководящая и вдохновляющая задача достигается не революционными вспышками, не самовластным вторжением управляемых в сферу государственной жизни, а планомерною деятельностью самой правительственной власти. «Скажи,— спрашивает он Орлова,— если б все те, коими управляют, захотели в свой черёд быть правителями; те, которые обязаны слушать, заговорили и звукоприятными выражениями предложили новые системы правления, новое законодательство, новое для государства бытие... Неужели благоразумие дозволило бы терпеть и соглашаться на все введения, на все безумствия, которые появились бы из толпы народной? — Тут, несомненно, нашлись бы благонамеренные, и представилось бы много желательных улучшений; но вместе с ними появились бы и люди 1793 г. и предложения развратные; и порядок заменился бы пагубной анархией; и блистательные для некоторых минуты обратились бы в печальные для них и для народа последствия». В этих строках основное существо политической философии Киселёва. Так же как Давыдов, он исходит из отрицающей, по существу враждебной, оценки французской революции, но его позиция — иная и глубоко консервативная. Государство в представлении Киселёва воплощается в органах правительственной власти, которые служат идее общественного блага в точной очерченных границах своей компетенции. Не отдельные граждане и не народная толпа, а верховная власть призвана осуществлять государственные задачи, используя для этого исполнительный аппарат чиновников. Государство в представлении Киселёва подобно сложному механизму, в котором каждый рычаг, каждое небольшое колёсико имеют определённое и неизменное назначение. Нарушение действия составных частей грозит расстройством всего политического механизма, твёрдый и гармоничный порядок может смениться анархией и сделаться источником гибели государства. Отсюда Киселёв делал определённые морально-политические выводы: «Я полагаю, что гражданин, любящий истинно отечество своё и желающий прямо быть полезным, должен устремиться по мере круга действия своего к пользе дела, ему вверенного. Пусть каждый так поступает — и более будет счастливых... От министра до будочника, от фельдмаршала до капрала, каждый чин, каждое звание — влиянием своим полезен быть может». В основе этого воззрения лежало глубокое недоверие Киселёва к народным массам, его инстинктивный страх перед «людьми 1793 г.», его решительное отрицание демократических принципов. Такая позиция была свойственна Киселёву в течение всей его жизни; она нашла себе особенно ясное выражение в одной из записей его дневника 1863 г., внесённой после чтения биографий историка Светония: «Я окончил жизнь обоих Гракхов и жалею об участи защитников народа, который всегда и везде неблагодарен и неистов»¹. Киселёв согласен, что в развитии человечества бывают поворотные моменты, что государственная жизнь не стоит на месте, но он возлагает все свои надежды на великих людей, которые дают толчок политическому прогрессу: «Каждый век, каждый народ имел несколько знаменитых мужей, коих гений предшествовал времени, раскрывал сокрытые для прочих тайны будущего и был для сограждан своих водителем и подпорою. Но века проходят, всё тлеет, а гений их живёт посреди нас и научает нас жить. Подражать им есть добродетель; но каждому мнить, что он рождён, чтобы занять место сих блистательных

¹ Заблочкий-Десятовский А. Указ. соч. Т. I, стр. 362.

украшений человечества — есть химера вредная, для людей пагубная и заключающая в себе бедствия беспредельные». Из других высказываний Киселёва мы знаем, к кому обращалась его политическая мысль как к гениям человечества; это были просвещённые государи, умевшие понять могущественные потребности времени и руководить государственными кораблём в соответствии с велениями разума; это были Генрих IV, Пётр Великий, Иосиф II и Мария-Терезия. Киселёв считает, что его точка зрения единственно правильная и практически целесообразная. По его мнению, опыт веков и народов показывает бесплодность и вред политических переворотов. «Все твои суждения,— убеждает он Михаила Орлова,— в теории прекраснейшие, в практике неисполнительные. Многие говорили и говорят в твоём смысле; но какая произошла от того кому польза? Во Франции распри заключились тиранством Наполеона, в Англии — приращением власти министерской, в Германии — Марнским инквизиционным трибуналом. Везде идеологи—водители нового — в цели своей не успели, а лишь дали предлог к большему и новому самовластию правительств». Киселёв советует своему другу прекратить «сношения с красноречивыми бунтовщиками», оставить «шайку крикунов» и, отбросив выпренные мечтания, посвятить себя более скромной задаче — пожертвовать собой «в пользу благосостояния безмолвных жертв политического образования государств, в пользу почтенных... мучеников — солдат наших». Он призывает Орлова бороться против «варварского обычая» в армии, изобличать корысть, облегчать «тягостную участь» войсковой массы. Киселёв, так же как Орлов, многое осуждает, многое хотел бы изменить и преобразовать в отсталой, страдающей от злоупотреблений России. Но он утешает себя консервативными доводами: «Общее зло менее чувствительно, чем частное. Общее — искореняется веками, обстоятельствами, судьбою, частное — увеличивается или уменьшается облечёнными властью». Так же как Орлов и как все декабристы, Киселёв хочет нового порядка вещей, основанного на велениях разума, он обсуждает и расценивает явления с рационалистической точки зрения. Но он не только не верит в революционное призвание человеческого разума, он стремится поставить ему охранительные преграды. Следуя новым, реакционным течениям начала XIX в., он придаёт огромное значение стихийным, органическим процессам, которые исподволь и незаметно меняют устройство общественной и политической жизни. Киселёв хочет «разумной середины», компромисса, осторожного и постепенного приспособления старого порядка к новым потребностям и запросам. «Время и необходимость, сообразованные с его духом, есть лучшее средство преобразования общества; ускорять его неблагоприятно; не признавать его было бы нелепо», — таково мнение Киселёва, которое он формулировал впоследствии на страницах своего дневника и которое служило ему руководящею максимою в течение всей его жизни¹. Ни Орлов, ни Денис Давыдов, представлявшие более радикальные круги дворянского общества, не могли согласиться с подобной точкой зрения.

Киселёв недаром увлекался чтением Ансильона. Этот немецкий теоретик начала XIX в. соединял в себе преклонение перед теорией Монтескье и согласие с учением исторической школы права; он признавал за человеческой личностью неотчуждаемые права и видел задачу общественного союза в обеспечении требований разума и свободы; но он был решительным противником французской революции, идей общественного договора и всяких рационалистических конституционных построений. Но Киселёв занял ещё более консервативную позицию, чем немецкий теоретик начала XIX века. Если Ансильон в теории был сторонником представительной монархии, то Киселёв никогда не высказывался в пользу конституционного преобразования русского государства. Наоборот, все

¹ Заблочкий-Десятовский А. Указ. соч. Т. I, стр. 306—308.

его суждения говорят об его симпатиях к просвещённому абсолютизму, который законностью своих действий должен устранить возможность политического произвола. В этом отношении Киселёв сближался с такими последователями просветительной философии, какими были в XVIII в. отцы декабристов — М. Н. Муравьёв и А. С. Бестужев. В эпоху, последовавшую за французской революцией и наполеоновскими войнами, Киселёв привнес идеологию предыдущего столетия; так же как Сперанский, Киселёв заключал в себе противоречивые, сталкивавшиеся тенденции. Как умный и впечатлительный сын своего времени, он не мог не ощущать назревающего кризиса феодальных отношений, но он вышел из недр этой старой формации и оставался верен её основным устоям. Отсюда неразрешимая двойственность его социально-политической позиции и постоянные колебания в его личных оценках и деятельности. С одной стороны, Киселёв увлекается идеями просветительной философии, с другой стороны, он заклинает своих родных не отдавать брата в заграничный Иенский университет, этот «буйственный рассадник якобинства и своеволия»¹. С одной стороны, Киселёв выступает против варварских телесных наказаний в армии, с другой стороны, воюет против «фальшивой филантропии» Михаила Орлова. С одной стороны, он покровительствует Пестелю и декабристам, с другой стороны, настаивает на учреждении политической полиции и на лишении Орлова 16-й дивизии². Судя по показаниям Бурцева, Киселёв дал ему полную возможность сжечь уличающий список членов тайного общества, и вместе с тем Киселёв настойчиво и энергично вёл следствие по кишинёвскому делу Раевского³. После восстания Семёновского полка и усиления политической реакции заметно усиливаются и реакционные ноты в высказываниях Киселёва. В январе 1822 г. он пишет Закревскому как дежурному генералу: «...удалите от военной службы всех тех, которые не действуют по смыслу правительства; все они в английском клубе безопасны, в полках — чрезмерно вредны; дух времени распространяется повсюду, и некое волнение в умах заметно; радикальные способы к исторжению причин вольнодумства зависят не от нас; но дело наше — не допускать распространяться оному и укрощать сколько можно зло»⁴. Когда началось следствие по делу декабристов, Киселёв оказал самое энергичное и всестороннее содействие генералу Чернышёву, присланному во 2-ю армию; оправдываясь в обвинениях и анонимных доносах по своему адресу, Киселёв резко отмежевался от «тайных котерий», «гнусных заговорщиков». И в то же время он пригласил к себе после начавшегося следствия одного из этих заговорщиков, адъютанта Басаргина, и, обнимая его на прощание перед его арестом, говорил ему о своём неизменном уважении, что бы с ним ни случилось⁵.

IV

Особенно ярко обнаружилось внутреннее противоречие Киселёва в его воззрениях по крестьянскому вопросу. Буржуазно-либеральная традиция связывала с именем Киселёва настойчивую и искреннюю борьбу против крепостного права. Действительно, Киселёв был убеждённым и горячим противником личного рабства. Но это вовсе не значит, что Киселёв был таким же сторонником полного и радикального освобождения крестьян. Киселёв считал, что дворянству как первенствующему со-

¹ Рукописный отдел Библиотеки СССР имени Ленина, ф. Милютиных № 7833. Воспоминания Д. А. Милютинна, I, стр. 32.

² Сб. РИО. Т. 78, стр. 25, 49, 53, 56, 70, 86, 90, 93, 96, 104; ИЛИ, ф. Киселёва, № 29.6. 135, прилож. 8.

³ Центральный государственный архив древних актов, ф. 48, д. 95, л. 11, 18; сб. РИО. Т. 78, стр. 90, 93, 96.

⁴ Сб. РИО. Т. 78, стр. 86.

⁵ ИЛИ, ф. Киселёва, № 29. 6. 135, прилож. 5, л. 8; Записки Н. В. Басаргина, стр. 42.

словию в государстве должны принадлежать экономическое могущество и широкие правовые полномочия. Цитированная записка 1816 г.—наглядная иллюстрация этого положения. Когда от принципиальных предпосылок Киселёв переходит в своём проекте к конкретным предложениям, он требует не только сохранения, но и укрепления дворянских привилегий. Чтобы помочь дворянам «охранить потомство своё от бедности и породу свою от унижения», Киселёв предлагает дозволить высшему сословию учреждать майдраты, с тем чтобы крестьяне соответствующего имения перечислялись в сословие вольных хлебопашцев на основании закона 1803 года. Таким путём, рассуждает Киселёв, уменьшится число мелкопоместных дворян и увеличится количество свободных земледельцев. Наряду с этой мерой Киселёв предлагает другие, постепенно и незаметно ослабляющие институт крепостного права: разрешить капиталистам покупать у дворян населённые имения, но с тем, чтобы права и обязанности как крестьян, так и владельцев приобретённых поместий были точно определены законом; воспретить помещикам увеличивать дворовую прислугу и возложить на них уплату податей за дворовых; в случае устройства дворянских фабрик и заводов переводить крепостных рабочих на положение свободных людей; разрешить крестьянам выкупаться на свободу за точно установленную «откупную цену (сколько можно для дворян выгодную)»; перемерить земли, и излишнее число крестьян, ненужных для обрабатывания помещичьих имений, выкупать в казну, переводить в вольные хлебопашцы и облагать соответствующим налогом, компенсирующим затраченные средства. «Приуготовительные способы сии к распространению свободы,— заключает Киселёв, — основанием имеют сохранение главнейших прав дворянства». Действительно, феодальная эксплуатация крестьян классом помещиков остаётся нетронутой киселёвским проектом 1816 года. Предлагавшие меры открывают пути, с одной стороны, для уменьшения числа крепостных крестьян, с другой стороны — для очищения феодально-зависимых отношений от элементов рабовладельческого вещного права. И та и другая цели достигаются «нечувствительным образом»: Киселёв учитывает начавшийся в России процесс капиталистического развития и идёт по линии этого процесса; он предоставляет владельцам капитала добровольно сражаться с классом феодалов-землеладельцев, разбогатевшим крестьянам приобретает себе экономическую и правовую независимость, а феодалам—промышленным предпринимателям — переходить на эксплуатацию наёмной рабочей силы; с другой стороны, Киселёв — подобно Сперанскому, Канкрину и другим, наиболее проницательным руководителям дворянского государства — понимает опасное, разлагающее это государство влияние рабовладельчества; поэтому он стремится к уничтожению института дворовых и к законодательному регулированию феодальных отношений. В случае реализации проекта 1816 г. небольшой процент крепостных крестьян перешёл бы на положение свободных собственников; некоторое количество крепостных было бы изъято из категории рабов и стало бы к своим феодалам в отношении, строго нормированные законом; но огромная, подавляющая масса земледельцев — именно те, которые обрабатывали помещичьи земли, — осталась бы в прежнем, нисколько не изменившемся положении. Проект Киселёва несмотря на его просветительную оболочку и громкую фразеологию не подрывал оснований феодально-абсолютистского дорядка. Но он интересен и важен в процессе развития самого Киселёва; здесь намечается программа мероприятий, которую с некоторыми изменениями будет развёртывать и развивать Киселёв в течение всей своей государственной деятельности; именно здесь заложены зачатки его последующих проектов и реформаторских усилий¹.

¹ Заблочкий-Десятовский А. Указ. соч. Т. IV, стр. 197—199.

Записка 1816 г. исходила из мысли о политической опасности, связанной с сохранением крепостного права. Это положение определило собой все дальнейшие выступления Киселёва по крестьянскому вопросу: кризис феодально-крепостнической системы воплощался для Киселёва в образе волнующегося, готового на массовое восстание крестьянства.

Под впечатлением уманьских волнений 1826 г. Киселёв подал новую записку, которая указывала «на необходимость тщательного рассмотрения причин, возбуждающих мятежный дух в крестьянах, и на те постановления, которые необходимы к отвращению тех причин»¹. Позднее, возражая на заседании Государственного совета противникам частичного ослабления крепостного права, Киселёв говорил: «Подобная теория ведёт прямо к тому, чтобы оставаться в неподвижности и ожидать кровавых событий, могущих вынудить правительство согласиться на то, в чём отказать уже будет не в силах...»². Но откровеннее и отчётливее всего Киселёв высказал свои основные мотивы, руководившие его постановкой и разрешением крепостного вопроса, в личной переписке с графом М. С. Воронцовым. 3 января 1852 г. Киселёв писал ему из Петербурга: «Очень ошибочно думали о моих воззрениях насчёт этого. По тому, что было сделано в княжествах, и ещё более по разным запискам, которые я имел случай представлять в качестве члена Комитета, бывшего под председательством кн. Васильчикова, можно достаточно убедиться в том, что никогда не было речи об абсолютном освобождении, а только единственно о регулировании крепостного права, с целью отнять у дурных помещиков возможность злоупотреблять своими правами, случайно введёнными в свод наших законов и несогласных с справедливостью. Я могу сказать, что этого и до сих пор желаю из страха, потому что чем более я всматриваюсь, тем более страшусь жакерии, грозящей спокойствию России и существованию дворянства. Предупредить зло было бы, конечно, разумнее, чем дать ему развиваться и, сложа руки, ожидать его печальных последствий... У нас, как и повсюду, личные выгоды возбуждают страсти и заставляют молчать разум. Есть минуты, в которые самые ничтожные жертвы могут предупредить великие несчастья. История подтверждает это неоспоримым образом. Во Франции упрямство аристократии произвело революцию со всеми её гибельными последствиями. В Англии аристократия своим практическим умом сумела избежать смут и удержаться до сих пор при общем смятении. Этот урок, к несчастью, мало действует на наших помещиков, думающих, что они погибнут, если правительство вмешается в вопрос об их неограниченной власти над крестьянами»³.

Такова исходная сословно-дворянская точка зрения Киселёва, которая преобладала в его суждениях по крестьянскому вопросу. Она включает в себе не только указание могущественных классовых мотивов, возбуждавших реформаторскую инициативу Киселёва, но и точное определение границ задуманной им реформы: он не хотел полного уничтожения крепостной зависимости, он хотел правительственного регулирования феодальных отношений, введения их в законные, «нормальные» рамки,— другими словами, Киселёв требовал установления полного и строгого соответствия между экономической сущностью феодальной формации и сословным положением эксплуататора и эксплуатируемого. Все проекты, представленные Киселёвым в течение 40 лет его политической деятельности, подтверждают и конкретизируют его мысль, изложенную в письме к Воронцову в 1852 году.

Уже в записке 1826 г. Киселёв выдвинул на первый план введение инвентарей как лучшее средство урегулирования взаимоотношений ме-

¹ Заблоцкий-Десятовский А. Указ. соч. Т. II, стр. 206.

² Там же, стр. 296.

³ ИЛИ, ф. Киселёва, № 29.7.86, л. 7—9. Ср. Заблоцкий-Десятовский А. Указ. соч. Т. II, стр. 325—326.

жду помещиками и крестьянами Правобережной Украины¹. Когда в 1829 г. Киселёв был назначен правителем Молдавии и Валахии и получил официальный мандат на преобразовательную деятельность, он подошёл к румынской деревне с такой же осторожной, феодально-консервативной точки зрения. Органический регламент 1831 г. установил традиционную барщину в придунайских княжествах, точно установил размеры крестьянского надела и отбываемых за надел земледельческих повинностей. С исчерпывающей подробностью были регламентированы все виды крестьянских работ — сообразно количеству усадебной, пахотной, луговой и сенокосной земли, выделенной каждому домохозяину. Маркс на страницах «Капитала» беспощадно разоблачил эксплуататорскую сущность этих постановлений, стяжавших «одобрятельные рукоплескания либеральных кретинёв всей Европы»². В 1835 г. Киселёв возвратился из-за границы и подал правительству два новых проекта: один — об использовании конфискованных польских имений, другой — о приобретении помещичьих имений личными дворянами и разночинцами. В основе обоих предложений лежала та же идея инвентарей, т. е. законодательного регулирования крестьянских наделов и повинностей. Киселёв высказывался за образование на территории югозападного края ленных имений, раздаваемых в наследственное пользование русским чиновникам; в отношении всей остальной России он проектировал создание особого института «условных земледельцев», лично свободных, но вместе с тем крепких земле; в такое смягчённое феодально-зависимое положение Киселёв предлагал поставить крестьян в имениях, приобретаемых личными дворянами, разночинцами и капиталистами, в дворянских поместьях, объявленных майоратами, и на крепостных фабриках и заводах.

Наконец, в 1839 г. Киселёв подробно разработал и аргументировал своё основное предложение в специальных представлениях новому Секретному комитету. К этому моменту классовое мировоззрение Киселёва стало обозначаться отчётливее и резче. Указ 1803 г. о свободных хлебопашцах, из которого исходил когда-то сам Киселёв в своём проекте 1816 г., стал представляться ему неудачной антидворянской мерой. Разделяя мнения подавляющего большинства помещиков, Киселёв указывал на опасную тенденцию этого акта — перемещение дворянской земельной собственности в руки низшего земледельческого сословия: «Последствием сей меры было бы уничтожение самостоятельности дворянства и образование демократии из людей, перешедших из крепостного состояния. После сего не нужно, кажется, особенных доказательств, сколь мера сия противна государственному устройству, в котором дворянство, составляя необходимое звено, соединяющее верховную власть с народом, должно исключительно пользоваться правом владения заселёнными землями, дабы, сохраняя влияние своё на массу народа и обеспечив своё существование, быть в возможности исполнить высокое назначение своё на службе престолу». Обсуждая различные способы освобождения крестьян, необходимого «в видах распространения промышленности и развития народного богатства и в видах охранения общественного спокойствия», Киселёв одинаково отвергал английскую и французскую форму ликвидации крепостного права. В Англии, Ирландии, в некоторых частях Италии, в остзейских провинциях России крестьяне освобождены, но земли остались в полном и неограниченном распоряжении дворянства, а крестьяне, за исключением ничтожной прослойки фермеров, превратились в сельские подёнщики, т. е. бобылей, пролетариев. По мнению Киселёва, такое «положение опасное при всяком недостатке выгодной работы для бобылей и особенно при неурожае, или внутренних замешательствах, где люди, не имеющие оседлости, обыкновенно бывают

¹ Заблочкий-Десятовский А. Указ. соч. Т. II, стр. 207.

² Центральный архив внешней политики (ЦАВП), ф. V, 0, 1839, № 196, л. 133—149; К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 167. 8-е изд. М. 1932.

орудием злоумышленных действий». Противоположную картину представляют Франция, Швейцария и некоторые части Германии, где крестьяне вместе со свободой получили прежние наделы, а помещикам оставлены одни господские запашки. Такое положение тоже не удовлетворяет Киселёва. «Сим распоряжением, во-первых, нарушены права собственности дворянства, во-вторых, ослаблена самостоятельность высшего государственного сословия и чрез то уничтожена важнейшая нравственная сила, чрез которую верховная власть действовала на народ, и, в-третьих, по праву вотчинной собственности привлечена к участию в важнейших предметах государственного управления масса народа, которая силою необузданного большинства ниспровергает равновесие в частях и колеблет порядок государственного устройства».

Верный феодально-дворянским основам своего мировоззрения, Киселёв предпочитает «среднюю меру», одинаково далёкую от обеих крайностей, которая, поставив крестьян на приличную для них степень свободных или обязанных земледельцев, обеспечивает их быт силой закона, не вводя их в права, принадлежащие одному только дворянству. Образец для подражания Киселёв видит в австрийских землях и в придунайских княжествах, где дворяне-землевладельцы остались собственниками земель, а крестьяне, получившие личную свободу, пользуются обязательным наделом за точно определённые повинности. Урбарии Марии-Терезии и Органический регламент 1831 г., т. е. акты, регулировавшие феодальную барщину, поставившие формальные границы помещицкому произволу и устранившие всякие остатки личного рабства, — таков желанный идеал Киселёва как реформатора¹.

Таким образом, через все проекты Киселёва, начиная с записки 1816 г. и кончая предложениями 1839 г., проходит одна и та же устойчивая идея — ограничить власть феодала-помещика государственными инвентарями, которые не затрагивают существа феодальной эксплуатации и не наносят хозяйственного ущерба помещику, но которые очищают и, следовательно, укрепляют институт феодальной зависимости. В записке 1816 г. эта мысль смягчается и корректируется использованием закона 1803 г. о вольных хлебопашцах, в дальнейших проектах она выдвигается на первый план и приобретает полную ясность, в записке 1839 г. она получает законченную формулировку и резко противопоставляется идее закона 1803 г. — полного экономического и правового разрыва феодальных связей.

Была ли реформа, предложенная Киселёвым, движением вперёд сравнительно с существовавшим крепостным порядком? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо учесть конкретные исторические условия, в которых зарождались и проводились в жизнь подобные меры. В России, так же как в других восточноевропейских странах, происходило разложение феодальной формации со всеми явлениями, характерными для этого процесса: массовым обезземлением крестьянства, непомерным увеличением крестьянских повинностей, вырождением феодальной зависимости в самое жестокое рабство, проникновением капиталистических отношений в деревню, образованием зажиточных полусвободных оброчников и самой острой борьбой эксплуатируемых против эксплуататоров. При этих условиях законодательное ограничение помещицкого произвола, т. е. определение и охрана крестьянского надела, точное установление феодальных повинностей и создание официальных инстанций для крестьянских жалоб, шло по линии социально-экономического развития, создавало для борющегося крестьянства некоторую легальную опору для противодействия усиливающейся эксплуатации. Если эти мероприятия соединялись с личным освобождением крестьян, как это было в 1780-х годах в славянских областях Австрии, то создавались более благоприятные предпосылки для капиталистического накопления

¹ ЦАВП, ф. V O, 1839. № 196.

в деревне. Правда, инвентари вводились дворянским государством при непосредственном и самом активном участии помещиков; нередко инвентари санкционировали повышенные барщинные и оброчные нормы; они преследовали задачу укрепить экономическую и классовую основу феодального государства, обеспечить ему возможность мирной эволюции к капитализму, сохраняя массу феодальных остатков. Тем не менее инвентари были некоторым противовесом безграничной эксплуатации крестьянства и, как показывает пример австрийских урбариев, в условиях экономического развития служили исходным пунктом для новых законодательных актов, постепенно подтачивавших основы феодальных отношений. В условиях разложения феодализма инвентари не могли укрепить шатающееся здание крепостного порядка; они служили симптомом ослабления средневекового строя и возбуждали сопротивление и злобу со стороны помещиков; крестьяне, а частью и буржуазно настроенные чиновники, пользовались урбариями, инвентарями, вакенбухами и тому подобными актами, чтобы наносить удары отживающей феодально-крепостнической системе. Именно в этом ограниченное, но относительно прогрессивное значение подобных паллиативов. Но нет никакого сомнения, что инвентари входили органической частью в феодальную систему и предполагали её сохранение и более правильное функционирование. Высказываясь за личное освобождение крестьян и в то же время за сохранение земли и власти в руках помещиков, Киселёв не выходил из рамок феодального мира, не переступал демаркационной линии, которая отделяла этот мир от грядущей капиталистической формации. Киселёв хотел постепенного, медленного, «нечувствительного» вхождения в рамки промышленного капитализма в интересах феодального класса помещиков, к которому он принадлежал по своим общественным убеждениям.

Такая позиция не мешала Киселёву субъективно чувствовать себя защитником крестьянства, борцом за правду и справедливость — так же как не мешала его современникам и либеральным поклонникам прославлять его как провозвестника гуманности и свободы. Но, всматриваясь в объективное содержание высказываний Киселёва, мы видим нечто другое: за тонким покровом просветительной идеологии перед нами вскрывается устойчивое феодально-дворянское мирозерцание, которое опирается и на силу сословных традиций и на личную материальную заинтересованность.

Можно полагать, что, размышляя о далёком будущем, Киселёв считал неизбежной и желательной практику свободного перехода владельческих крестьян с одних помещичьих земель на другие. Но эта перспектива несколько не меняет феодального существа его социально-политической позиции. Крепость земле могла быть уничтожена по мере образования зажиточного слоя крестьянских собственников и поглощения обедневшей части крестьянства развившейся промышленностью, т. е. перерасти в форму капиталистической земельной ренты. Но вотчинное право на всю землю должно было попрежнему оставаться в руках помещичьего дворянства, как основа и гарантия хозяйственного и политического преобладания землевладельцев. Такова была гвёрдая и устойчивая позиция Киселёва, которая сближала его с главным массивом его класса и обеспечивала ему согласие и понимание со стороны Николая I. В сущности, Киселёв разделял ту самую точку зрения, которую высказывал в своих многочисленных записках Сперанский. Так же как Сперанский, Киселёв стремился просветить, облагородить, европеизировать дворянскую империю XIX века. Так же как Сперанский, он боролся против архаических остатков средневекового варварства, но оставался верным основным устоям феодального порядка. А постоянное напоминание Киселёвым о социальной опасности нерешённого крестьянского вопроса буквально совпадало с откровенной мотивацией Бенкендорфа. В этом смысле Киселёв противостоял сплочённому фронту крайних крепостни-

ков, которые не допускали ни малейшего прикосновения к институту крепостного права. Он возобновлял ту же кампанию в пользу безубыточного и своевременного выхода из создавшегося кризиса, какую в 1826 г. с классово-помещичьей точки зрения начали вести Кочубей и Сперанский. Но Кочубей уже не было в живых, а старый и занятый работой по кодификации Сперанский должен был ограничиться ролью опытного союзника и главного консультанта Киселёва. Избирая их обоих главными двигателями Секретного комитета 1835 г., Николай не делал со своей точки зрения никакой ошибки: он имел полное право сказать Киселёву, что их соединяют в крестьянском вопросе одинаковые мысли и одинаковые чувства.

V

Отсюда понятны те основные начала, которые были приняты Киселёвым при подготовке реформы управления государственными крестьянами. Исходя из своей социально-политической программы, Киселёв стремился сделать эту реформу орудием для переделки крепостных отношений в государстве. По замыслу Киселёва и помогавшего ему Сперанского, реформа должна была обеспечить гражданские права государственных крестьян, превратив их в сословие «свободных сельских обывателей» и устранив всякую возможность передачи их в частные руки, на казённые горные заводы, в разряд военных поселян и т. д. За государственными крестьянами признавалось право на самоуправление, т. е. на решение местных хозяйственных и административных вопросов на мирских сходках и при помощи выборных. Суд по мелким имущественным спорам и проступкам отделялся от администрации и передавался в руки выборных крестьянских судей. Но, признавая за крестьянами гражданскую правоспособность и право самоуправления, Киселёв рассматривал население государственной деревни как невежественную и «необузданную» массу, нуждающуюся в строгом надзоре и опеке. Над сельскими и волостными органами Киселёв воздвигал двухъярусную бюрократическую надстройку из окружных начальников, призванных непосредственно руководить крестьянами, и губернских палат, которым принадлежало общее направление крестьянской жизни. Над всей этой иерархией местных органов возвышались центральные учреждения нового министерства государственных имуществ. В обязанности нового ведомства входило «попечительство» о нуждах государственных крестьян — поднятие их хозяйственного и культурного уровня силами дворянского чиновничьего аппарата. По существу это было сохранение и развитие принципа феодальной опеки, неразрывно связанные с экономической программой, выдвинутой Киселёвым.

Земли, которыми владели государственные крестьяне, попрежнему признавались собственностью казны и оставались источником взимания оброчного дохода. Казна выступала как вотчинник-земледелец, а крестьянин — как носитель феодальных повинностей. В интересах 20 миллионов пользователей казённой земли министерство должно было развернуть сложную систему экономических и культурных мероприятий: ликвидировать малоземелье, улучшить сельскохозяйственную технику, насадить промыслы, открыть врачебные и ветеринарные учреждения, создать начальные школы, облегчить крестьянам переход от общинного землевладения к семейно-участковому пользованию землёй. Проектировалась организация кадастра, который должен был стать основанием финансовой реформы — переложения оброка с душ на землю и промыслы, т. е. постепенного перерастания феодальной повинности в государственный поземельно-промысловый налог.

Реформа управления государственной деревней, задуманная Киселёвым, не ликвидировала системы феодальных отношений, но она создавала

предпосылки для более свободного и быстрого развития капитализма. За этой первой реформой должна была последовать вторая — личного освобождения частновладельческих крепостных крестьян и введения обязательных инвентарей в помещичьих имениях. В военном, финансовом и административном отношениях помещичьи и государственные крестьяне должны были значительно сблизиться друг с другом. Предполагалось, что в конце концов они сольются в одно сословие и получат право свободного перехода и заключения добровольных договоров с землевладельцами, казной и помещиками. Таким образом, и здесь, в сфере частновладельческих отношений, Киселёв не ликвидировал, а сохранял феодальную зависимость, вводя её в определённые законные рамки и освобождая от элементов рабовладельчества.

Такова была попытка выйти из состояния кризиса крепостного строя, которую предпринял Киселёв в 1837—1841 годах. По своему социальному содержанию задуманная реформа вполне соответствовала общественно-политическим воззрениям Киселёва и заключала в себе такие же противоречивые тенденции, какие отмечали его мировоззрение. Она прокламировала свободу личности и самоуправление крестьян, но сковывала их системой феодальной опеки, стремилась поднять производительные силы деревни, но не давала мелкому производителю права собственности на землю, стремилась покончить с крепостным правом, но оставляла крестьянина под гнётом феодальных повинностей. Это была своего рода феодальная утопия, которая обнаружила все свои слабые стороны в процессе двадцатилетнего применения на практике.

Попытке инвентаризации помещичьих имений был дан жестокий отпор крепостниками, и перелуганный Николай I отказался от выполнения этой части замыслов Киселёва. Министерство государственных имуществ было учреждено и развернуло широкую деятельность, но задуманная система «попечительства» над государственными крестьянами выродилась в назойливую опеку, связанную с насилиями и поборами. Двадцатилетнее управление Киселёва не осчастливило государственных крестьян и не встретило признания и поддержки со стороны крестьянства.

Тем не менее реформа 1837—1841 гг. не прошла даром: она остановила расхищение государственного земельного фонда, прекратила раздачу крестьян в частные руки и была использована при подготовке реформы 19 февраля 1861 года. Социально-политическая программа Киселёва во многом определила дальнейшую политику самодержавного правительства в русской деревне в течение всего пореформенного периода.

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В XIV — XV вв.*

Проф. П. Смирнов

I

Образование Русского государства во все времена привлекало внимание общественной и политической мысли. Каждая эпоха давала этому факту своё объяснение и создавала свою теорию его происхождения сообразно с господствующей историко-философской концепцией.

Средневековая историко-провиденциальная школа старца Филофея и митрополита Макария создала теорию Москвы — третьего Рима. Волей божьего промысла русская держава сменяет древние мировые государства, включая Римскую империю и павшую в 1453 г. Византию: «Дза Рима падоша, а третий стоит, а четвёртому не бывати».

Дворянский, крепостнический XVIII век отрекается от суеверия и в качестве исторического двигателя вместо божественного провидения провозглашает личность «просвещённого монарха», гением которого возникают царства.

Следуя М. М. Щербатову, Н. М. Карамзин считает основателем Русского государства великого князя Ивана III, который «без учения и наставления, руководствуемый только природным умом, дал себе мудрые правила в политике внешней и внутренней, изобрёл благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную, для нас систему войны и мира, которой его преемники должны были единственно следовать постоянно, чтобы утвердить величие государства». «Отселе (т. е. от времени Ивана III.—П. С.) история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется Держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которая, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. Народ ещё коснеет в невежестве, но правительство уже действует по законам ума просвещенного»¹.

По мнению Карамзина, один только Иван III был гениальным строителем Русского государства. Ни его предшественники, занимавшиеся «бессмысленными драками», ни народ, «коснеющий в невежестве», не принимали в этом участия.

Дворянско-буржуазная историография XIX в. не верила уже ни в премудрого бога, ни в просвещённого царя. Их место в её «умоначертании» занимают условия и силы природы, войны и особенно стихия обмена, торговля, которой стали придавать значение созидательной, положительной силы. «Чудеса» из истории исключаются. Роль личности умалется, а личность и деятельность государей нередко оцениваются отрицательно и осуждаются.

* Редакция не разделяет основных положений статьи проф. П. Смирнова. Однако, учитывая важность поставленной проф. Смирновым проблемы и интерес к ней в советской исторической литературе, редакция печатает статью проф. Смирнова в дискуссионном порядке. Редакция приглашает специалистов-историков высказаться по затронутой проблеме на страницах журнала.

¹ Карамзин Н. «История государства Российского». Т. IV стр. 3, 218—219. Изд. Евдокимова, СПб. 1892.

В 1834 г. ученик проф. М. Т. Каченовского — Н. В. Станкевич, — выражая, как предполагают, взгляды учителя, заявляет, что «Москва не одной личности князей своих одолжена своим возвышением». Важнейшими факторами усиления Москвы и, следовательно, образования Русского государства в XV столетии он считает факторы географический и внешнеполитический и только на третье и четвёртое места ставит заслуги митрополитов и князей. Следующие факторы определили возвышение Москвы среди удельных княжений: 1) центральное положение среди северовосточных княжеств, в связи с чем создавалась относительная безопасность от татар и направлялся сюда поток переселенцев; 2) татарское нашествие, которое привело к разделению Руси, разгрому великого княжества Владимирского и создало возможность обогащения при сборе татарской дани; 3) пребывание в Москве митрополитов; 4) характер московских князей и их политика¹.

С. М. Соловьёв не признавал татарское влияние решающим фактором, а деятельность князей и митрополитов считал отражением стремлений народных масс, переходивших от всеобщего передвижения к крепостному уставу московской монархии XVI—XVII вв. как стадий «цивилизации». Но развитие этой активной силы ограничено и направлено географическими условиями. «Историческое деление русской государственной области на части обуславливается отдельными речными системами. Ясно, что величина каждой части будет соответствовать величине своей речной области: чем область Волги больше области всех других рек, тем область Московского государства должна быть больше всех остальных частей России, а естественно меньшим частям примыкать к большей; отсюда понятно, почему и Новгородская озёрная область, и Белая и Малая Русь примкнули к Московскому государству»².

Образование Русского государства в XV в. в представлении Соловьёва — стихийный процесс, только завершённый Иваном III. «Иногда видим мы, как целые поколения, в продолжение многих и многих лет, тяжёлыми трудами накапливают большие богатства: сын прибавляет к тому, что было накоплено отцом, внук увеличивает собранное отцом и дедом, тихо, медленно, незаметно действуют они, подвергаются лишениям, живут бедно, — и вот, наконец, счастливый наследник трудолюбивых и бережливых предков начинает пользоваться доставшимся ему богатством». Таким наследником Соловьёв считает великого князя Ивана III. «Счастливый потомок целого ряда умных, трудолюбивых, бережливых предков, Иван III, вступил на московский престол, когда дело собирания Северо-восточной Руси могло почитаться уже оконченным, старое здание было совершенно расшатано в своих основаниях, и нужен был последний, уже лёгкий удар, чтобы доручить его»³.

Теория С. М. Соловьёва, таким образом, сочтала определяющее действие природных условий с присущей народам силой внутреннего развития, принимающей форму государственной деятельности выдающихся людей. Внешний фактор, например татарское завоевание, в ней отодвигался на задний план и ограничивался бытовыми заимствованиями.

Реакцией против теории Соловьёва была теория исторического развития и образования Русского государства Н. И. Костомарова. По мнению Костомарова, судьбы каждого народа определяются его характером, который складывается в доисторические времена. Но в период исторический первую роль играет именно внешний фактор. В частности татарское завоевание сыграло решающую роль в организации Русского государства и определило его характер. «Пока ещё Орда была сильна, власть великого

¹ Станкевич Н. «О причинах постепенного возвышения Москвы». «Учёные записки Московского университета» №№ 1, 2 за 1854 год.

² Соловьёв С. «История России». Т. I, стр. 24. Изд. «Общественная польза».

³ Там же, стр. 1350.

князя могла утвердиться в одной княжеской ветви и в одной из русских земель именно только при содействии этой ордынской силы; но раз получивши в Руси твёрдость, великокняжеская власть не должна была уже потерять её и тогда, когда Орда совершенно ослабнет, потому что в самой Руси должен был устроиться такой порядок, который получит значение обычая»¹.

Возникнув под влиянием татар-завоевателей, Русское государство и русское самодержавие, по мнению Костомарова, неизбежно воплощали в себе все отрицательные стороны «татарщины» и «азиатчины». Поэтому он даёт отрицательные характеристики русским князьям. Его труды — «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» и особенно статьи «Московские князья братья Даниловичи» и «Великий князь и государь Иван Васильевич» — являются документами идейной борьбы против самодержавия. Вероятно, отсюда взял материал для характеристики Ивана Калиты и Ивана III К. Маркс в своей «Секретной дипломатии XVIII века».

Однако влияние Н. И. Костомарова на русскую историографию было неглубоким и непродолжительным. Основное течение русской историографии спределил В. О. Ключевский, который в вопросе о возникновении Русского государства пошел по пути, намеченному С. М. Соловьёвым. Его схему двух начал — географического, пассивного, и народно-стихийного, активного, — В. О. Ключевский развил, надолго укрепив её влияние среди русских историков.

По мнению В. О. Ключевского, основными двигателями исторического развития являются два фактора: экономический и политический, рынок и канцелярия. Оба они равновелики, но оба определяются географическими условиями страны. Ключевский считает, что процесс возвышения Москвы определяется фактором экономическим, а в процессе образования Русского национального государства главную роль сыграл военно-политический момент.

«Исторические силы, — говорит он, — работавшие над подготовкой успехов Московского княжества с первых минут его существования», выражались «прежде всего в экономических условиях, питавших рост города, а эти условия вытекали из географического положения его края в связи с ходом русской колонизации волжско-окского междуречья».

Москва и Московское княжество — это узел трёх дорог: с Волги на Оку через Ламу и Шошу, с реки Москвы на Клязьму через Язу и, наконец, с Днепровского юга на Ростов и Переяславль Залесский. Благодаря такому её положению около Москвы скапливались и осаживались большие массы переселенцев; она становится центром образующейся здесь великорусской народности и крупнейшим транзитным пунктом торговли, «что оживляло промышленность края, втягивало его в это торговое движение и обогащало казну местного князя торговыми пошлинами»².

Географическое положение Москвы обусловило особое положение московских князей XIV—XV веков. «С географическим положением тесно связано было генеалогическое положение его князя».

Как город новый и окраинный, Москва передавалась постоянно младшим князьям Всеволодова дома. Московский князь не мог рассчитывать дожить до старшинства и занять лучший стол легальным путём. Поэтому «московские князья вырабатывают своеобразную политику», не стесняя себя ни старинными родовыми счетами, ни политическими преданиями и приличиями. Они, по выражению автора, «внимательно высматривают, что лежит плохо, и прибирают это к рукам». В результате такой деятель-

¹ Костомаров Н. «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей», стр. 170. СПб. 1888.

² Ключевский В. «Курс русской истории». Ч. 2-я, стр. 4—5, 7, 11.

ности значительно расширилась территория княжества, приобретено было великокняжеское достоинство. Москва стала церковной столицей всей Руси, а затем была одержана и знаменитая победа над татарами. Старший сын по наследственному праву приобретает «чисто материальное имущественное преобладание» перед остальными братьями; из его доли вырастает единое государство; из победы над татарами — самодержавие.

В. О. Ключевский не допускает в деятельности московских князей, создавших Русское национальное государство, ни политической цели, ни сознания совершаемого, ни даже одаренности и ума. Всё дело как раз в «посредственности» московских князей. Московские Даниловичи, говорит он, «отличаются замечательно устойчивой посредственностью, — не выше и не ниже среднего уровня». Не государственными замыслами они руководятся, а просто преследуют интересы частного обогащения и имеют успех потому, что в те времена только не крупные люди могли совершать крупные дела. Корыстные захваты, помимо сознания князей, обращают Московское княжество в Русское государство. Растёт власть, возникают новые отношения к боярам, накапливается воинская сила. Но момент рождения государства не в накоплении Ивана Калиты и не в деятельности Ивана III. Московское государство «...было... народным лагерем, образовавшимся из боевой Великороссии Оки и верхней Волги. Оно родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты»¹.

Теория Соловьёва — Ключевского о географическом факторе и зависящих от него действительных факторах экономического и политического порядка отвечала как двойственной природе дворянско-буржуазного общества XIX в., так и его оппозиционным настроениям. Она столь же характерна для историографии XIX в., как теория «просвещенного монарха» характерна для историографии XVIII в. или теория Москвы — третьего Рима — для писателей эпохи образования Русского государства XV—XVI веков.

Не провидение и не государи, действующие «по законам ума просвещенного», двигают историю и создали Русское государство в XIV — XV веках. Стихийная сила природы, географический фактор, помимо воли и сознания людей, определяет экономические и политические события, которые в свою очередь являются факторами второго и третьего порядка. В дальнейшем эта теория подвергалась не столько изменениям, сколько модификации и переработке, в зависимости от того, какой из двух факторов второго порядка выдвигался на первое место и являлся руководящим в процессе создания Русского государства в системе и трудах того или иного историка: война или торговля, дворянский меч или буржуазный рынок.

Так, П. Н. Милюков решающим фактором образования Русского государства в XIV—XV вв. считал военный фактор. При низком уровне экономического и социального развития «русская государственная организация сложилась раньше, чем её мог создать процесс этого внутреннего роста сам по себе. Она была вызвана к жизни внешними потребностями, насущными и неотложными: потребностями защиты и самосохранения».

Возникшие из развала Золотой Орды татарские улусы — казанский, крымский и ногайский — опустошали землю, грабили и брали в плен население. Опасность грозила казне и даже личности московского великого князя. А с запада надвигалась Литва. Благодаря этому «Москва становится с конца XV века настоящим военным станом, главным штабом армии, опирающейся на русский север и действующей на три фланга — на юг, на восток и на запад».

«В удельной Руси не было зародышей для образования дворянства как привилегированного класса», и «раньше чем город стал нужен насе-

¹ См. Ключевский В. Указ. соч., стр. 11, 24, 29—30, 59, 63; «Боярская дума», стр. 521. М. 1919.

лению, он понадобился правительству» как военный оборонительный пункт.

«Таким образом общественный материал оставался разрозненным, бесформенным, хаотически перемещанным до тех пор, пока не явилась столь же элементарная потребность в усилении государственной власти. Потребность эта явилась у нас не изнутри, не вследствие внутреннего развития общества, а вследствие внешней необходимости — государственной защиты»¹.

П. Н. Милюков считал, что московские великие князья могли ставить политические государственные задачи, т. е. задачи освобождения и создания общерусского государства, но только после того, как в их руках скопились для этого достаточные силы. Вопреки В. О. Ключевскому он считает политическую деятельность Ивана Калиты и других князей не только стяжательством, а сознательной политической работой, хотя сознание также прояснялось постепенно. «В... «стихийной работе» прародителей московского самодержца, без сомнения, была своя сознательность и своя традиция», — говорит он. «Свеча, зажжённая Калитой, не гасла, а разгоралась ярким пламенем при его сыновьях, внуках, правнуках и праправнуках»².

И. Е. Забелин выдвинул на первое место в создании Москвы и Московского государства не физическую, а экономическую географию, сливая таким образом в единое понятие различные моменты, существующие у Ключевского раздельно. «Город, — говорит он, — и своим зарождением и своим богатством и процветанием всегда является только выразителем проходящих в этой местности торговых и промысловых народных сношений и связей, и само собой разумеется, что бойкий перекрёсток таких связей и сношений особенно способствует возникновению даже не одного, но многих городов. Во всём мире все знаменитые и господствующие и до сих пор города нарождались и развивались силою указанных причин и обстоятельств»³. Не была исключением из правила и Москва и как город и как государство. Она возникает на двойном узле Московско-Клязьминского торгового пути, который связывал Балтийское и Каспийское моря. А если вспомнить, что отсюда же, из Москвы, начиналась дорога к южному Чёрному морю, в Сурож, то значение Москвы и её дальнейшая роль становятся совершенно понятны.

Против крайностей торгово-посреднической или коммерческой гипотезы Забелина возражал проф. С. Ф. Платонов. По его мнению, своим возникновением и будущим значением Москва обязана своему положению, но в первую очередь не как торгового пункта, а как крепости на юго-западной окраине Ростово-Суздальской земли. И когда в конце XIV в. произошёл «великий перелом» в истории Московского княжества, оно стало превращаться в национальное государство, а московский князь — в объединителя и вождя всего великорусского племени, толчком к этому послужила великая битва на Куликовом поле. Русское государство «родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты», — метко и красиво сказал о нём В. О. Ключевский»⁴.

Вслед за Костомаровым и Ключевским проф. В. Сергеевич, стремясь развенчать московских князей, заменяет народ Соловьёва боярством. Ивана Калиту он именует «раболопным слугой ханов», который по их приказанию воюет против русских городов: Твери, Пскова и Смоленска. «Всякая мысль о государственном могуществе Москвы была чужда этому князю», — говорит он. — Разделивши государство между тремя сыновьями

¹ Милюков П. «Очерки по истории русской культуры». Ч. 1-я, стр. 126—127, 180, 193, 231. 4-е изд. СПб. 1900 (1-е изд. 1896).

² Милюков П. Указ. соч. Ч. 3-я. Вып. 1, стр. 24, 28. СПб. 1901.

³ Забелин И. «История города Москвы». стр. 7. 2-е изд. М. 1905.

⁴ Платонов С. «Лекции по русской истории», стр. 128. СПб. 1904; его же «О начале Москвы». Статьи по русской истории. 2-е изд. СПб. 1912.

и женой с малолетними детьми, Калита явился «основателем противогосударственного порядка, а не могущества и славы Москвы». «Единое Московское государство образовалось наперекор видам Калиты. Преемникам его надо было начинать работу сызнова и в духе совершенно противоположном тому, в каком действовал он. Надо было разрушить созданный им порядок». Заслуга создания государства принадлежит боярскому классу¹.

М. К. Любавский придаёт руководящее значение княжеской политике, но определяющее значение сохраняется за географическим фактором. Москва возвышается благодаря стихийному приливу сюда переселенцев, идущих однако не с югозапада, а с востока, из Суздальско-Нижегородского княжества, подвергавшегося постоянным набегам татар².

А. Е. Пресняков заново пересмотрел большой летописный материал по интересующему нас вопросу. Вслед за Сергеевичем он стремится рассмотреть вопрос с позиций юридической школы, эклектически соединяя её с отдельными положениями теории Соловьёва и Ключевского. Географический фактор понимается им по Платонову. Княжеское начало доминирует над влиянием иных общественных сил. Иван III в его трактовке является «организатором великорусского государства», но ему приходится строить государство «на крепко заложенном фундаменте».

Московское государство — это не только «своеобразное соединение вотчинной и династической традиции, перерождавшейся в понятие национального государства», но и «новая система международных отношений». Возникает оно не бессознательно, вопреки утверждениям Ключевского, и не вопреки деятельности князей, как утверждал Сергеевич, а путём собирания князьями власти «в развитие стародавней традиции о патриархальном великом княжении „в отца место“». Князья московские собирают не земли, а именно власть; они строят государство путём «ломки и принципиального отрицания силы обычного права в пользу вотчинного самодержавия», а не как хищники и скопидомы³.

II

После Великой Октябрьской социалистической революции изучение вопроса о причинах образования Русского государства несколько подвижилось вперёд. Однако собственной концепции и правильного решения вопроса советские историки всё же не нашли и поэтому не сумели отойти от традиционного дворянско-буржуазного понимания его природы и развития.

Г. В. Плеханов убедительно показал несостоятельность всякого рода плюралистических построений исторического процесса, в том числе и русского. Не будучи, однако, историком, он не смог привлечь ни новых фактов, ни новых методов их истолкования и был принуждён вращаться в кругу идей тех самых буржуазных историков, которых он опровергал, особенно С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского. Чтобы вырваться из этого круга, он создаёт малоубедительную теорию колебания русского исторического процесса между типом европейского развития и типом азиатской деспотии, подобной древне-египетскому царству, Халдее, Китаю, Индии и даже обществу негров Занзибара.

«О полном своеобразии русского исторического процесса не может быть и речи, такого своеобразия вообще не знает социология...— говорит Г. В. Плеханов.— В нём есть особенности, очень заметно отличающие его от исторического процесса всех стран европейского Запада и напоминающие процесс развития великих восточных деспотий. Они то увеличива

¹ См. Сергеевич В. «Древности русского права». Т. I, стр. 57, 63. СПб. 1909.

² См. Любавский М. «Лекции по древней русской истории до конца XVI в.», стр. 214—217. М. 1916.

³ Пресняков А. «Образование великорусского государства», стр. 114, 443, 459. Пгг. 1918.

ются, то уменьшаются, вследствие чего Россия как бы колеблется между Западом и Востоком»¹.

В своём анализе Г. В. Плеханов довольно много места отвёл социологическому анализу киевского и московского периодов, не выделяя периода раннего феодализма XII—XV вв., в результате чего у него как бы выпала проблема образования Русского, или Московского, государства в XIV—XV столетиях. Он касается её в связи с проблемой происхождения московского самодержавия, что, разумеется, не одно и то же. По мнению Г. В. Плеханова, самодержавие возникает согласно утверждению Ключевского в результате давления татар и борьбы с ними. «Борьба с кочевниками, — говорит он, — увеличивая власть князя, как военного сторожа русской земли, вместе с тем замедляла экономическое развитие Руси, чем мешала возникновению в ней — за исключением Волыни и Галиции — влиятельного боярства, способного выставить определённые политические требования и, в случае надобности, поддержать их силой. Те условия, в которых очутилось русское население, перебросившееся с юго-запада на северо-восток, ещё более усиливали эти «европейские недочёты в русской исторической жизни» и тем содействовали постепенному сближению русского общественного быта и строя с бытом и строем великих восточных деспотий»².

Н. А. Рожков сделал много очень ценных замечаний об образовании Русского государства, но ему не удалось свести их в систему. Он не столько пристрастно полагал свои выводы старой концепции, сколько старался подкрепить её со своей стороны. Н. А. Рожков поддерживает мысль С. М. Соловьёва о решающем значении географического фактора, которому он отводит, однако, как и Соловьёв, не основную, движущую, а ограничивающую и направляющую роль. Активная роль у него отводится росту населения и явлениям хозяйственного порядка. Основным фактором перехода от удельной раздробленности к единому национальному государству в XV — первой половине XVI века Н. А. Рожков считает развитие более интенсивных форм земледелия. Однако он не считает это развитие решающим производственным фактором, а сводит его значение к подготовке закрепощения крестьян. «Собирание Руси Москвой началось не собиранием власти, а собиранием земли», как это утверждал В. О. Ключевский. Если московские князья опередили в «приобретательской деятельности» других, то на это были особые причины, корнившиеся в хозяйственных условиях.

Однако, переходя к систематизации своих взглядов на возвышение Московского княжества и обращение его в Русское государство, Н. А. Рожков возвращается к старым тезисам, заимствованным преимущественно у В. О. Ключевского. Не отвергая мысли С. Ф. Платонова о военнопограничном значении Москвы, Н. А. Рожков считает основными причинами её возвышения и обращения в Русское государство: 1) географическое положение Москвы на перекрёстке нескольких дорог, благодаря чему Москва была важным торговым пунктом и первым этапом для колонистов, шедших с юга на север; 2) выгодное географическое положение в смысле безопасности от татарских набегов; 3) сложение здесь великорусской народности. Поэтому, по мнению автора, московские князья в своей деятельности — не воины и не политики, а только корыстолюбивые собиратели земли, т. е. имущества, но не политической власти. Они «своего прибытка смотрели». «Новые же политические понятия были им долго совершенно чужды и выросли незаметно для них самих из самого процесса собирания Руси, да и выросли-то очень мало... Эгоист

¹ Плеханов Г. «История русской общественной мысли». Соч. Т. XX. Ч. 1-я. стр. 12.

² Плеханов Г. Указ. соч., стр. 57.

с XIV века и является окончательной типической фигурой в психологической жизни русского общества»¹.

В статье «Правда ли, что в России абсолютизм существовал наперекор общественному развитию» М. Н. Покровский остроумно высмеивал неудачу Г. В. Плеханова и иных историков, пытавшихся выбраться из лабиринта старых воззрений на образование Русского государства. «Этот вопрос о возникновении русского абсолютизма и оказался тем крючком, на который буржуазные историки поймали двух чрезвычайно крупных марксистских рыб. Поймали потому так легко, что марксисты тут, в этом вопросе, были перед ними совершенно беззащитны; ибо существующие буржуазные книжки для материалистического объяснения факта, разумеется, ничего не дают. И не дают даже не потому, что сознательно хотят втереть очки, замазать истину, а просто потому, что сами смотрят в другую сторону; не питая ни малейшего сомнения насчёт догмата внеклассового государства, буржуазные историки и не ищут, конечно, экономической базы самодержавия. Им нужно объяснение политическое: его они находят, вполне удовлетворительное, с их точки зрения, в интересах военной обороны от внешнего врага. Почему Русь сплотилась около Москвы? Нужно было защищаться от татар. Ясно и просто»².

Однако марксистских рыб, о которых говорит М. Н. Покровский, оказалось не две, а гораздо больше, и самой крупной из них был он сам.

Обращаясь к вопросу о возвышении Московского удела и образования Русского государства, М. Н. Покровский объясняет его в первую очередь торговлей. Московский удел, по его мнению, возвышается благодаря следующим причинам: 1) выгодному географическому положению на торговых путях, в связи с чем князья могли «сбирать мыта с купцов больше, чем кто бы то ни было другой»; 2) густому населению, стекавшему сюда в поисках безопасности, так как здесь реже были татарские набеги, а московский князь, имея хорошие доходы, «был менее драчливым, чем другие»; 3) покровительству ханов московскому князю, как «наиболее слабому и в глазах хана наиболее безобидному»; 4) поддержке церкви. В этом ряде причин возвышения Москвы автор считает основной причину экономическую, а именно — развитие торговли, которая была внешней для Москвы.

В XII в. Москва была только княжеской усадьбой. «А в конце XIV в., т. е. через 200 лет, в Москве было несколько тысяч дворов, т. е. несколько десятков тысяч населения... которое, само собой, не могло обрабатывать землю, не пахало и должно было получать хлеб извне». Такой город «мог существовать только благодаря торговле хлебом и другим сырьём. Если бы также сырьё не подвозилось из окрестных земель, население города погибло бы с голода или должно было бы разбрестись»³.

М. Н. Покровский не разъясняет, в каком порядке поступал хлеб для снабжения населения Москвы. Но уже оговорка, что это был хлеб «из окрестных земель», свидетельствует, что основную роль в этом процессе он отводил не организации вотчинного производства и снабжения в порядке феодальных повинностей, а торговле, торговому капиталу. Только в 1931 году М. Н. Покровский отказался от этой ошибочной установки и даже назвал «безграмотной» созданную им теорию «торгового капита-

¹ Рожков Н. «Исторические и социологические очерки». Ч. 1-я, стр. 164. М. 1906; его же «Русская история в сравнительно-историческом освещении». Т. I, стр. 12—13. М. 1919; т. III, стр. 5, 22—23, 25, 29—30, 51—53. М. 1922. В работе «Происхождение самодержавия в России» по данному вопросу автор ничего нового не добавляет (2-е изд. Птгр. 1923). Хороший критический разбор построений Н. А. Рожкова даёт Покровский М. «Борьба классов и русская историческая литература», стр. 109—118. Птгр. 1923.

² Покровский М. «Борьба классов и русская историческая литература», стр. 124—125.

³ Покровский М. «Русская история в самом сжатом очерке», стр. 32—34. 11-е изд. Партиздат. 1933 (1-е изд. 1920).

лизма», потому что, писал он, «капитализм есть система производства, а торговый капитал ничего не производит... но в основе всей общественной структуры лежит именно производство»¹.

Таким образом, М. Н. Покровский в конце концов отверг и военный фактор и торговлю в качестве первействующего фактора в образовании Русского государства, т. е. оба тезиса историков XIX века. Но пересмотреть историю образования Русского государства с этих новых позиций — зависимости общественной структуры от производства — он не успел, а широко распространённые в качестве учебников его труды не только не поколебали, но укрепили в сознании современников тезис Ключевского — Забелина о ведущем, решающем значении торговли в историческом процессе, в частности в образовании Русского государства.

Позднейшие исследователи привлекли к решению вопроса ещё дополнительный материал из высказываний классиков марксизма-ленинизма об историческом процессе вообще и о порядке образования национальных государств.

Особенно охотно привлекались к решению проблемы возникновения Русского национального (или многонационального) государства высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина, хотя они имеют к названной проблеме только косвенное отношение и используются в нашей исторической литературе не всегда правильно.

Ленин в статье «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», возражая против «детской побасенки, которой учат гимназистов», будто бы сначала была семья, потом племя, которое разрастается в государство, утверждает, что г. Михайловский не имеет представления о ходе русской истории. «Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, — пишет Ленин, — то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»².

В приведённом отрывке Ленин устанавливает деление русской истории на три периода: древний, когда существовали родовые союзы; средневековый, когда государство распадалось на отдельные «земли» и княжества, а затем объединилось в Московское царство, сохранявшее внутри многие пережитки феодальной раздробленности, и новый период, «примерно с 17 века», когда растущее товарное обращение и концентрирование небольших местных рынков в один всероссийский рынок привели к фактическому слиянию областей, земель и княжеств в одно целое.

Совершенно ясно, что в приведённом отрывке Ленин ничего не говорит о причинах, благодаря которым возникло Московское государство,

¹ Покровский М. «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России», стр. 491—492. Приложение к «Русской истории в самом сжатом очерке». Партиздат. 1933. (Первоначально — в журнале «Борьба классов» № 2 за 1931 год).

² Ленин. Соч. Т. I, стр. 73.

объединившее земли и княжества. Развитие внутреннего обмена, или «усиливающийся обмен между областями, постепенно растущее товарное обращение и концентрирование небольших местных рынков в один все-российский рынок» им отнесены к периоду не возникновения, а существования уже образовавшегося Московского государства, не к XIV—XV, а к XVI—XVII вв., в крайнем случае, к периоду конца XV—XVII столетий. Развитие внутреннего обмена сопровождается, а не предваряет и не определяет образование государства; оно не является поэтому, по учению Ленина, причиной образования единого Московского государства.

В. И. Ленин предупреждает против произвольных пролонгаций категорий и надстроек одной исторически определённой общественной формации на другую формацию и против принятия таких категорий и надстроек за явления «общие и вечные»¹. И хотя возникновение единого государства взамен раннефеодальной раздробленности не является результатом смены формаций, а составляет лишь переход от одной ступени политического развития к следующей в пределах одной и той же феодальной формации, однако превращение развития обмена в причину образования политического единства является как раз такой незаконной пролонгацией, против которой предупреждал В. И. Ленин. Приписывать Ленину взгляд, будто двигателем образования Русского государства было развитие рыночных отношений, — значит без достаточных оснований относить к XIV—XV столетиям то, что Ленин устанавливает для XVI—XVII столетий. Даже принимая условно такую пролонгацию, мы не сможем на основании слов Ленина придти к заключению, что развитие обмена являлось основной, ведущей причиной установления политического единства, потому что нигде Ленин этого не говорил да и сказать не мог.

Примером такой же незаконной пролонгации является утверждение проф. В. В. Мавродина, будто бы «в работе «Национальный вопрос» Ленин подчёркивает, что основой создания национальных государств является экономическая необходимость, обусловленная в свою очередь развитием рынка как центра торговых отношений»².

В указанной работе Ленин говорит об образовании национальных государств нового времени, а не национальных государств вообще, о государствах расцвета буржуазной формации, а не формации феодальной, как утверждает проф. Мавродин. Определение Ленина — «Россия — национальное государство в основе, базе, центр (Псков — Ростов н/Д). Окраины — национальности» и т. д. — относится к России периода первой буржуазной революции, а не к России XV—XVI столетий. И когда проф. Мавродин относит вышеприведённое мнение Ленина к возникающему в XIV—XVII вв. Русскому государству, он неправильно приписывает Ленину то, что говорили Ключевский, Забелин, Покровский, и пытается авторитетным именем Ленина подкрепить устаревшие буржуазно-экономические воззрения.

Для решения проблемы образования Русского национального государства также широко используются историками высказывания И. В. Сталина в его работе «Марксизм и национально-колониальный вопрос» и в докладе на X съезде партии «Очередные задачи партии в национальном вопросе». В первой работе товарищ Сталин установил, что в Западной Европе «процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации... Несколько иначе происходит дело в Восточной Европе. В то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились между национальные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия. В Австрии наиболее развитыми в политическом отношении оказались немцы — они и взяли на

¹ Ленин. Соч. Т. I, стр. 73.

² Мавродин В. «Образование Русского национального государства», стр. 128. Огиз. 1941.

себя дело объединения австрийских национальностей в государство. В Венгрии наиболее приспособленными к государственной организованности оказались мадьяры — ядро венгерских национальностей, они же объединители Венгрии. В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию... Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного ещё феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда отгёртые на задний план национальности не успели ещё консолидироваться экономически в целостные нации»¹.

В первой статье товарищ Сталин не останавливается на вопросе о причинах такого своеобразия в порядке развития национальных государств в Западной и Восточной Европе. А в докладе «Очередные задачи партии в национальном вопросе» он указывает причину своеобразия развития восточноевропейских многонациональных государств. «В этих странах,— говорит он,— капиталистического развития ещё не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удерживать напор нашествия»².

Нам кажется ясным, что в обоих высказываниях товарища Сталина не ставилась задача выяснения причин, которые привели к уничтожению феодальной раздробленности и образованию единых национальных или многонациональных государств; во всяком случае, товарищ Сталин внешний фактор не считает такой причиной. Достаточно того, что там, где этот фактор отсутствовал, на Западе, объединённые национальные государства, тем не менее, возникали. Не видно, чтобы давление внешней опасности было ведущей, основной причиной перехода от феодальной раздробленности к централизованным государствам и в Восточной Европе: это давление ускоряло и видоизменяло процесс объединения, но не порождало его. Не эта причина способствовала созреванию тех передовых национальностей, которые взяли на себя роль объединителей в Восточной Европе. Они исторически созрели, тогда как другие ещё не успели созреть до национальности, когда внешняя опасность заставила и тех и других войти в централизованные государства. Такова мысль товарища Сталина в обоих приведённых высказываниях.

Приписывать И. В. Сталину на основании приведённых высказываний, будто бы он считает, что процесс образования централизованных государств и на Западе и на Востоке возник под влиянием в основном одних и тех же причин — в результате давления внешней опасности,— значит сближать его взгляды со взглядами проф. П. Н. Милюкова и С. Ф. Платонова, с которыми они ничего общего не имеют. К сожалению, в нашей учебной литературе такое смещение обратилось в традицию.

Одной из основных современных работ о происхождении Русского национального государства является труд проф. В. В. Мавродина «Образование Русского национального государства», вышедший в Ленинграде в 1937 г. и повторно — в 1941 году. В. В. Мавродин расчленяет проблему образования Русского национального государства на три самостоятельных вопроса, что было намечено ещё В. О. Ключевским. Это позволяет автору создавать по каждому из трёх вопросов как бы самостоятельную причинную цепь. Период IX—XVI вв. автор рассматривает в четырёх главах. В главе II говорится о «причинах объединения русских земель»; в III главе даётся «начало объединения Руси» и в главе IV — «образование Русского национального государства». Каждому из этих процессов образования государственного единства автор приписывает свои причины. Объедини-

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 10—11. Партиздат. 1934.

² Там же, стр. 73.

тельный процесс в целом, по мнению автора, возникает: в результате борьбы русского народа с татарами, немцами и литовцами; на основе развития сельского хозяйства, в котором происходит смена подсечной системы трёхпольем; на основе стремления феодалов в объединительном процессе создать такую княжескую власть, которая помогла бы им овладеть землёй и крестьянами; наконец, в развитии внешней и внутренней торговли. Бояре, дворянство, церковь и посадское население поддерживали князей в борьбе за объединение Руси.

Однако автор считает, что экономические предпосылки для объединения мелких княжеств в XIV в. ещё не созрели в достаточной мере, и если объединительный процесс происходит, то в связи с внешней опасностью и борьбой против неё. При этом он ссылается на вышеуказанное высказывание И. В. Сталина.

Основной причиной усиления Московского княжества В. В. Мавродин считает географическое положение Москвы: он отмечает выгодное положение Москвы в смысле безопасности, а также её положение «на очень удобных и важных торговых путях», которые пролагаются именно в XIV веке. Кроме того он отмечает скромное размножение московского княжеского дома, поддержку церкви и, наконец, удачливую и умелую политику московских князей.

В последней, IV главе — об образовании национального государства во второй половине XV и в первой трети XVI в. — автор из ряда причин на первое место выдвигает причины экономического порядка, в частности торговлю, причём свои утверждения пытается обосновать высказываниями Ленина. Следующие факторы предопределили, по мнению В. В. Мавродина, образование Русского национального государства: укрепление феодального землевладения, организация армии, живучесть Москвы как крепости, политического и административного центра и посада и особенно развитие торговли; рост больших торговых городов; возобладание трёхполья в центре Руси; развитие в XV в. менового хозяйства.

Подводя итоги, автор говорит: «К середине XV столетия создались все условия для превращения Московского княжества в Русское государство. Рост общественного разделения труда, отделение ремесла от сельского хозяйства и развитие товарно-денежных отношений к этому времени достигают такой ступени развития, когда необходимым условием для дальнейшего роста производительных сил страны является окончательная ликвидация феодальной раздробленности и создание единого, централизованного государства. В работе «Национальный вопрос» В. И. Ленин подчёркивает, что основой создания национальных государств является экономическая необходимость, обусловленная, в свою очередь, развитием рынка как центра торговых отношений»¹.

Таким образом решается проблема образования Русского национального государства в книге В. В. Мавродина.

Отдавая должное попытке автора сочетать отмечаемые в буржуазной литературе XIX в. причины образования Русского государства с основными элементами марксизма, мы не можем принять эти заключения как научное достижение. Его сложная эклектическая система внешне громоздка и внутренне противоречива. Она не соответствует монистической теории исторического материализма и поэтому ненаучна.

Вторым современным автором, много работавшим над вопросом образования Русского государства, является проф. К. В. Базилевич. Ему принадлежат: соответствующий раздел в учебнике по истории СССР под редакцией проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина и два издания его лекций в Высшей партийной школе: первое под названием «Курс истории СССР», вышедшее на правах рукописи в 1940 г., и второе — «История СССР от древнейших времён до се-

¹ Мавродин В. Указ соч., стр. 128. См. Ленинский сборник XXX, стр. 62.

редины XV века», — выпущенное в 1944 году. Взгляд на процесс образования Русского государства XV в. во всех трёх изданиях один и тот же.

В основном К. В. Базилевич стоит очень близко к концепции В. В. Мавродина, но вместе с тем он близок к взглядам В. О. Ключевского и Забелина, стремится в то же время дать самостоятельную, по возможности марксистскую, трактовку вопроса. Вслед за первыми двумя названными авторами К. В. Базилевич считает необходимым расчлнить проблему феодальной концентрации на три отдельных вопроса. По его мнению, «начало объединения Северовосточной Руси» было обусловлено выгодным географическим положением с.-в. княжеств «в центре важнейших речных путей». Они были прикрыты со стороны Золотой Орды другими русскими землями и меньше подвергались разорению¹.

Этот этап обусловлен своими «общественно-экономическим развитием и политической обстановкой в связи с борьбой русского народа с внешней опасностью». Он не связан со вторым этапом — «объединением русских земель вокруг Московского княжества». В то же время «социально-экономические и политические условия, вызвавшие усиление Московского княжества в XIV в., не были ещё условиями, необходимыми для создания централизованного феодального государства. Последние сложились во второй половине XV в.»².

Выдвинув эти постулаты, автор, однако, всё сводит к нарастающему влиянию основного фактора — к развитию торговли. Иван Калита богател «в результате как торговых пошлин, которые он собирал, пользуясь расположением Москвы в узле торговых дорог, так и в результате суровой финансовой политики»³, в то же время «рост политического объединения русских земель под главенством великого князя московско-владимирского происходил на основе усиливающегося экономического общения между отдельными русскими княжествами и городами». Развитие торговли на этом этапе создаёт качественные изменения в общественно-экономической обстановке: благодаря ему происходит общественное разделение труда и возникает важнейшее условие для роста торгово-ремесленных посадок. «Распространение рыночных связей, — говорит автор, — приводило к обособлению торговли от производства и к развитию профессионального купечества в области не только внешней, но и внутренней торговли». «Развитие торговли составляло важнейшее условие для роста городских посадок», так что уже при Дмитрии Донском в Москве было много ремесленников. Уже на этом этапе развитие обмена (именно оно, а не что-либо иное) создаёт посылки будущего политического объединения страны, потому что «развитию торговых связей... препятствовали существовавшие... экономические и политические перегородки...» «Поэтому торговое и ремесленное посадское население поддерживало объединение страны, необходимое для интересов развивающейся внутренней торговли»⁴.

Наконец, третий, решающий момент образования единого государства автор снова обуславливает дальнейшим развитием обмена. «Основными причинами образования Русского государства в конце XV в., — говорит он, — следует считать: 1. Экономическое развитие русских земель, выразившееся в появлении общественного разделения труда и товарного обмена, в силу чего усиливались экономические связи между отдельными городами и землями. 2. Классовую заинтересованность земельных собственников в создании сильной верховной власти, способной подавить сопротивление крестьян. 3. Политические условия, требовавшие образования централизованного государства для борьбы с внешней опасностью»⁵.

¹ «Курс истории СССР». Т. I, стр. 226—227; «История СССР», под ред. проф. В. И. Лебедева, ак. Б. Д. Грекова и ч.-к. АН С. В. Бахрушина. Т. I, стр. 227.

² «История СССР». Т. I, стр. 221.

³ Там же, стр. 227.

⁴ «История СССР». Т. I, стр. 237, 238.

⁵ Там же, стр. 301.

Таким образом, на всех трёх этапах расчленённого процесса развития Русского национального государства, протекающих якобы независимо один от другого, ведущим и решающим фактором является развитие обмена или торговли. Внешняя торговля, развиваясь, создаёт торговлю внутреннюю, купцы способствуют выделению группы ремесленников и образованию торгово-ремесленного посада. Посады требуют политического объединения.

Автор не упускает и политического фактора. Ссылаясь на известное место в работе И. В. Сталина, он упоминает о давлении внешней опасности. Он говорит об интересах землевладельцев, не отмечая, каких. «Новая экономическая обстановка, — заявляет он, — отразилась и на состоянии сельского хозяйства. Развитие трёхполья привело к уравниванию полей и к утверждению правильного севооборота», что «значительно поднимало производительность труда в сельском хозяйстве»¹. Но все эти факторы стоят на втором месте после развития обмена, а развитие трёхполья прямо отнесено в разряд следствий «новой экономической обстановки».

Новейшей книгой, в которой поставлен вопрос об образовании Русского национального государства, является труд проф. И. И. Смирнова «Иван Грозный», вышедший в Ленинграде в 1944 году. Автор считает периодом возникновения и формирования «национального государства, приведшего на смену феодальной раздробленности удельных времён», XV—XVI вв., укорачивая таким образом процесс в начале и удлиняя в конце. «Материальной основой процесса ликвидации феодальной раздробленности и создания национального централизованного государства», по мнению автора, «являлось постепенное преодоление экономической замкнутости отдельных русских земель и установление рыночных связей между ними»², т. е. торговля. Причин развития торговли автор не указывает. В подтверждение своих выводов автор ссылается на Ленина. Эта ссылка у автора более уместна, чем у иных авторов, поскольку он считает XVI в. периодом образования Русского национального государства, но она не объясняет причин возникновения Русского национального государства.

Ценной является новая мысль автора о глубоком изменении положения господствующего класса феодалов-землевладельцев в связи с образованием национального государства. Внутри этого класса формируется мощный слой помещиков-дворян, которые меняют свою дворовую службу на военное дело под знамёнами великого князя³. При поддержке этого нового элемента великие князья опрокидывают аристократический строй раннего средневековья. Но самое это явление автор описывает без объяснений, как и причины развития внешней и внутренней торговли. Тема не обязывала автора разрешать эти вопросы, но если автор считает XVI столетие временем формирования национального государства, то желательно было бы более отчётливо выяснить этот процесс и показать его в целом.

В том же, 1944 г. появилась статья проф. М. Н. Тихомирова «Начало возвышения Москвы». Автор собрал в ней известия и предания о Москве XII—XIV вв., но в теоретической части ограничился перестановкой высказанных ранее положений о причинах возвышения. Он отмечает следующие причины возвышения Москвы: рост населения, благоприятное географическое положение, особые таланты и приёмы деятельности московских князей, ведущую силу Москвы в деле объединения Руси (политический фактор). Автор говорит: «Значение всех этих факторов не приходится отвергать или преуменьшать», но вместе с тем он считает, что каждый из названных факторов мог сделаться ведущим только в определённое время и в определённых условиях. Перебирая затем исторические изве-

¹ «Курс истории СССР», стр. 13. Изд. 1940 года.

² Смирнов И. «Иван Грозный», стр. 8. Л. 1944.

³ См. Смирнов И. Указ. соч., стр. 12—15.

ствия, автор утверждает, что только во второй половине XIII и в XIV в. Москва стала занимать среди удельных княжеств центральное место. Причиной этого было оживление древнего Волжского пути, которое происходило одновременно с нашествием монголов. Параллельно оживлялся и торговый путь на запад. Таким образом, со второй половины XIII столетия появляется ещё один фактор, способствующий возвышению Москвы, — внешняя торговля.

Однако Москва как торговый пункт не обладала преимуществами в сравнении с такими городами, как Нижний Новгород или Тверь. И если она превзошла их, то только потому, что она находилась в центре складывавшейся великорусской народности, на периферии которой были расположены остальные торговые города: Тверь, Нижний, Переяславль Залесский и Смоленск.

Москва была центром «наиболее густо населённой части северной Руси в том виде, в каком русский народ расселился в XIII—XIV вв.» Поэтому митрополиты перенесли свою резиденцию в Москву, здесь оживились ремёсла и торговля. Однако решающим фактором возвышения Москвы было её центральное положение на этнографической территории складывавшейся великорусской нации. «Линия Москвы-реки служила границей поселений вятичей и кривичей, и даже теперь акающие и окающие говоры великорусского языка точно так же сталкиваются у Москвы», — напоминает автор. «Центральное географическое и этнографическое положение Москвы в XIV в. дало ей превосходство перед другими городами и утвердило за ней положение центра образующейся русской народности. Это значение ведущего города, столицы русского народа, Москва с честью поддержала уже в XIV в., возлавив борьбу русского народа за независимость против татарского ига»¹.

Новым и ценным в статье М. Н. Тихомирова надо считать стремление упростить современные многопричинные объяснения процесса образования Русского государства и свести десятки причин и условий к некоторому единству. Однако выдвигание в качестве руководящего фактора принципа этнографического или национального мы считаем неудачным. Принцип этот выдвинут ещё В. О. Ключевским и затем Н. А. Рожковым, но и тот и другой отводили ему только третье место в ряду других причин возвышения Москвы. Особое подчёркивание национального момента понятно в условиях военного творчества. Однако превращает его в основную движатель историю не следует. Такая концепция даже для одного XIV в. всё же сближала бы нас с концепциями псевдонаучными. Нация как «устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»², является сложной надстройкой определённой эпохи и сама по себе не может влиять на размеры городов и их политическое значение. Акать и окать можно одинаково и в малых и в больших городах, и лингвистическое сближение акающих и окающих говоров также не может оказать никакого влияния на рост городов. Точно так же установление территориального, экономического или психического единства населения не влияет на формы его поселения. Количество слагаемых здесь переходит в качество только в смысле возникновения нации, но не наделяет последнюю свойствами, характерными для производственного фактора. Кроме того непонятно, почему центральное положение на этнографической территории образующейся нации непременно лучше положения на её окраине и должно повлечь за собой экономическое и политическое преобладание? История русских стольных городов не даёт оснований для таких выводов.

В современной исторической литературе по вопросу об образовании

¹ Тихомиров М. «Начало возвышения Москвы». «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философия». Т. I, № 3. М. 1944.

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 6.

Русского государства до сего времени отсутствует такая концепция этой проблемы, которая отвечала бы и полноте собранных фактов и современным методологическим представлениям о природе исторического процесса. Несмотря на значительный и понятный интерес к проблеме происхождения Русского национального государства, попытки её разрешения не увенчались успехом, и мы обходимся кое-как подправленными устаревшими представлениями учёных XIX столетия.

В самом деле, как можно в настоящее время утверждать в качестве основного, ведущего фактора концентрации феодального государства выгодное географическое положение? Известно, что географический фактор «не может служить главной причиной, определяющей причиной общественного развития, ибо то, что остаётся почти неизменным в продолжение десятков тысяч лет, не может служить главной причиной развития того, что переживает коренные изменения в продолжение сотен лет». Приток переселенцев и увеличение плотности населения Московского княжества, которому придаётся важное значение, также «не является и не может являться главной силой развития общества, определяющей характер общественного строя, физиономию общества»¹.

Развитие внешней и внутренней торговли, на которое делается основной упор в большинстве трудов как XIX столетия, так и современных, также не может рассматриваться в качестве фактора созидательного, движущего вперёд общественное развитие.

Ещё К. Маркс отметил: «Где преобладает купеческий капитал, господствуют устаревшие отношения... самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества»². Развитие торговли могло консервировать те формы феодальной раздробленности, среди которых она развивалась, могло разрушить их, но оно не могло повлиять на создание новых форм общественного быта, потому что последние зависят не от обмена, а от формы общественного производства. Поэтому Маркс относил к ошибочным взглядам утверждение, «что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках после географических открытий и быстро подвинувшие вперёд развитие купеческого капитала, составляют главный момент в ряду тех, которые содействовали переходу феодального способа производства в капиталистический»³.

Хорошей иллюстрацией к словам Маркса является развитие Великого Новгорода. В XIII—XV вв. он являлся наиболее оживлённым торговым центром в русской земле; там существовала экономически и политически сильная прослойка купечества. Если бы торговля являлась определяющим фактором исторического развития, которое ей приписывают, то не Москва, а Великий Новгород стал бы центром общерусского объединения. Однако этого не произошло. Как раз в силу развития торговли Великий Новгород остановился в своём экономическом, социальном и политическом развитии и затем, в качестве наиболее отсталого обломка киевской старины, первым пал жертвой объединительной политики московских князей.

Решающим фактором в развитии общества является не географическое положение и не торговля, не переселенцы и не политическая обстановка, а в первую очередь развитие производительных сил, проявляющееся обычно в изменении техники производства ведущей отрасли народного хозяйства. «Одна из особенностей производства состоит в том, — говорит товарищ Сталин, — что оно никогда не застревает на долгий период на одной точке и находится всегда в состоянии изменения и развития, причём изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических

¹ «История ВКП(б). Краткий курс». Гл. IV, стр. 113, 114.

² К. Маркс «Капитал». Т. III, стр. 229. М. 1932.

³ Там же, стр. 233

взглядов, политических учреждений, — вызывают перестройку всего общественного и политического уклада». А начинаются изменения в производстве всегда «с изменений и развития орудий производства»¹.

И так как образование Русского национального государства было для своего времени крупным изменением всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, то в основании его также должно было лежать какое-то серьёзное изменение в ведущей отрасли современного хозяйства и порождённое им такое развитие производительных сил, которое соответствовало бы глубине происшедшего общественно-политического сдвига.

С этой точки зрения мы и попытаемся предложить решение проблемы об условиях, причинах и процессе образования Русского национального государства.

III

XIV век был первым относительно мирным столетием после татарского вторжения. Отдельные набеги татар ещё повторялись, но становились реже и теряли свою сокрушительную силу. Медленно зарастали неслыханные раны, нанесённые стране, в которой и потом, в течение двух столетий, разрушались города и селения, много было перебито или угнано в рабство населения. «Монголы, — говорит Маркс, — при опустошении России действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием»².

Ещё в 1274 г. на церковном соборе во Владимире митрополит Кирилл говорил, мысленно обозревая русскую землю: «Не рассея ли ны Бог по лицу всея земли? Не взяты ли быша гради наши? Не падоша ли силнии наши князи острием меча? Не поведены ли быша в плен чада наша? Не запустеша ли святыя Божия церкви? Не томимы ли есмы на всяк день от безбожных и нечистых поган?»³.

Но постепенно уходили с жизненной арены те, кто был свидетелем кровавого кошмара первого нашествия или знал о нём по рассказам. Нарождались новые поколения. Им приходилось затаить мысль об освобождении и налаживать разорённое и заброшенное хозяйство, в первую очередь сельское, крестьянское хозяйство. Уцелевший от татарского погрома Новгород и весь лесной север остро нуждались в хлебе, который перестал поступать сюда из разорённого и опустевшего Поднепровья⁴. Обширные половецкие степи и прилегающие южные русские княжества обезлюдели. Степняки «умерли с голода и пожраны оставшимися в живых», как отметил проезжавший здесь в 1253 г. Рубруквис. Новые тюркские орды, пришедшие с монголами, не занимались земледелием и сами нуждались в хлебе. У них было много скота, но нередко и сами они и их скот вымирали от бескормицы. Было мясо, но оно ещё не продавалось и не покупалось в степях в первой половине XIV века. Только по окраинам степей, в предгорьях Кавказа и Крыма, да в городах сохранились «остатки того, что погибло из насаждённого»⁵.

Современник хана Узбека и московского князя Ивана Калиты араб Эломари сообщает о татарах Золотой Орды: «Посевов у них мало и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречаются у них посевы проса, и им они и питаются по части произведённой земли...» Ослиная ноша весом в 100 ритлей (русских фунтов) пшеницы

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 115—116, 117.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 1-я, стр. 188.

³ «Русская историческая библиотека» (РИБ). Т. VI, № 6.

⁴ См. Костомаров Н. «Севернорусские народоправства». Т. II, стр. 221.

СПб. 1863.

⁵ Эломари при хане Узбеке; Тизенгаузен В. «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды». Т. I, стр. 230—231, 233—234; Элайи Там же, стр. 513.

продавалась в Сарае в первой половине XIV столетия по 2½ динара; по такой же цене шла чечевица. Ячмень и просо стоили 2 динара¹.

В переводе на русские деньги пуд пшеницы при Иване Калите стоил в Сарае около 30 копеек, а пуд проса и ячменя — около 23 копеек в современной серебряной валюте². Русская кадь, или оков, пшеницы или чечевицы, вмещающая 14 пудов, стоила, таким образом, на Нижней Волге, в Сарае, и в Хорезме, при Калите около 4 р. 20 к., а кадь ячменя или проса — около 3 р. 20 к.

Если хлеб всегда играл роль основной ценности в земледельческой Руси, то в тяжёлое время после татарского погрома спрос на него усилился и на севере и на юге Восточной Европы. Особенно важную роль хлеб стал играть в центральных областях, где князья боролись за великокняжеское достоинство и должны были выплачивать тяжёлую татарскую дань.

Повидимому, ещё Александру Невскому во время его последней поездки в Орду удалось добиться у татар такой автономии, какой татары более никогда и никому не давали. Не откупщики или баскаки, а сами русские князья стали собирать татарский выход и через великих князей отвозить его в Орду³. Эта автономия могла стать и стала орудием будущего освобождения от татарского ига. Но для борьбы за свободу нужны были средства и силы.

Каким же образом могли найти русские князья эти средства в XIV столетии? Какими путями могли собрать серебро в разорённых городах и волостях у поредевшего и обнищавшего населения? Что обращали они в «саумы», слитки серебра, которые отвозили ежегодно в Орду?

Современники по-разному отвечали на этот вопрос. Побывавший в Золотой Орде при хане Узбеке и Иване Калите учёный араб Ибн Батута утверждал, например, что русские добывали серебро из рудников, которые якобы были в их земле. «У них, — говорит он, — серебряные рудники, и из страны их привозятся саумы, т. е. серебряные слитки, на которые продаётся и покупается (товар) в этом крае. Вес такой саумы пять унций» (около 155 граммов)⁴.

В настоящее время мы могли бы заверить учёного араба, что никаких серебряных рудников у великого князя Ивана Даниловича Калиты не было. Но каким же иным путём он ежегодно собирал татарский выход, на это согласного ответа нет до настоящего времени.

Трудно допустить, чтобы где-то на Руси могли сохраниться накопленные запасы серебра, не замеченные и не ограбленные татарами в XIII веке. Если такие запасы были в Новгороде Великом, куда не дошли татары, то за них нужно было чем-то платить низовым великим князьям. Чем же именно? Опыт первого великого князя «всея Руси, Михаила Ярославича Тверского, пытавшегося разрешить эту задачу путём захвата чужих городов и нажима на Великий Новгород, хотя и находил последователей, но в общем безнадежно провалился: великий князь погиб, а его преемников вскоре заменили князья московские. Овладение Печорским краем, где Иван Калита держал своего пошлинника и великокняжеских сокольников, также не могло разрешить задачи. Между тем именно великий князь московский и владимирский Иван Калита уплачивал дань акуратно и даже богател, снискав славу самого богатого князя:

¹ Эломари. Указ. соч. Т. I, стр. 230—231, 242.

² См. Бартольд В. «Персидская надпись на стене ангийской мечети Мануче», стр. 17—19; Якубовский А. «К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке», стр. 22. «Известия ГАИМК». Т. VIII, Вып. II—III. СПб. 1931.

³ Размеры дани менялись. В 1410 г. с великого княжения Владимирского шло по 5 тыс. руб. в год, в 1434 г.—по 7 тыс. рублей. В 1476 г. хан Ахмат требовал по 60 тыс. алтын весной и осенью, т. е. по 3600 руб., возможно, это была половина взноса. Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Т. I, №№ 40 и 51; Иконников В. «Обит русская историография». Кн. 2-я, стр. 1063. Киев. 1908.

⁴ Тизенгаузен В. «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды». Т. I, стр. 303.

Утверждение, что Калита разбогател «в результате тех торговых пошлин, которые он собирал, пользуясь расположением Москвы в узле торговых дорог», ни на чём не основано¹.

Наивной нам кажется также мысль, что Иван Калита мог использовать «остатки от выходов, сбор которых предоставлен был в его руки». Существовали ли такие остатки при раскладке выхода между князьями, которые записывались в духовные и договорные грамоты, и была ли возможность «всецело воспользоваться» ими, не рискуя ни доносом, ни ханским гневом, т. е. головой, — это большой вопрос. Не более убедительно предположение, будто Калита или его преемники могли обсчитывать в Орде хана и своего даругу, как обсчитывали они якобы удельных князей².

Но если Калита всё же выплачивал выход и при этом находил ещё возможным ссужать других князей и приобретать у них города, то, очевидно, он нашёл такой источник, который был не менее обилён и надёжен, нежели серебряные рудники, и при пользовании которым он не рисковал ни своей жизнью, ни великим княжением. Таким источником в первой половине XIV столетия могло быть только крестьянское хозяйство и производимый им хлеб. Крестьян и татары считали основным источником покрытия своей дани.

Ещё в XIII столетии, произведя первую перепись населения Руси, татары в основание переписи в качестве окладной единицы положили соху, т. е. крестьянское хозяйство. В 1275 г. великий князь Василий Ярославич отвёз в Орду «дань урочную со вся земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша два мужи работники». Оказалось, что в ханской канцелярии знали не только количество сох, но и следили за ростом населения. «И хан рече: ясак мал есть, а люди многи в земле твоей, почто не от всех даеши?» Когда же князь «отымался числом баскаков прежних», то хан Менгу Темир «повеле послати новы численники во всю землю русскую с великими грозы, да не уятай люди»³. С двух сох по рублю серебра собирал Василий I ещё в начале XV века⁴.

Таким образом, прилив переселенцев, которому придавалось столь большое значение при объяснении усиления Московского княжества, приводил к увеличению дани и не мог быть источником средств для великого князя. Последнему при поисках выхода приходилось думать не только о количестве, а прежде всего о качестве имевшихся у него «сох», о производительности крестьянского хозяйства, потому что только таким путём возможно было увеличить его доходность, привлечь серебро и удовлетворить алчность ханов.

Способы улучшения хозяйства и увеличения его производительности в XIV столетии не могли быть тайной. Ещё в XII в. в Киевской Руси были известны плуг и борона, применявшиеся в крупных хозяйствах, в которых работали «закупы»⁵. Трудно сказать, применялся ли тогда плуг в Новгородской области, но в 1456 г. по грамоте на чёрный бор он здесь был в Новоторжских волостях и считался вдвое производительнее сохи в 3 лошади⁶. Ещё труднее сказать это о лесном Суздальском крае. Но если даже что-либо подобное было, то после татарского нашествия при общем

¹ «История СССР». Т. I, стр. 227.

² См. Иловайский Д. «История России». Т. II, стр. 25; Иконников В. Указ. соч., стр. 1063.

³ Татищев В. «История Российская». Т. IV, стр. 47. В издании вместо «грозы» ошибочно «грады».

⁴ «Полное собрание русских летописей», VIII, 84.

⁵ «Русская Правда». Карамзинский список, ст. 71.

⁶ Трудно согласиться с акад. Б. Д. Грековым, будто бы в Новгородской области в XII в. применялся трёхпольный севооборот. Упоминание в Новгородской летописи под 1127 г. «озимища» и ярового свидетельствует только о посевах на зиму с осени и весной, но ни о трёхполье, ни о двухполье это не говорит. Греков Б. «Борьба Руси за создание своего государства», стр. 45. Ташкент. 1942; Грамота на чёрный бор 1456—62 гг. Акты Археографической экспедиции (ААЭ). Т. I, № 32.

снижении культурного уровня высшие формы хозяйственной техники могли исчезнуть. Упоминаний о них в актовом материале XII—XIII столетий во всяком случае нет, и сельское хозяйство русского междуречья представляется на уровне подсечного огневого хозяйства.

Однако, несомненно, были сведущие люди, знакомые с иными приемами полеводства, которые могли научить, каким образом повысить производительность сельского хозяйства, не увеличивая количества крестьянских «сох» и даже не расширяя запашки. Такие люди могли быть и среди местного населения, согнанного со своих мест и теперь оседавшего в уездах Северовосточной Руси, и среди выходцев из Югозападной Руси, откуда родом был митрополит Пётр, или даже из Греции, откуда прибыли митрополит Феогност и его спутники.

Когда в 1328 г. великим князем сделался московский князь Иван Данилович Калита, перед ним стояла трудная задача устоявления в стране мира внешнего и внутреннего, что было первым условием развития хозяйства. Девять раз за время своего управления ездил Калита в Орду, и ему удалось добиться мира с татарами. «Седь на великое княжение Иван Данилович, и бысть тишина христианом на многа лета, и престаша татарове воевати Русскую землю». Этот мир был использован Калитой для восстановления разрушенных нашествием правовых отношений и устройства суда.

Современная Калите запись на книге «Евангельских чтений», написанной в Москве в 1339 г., содержит такую оценку внутренней деятельности князя: «О сем князе великом Иване пророк Езекий глаголетъ: в последнее время в апустевшей земли на запад встанеть царь, правду любяй, суд не по мзде судяй, ни в поношение поганым странам. При сем будеть тишина велья в Русской земли и воссияеть в дни его правда, якоже и бысть при его царстве... О сем бо псалмопевец глаголетъ: постави, Господи, законодавьца над нами, да разумеють языци, яко человеци суть. То же рече: Боже, суд цареви дай же (и) правду сынови цареву. Сии бо князь великий Иван имевше правый суд лаче меры, поминая божественная исправления святых и преподобных отец по правилом номокануннымъ, ревнуя правоверному царю Устиниану»¹. Сохранилось известие, что великий князь Иван Данилович часто «взирал вместе с отцами своими митрополитами (Петром и Феогностом) в греческий номоканон» или «Кормчую книгу».

Плодом этих занятий было появление в Москве по крайней мере двух важных законодательных памятников, которые, повидимому, оба имели практическое значение для современной жизни и могли дать основание современникам сравнивать Калиту с византийским императором Юстинианом, прославившим своё имя составлением и обнародованием свода законов Римской империи. Это, во-первых, «Ряд и суд церковный, установленный первыми князьями», который представляет новую обработку церковных законов старых русских князей Владимира и Ярослава. На одном из списков этого «Ряда» имеется приписка, очевидно, современника: «Дай Бог и на многа лета великому князю Ивану Даниловичу всеа Руси». Во-вторых, это произведённая в XIV столетии, при Иване Калите, русская переделка—перевод византийского юридического памятника VII—VIII столетий «Книги законные, иже годится всякое дело исправляти всем православным князем», приспособленного к русской действительности XIV века.

Если новым изданием церковных законов Владимира и Ярослава Иван Калита устраивал церковные дела и подтверждал церковные привилегии в связи с переходом митрополичьего дома из Владимира в Москву, то во втором памятнике, в «Книгах законных», и особенно в первом его разделе — в «Земледельческом уставе»—князь стремился укрепить право-

¹ Срезневский «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках» № 86 в приложении к т. 34 «Записок Академии наук», стр. 145—146; Павлов А. «Книги законные», стр. 35. «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук». Т. 38, № 3. СПб. 1885.

вой порядок и дать судьям в руки твёрдые и авторитетные нормы для восстановления правовых начал, особенно в области поземельных отношений. Разумеется, в переводе и обработке обоих памятников митрополиты и их митрополичий дом должны были сыграть важную и даже первенствующую роль. Но и великий князь Иван Калита, взиравший вместе с ними в номоканон, имел прямое и непосредственное отношение к этому законодательству. Только поэтому он мог снискать у современников лестное сравнение с греческим императором VI столетия и также хвалу за установление правосудия и истребление разбойников и насильников, которых много развелось во времена татарского лихолетья. Первая Новгородская летопись по синодальному списку сообщает о Калите: «Даниил рода Ивана, иже исправи Руськую землю от татей и от разбойников»¹.

Интересным бытовым памятником установления правосудия в Русской земле является перстень XIV столетия с изображением на нём суда царя Соломона как олицетворения мудрого и нелицеприятного судьи². Он мог принадлежать если не самому великому князю, то одному из современников его, осуществлявшему новое правосудие. «Современники, — говорит В. С. Иконников, — хвалят Ивана Калиту за установление порядка, правого суда, определение границ церковного и светского суда (новая редакция уставов Владимира и Ярослава) и земского наряда, выразившегося в распространении «Земледельческого устава», подписанного именем Юстиниана, который с особенной настойчивостью преследует именно татей в крестьянской общине за посягательство на разные виды собственности». Какое значение могли иметь простая справедливость и «суд не по мзде» в глухое и опасное время, в особенности в деле охраны крестьянских прав и собственности, можно судить по следующему рассказу о герцоге Роллоне, основателе французской Нормандии (911 г.): «Когда Роллон поделил шнуром землю между своими дружинниками и повесил воров, а с ними вместе и их пристанодержателей, тогда к нему стал сходиться народ из всех земель. Безопасность, доброе и «неумолимое» правосудие казались такой редкостью, что достаточно было этого одного для нового заселения края»³.

Что было верно для Франции X в. при основании нормандского герцогства, оставалось правильным и для Северовосточной Руси XIV в. при возникновении великого Московского государства. Не торговые пути и выгодные рубежи привлекали переселенцев и заставляли их осаживаться здесь, а мир и охрана от татей и насильников разного рода, которую давал суд великого князя Калиты, «суд паче меры» русского права, который открывал возможность мирного труда.

Земледельческий устав, которым открываются «Книги законные» Ивана Калиты, является земско-полицейским и уголовным уложением, преследующим всякого рода нарушения права собственности и договоров среди землевладельцев и земледельцев. «Достоить земледельцю, делающую свою ниву, быти праведну и не восхищати бразду ближнего своего», — говорится в первой же статье земледельческого устава. «Осподарь»-земледелец защищён от нарушения договоров со стороны «земледельца»-крестьянина, но и права последнего охранены хотя бы при помощи моральных сентенций: «Севяшему девять снопов, а имеющему землю десятый сноп; аще ли кто инако разделит, Богомь проклят будет» (ст. 9).

Земледельческий устав, как и вся редакция «Книг законных», по выводу известного канониста А. Павлова, издавшего этот памятник, отно-

¹ «Новгородская летопись по синодальному харатейному списку», стр. 431. СПб. 1888.

² См. «Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских присутственных мест и частных лиц». Вып. I, л. 114. Изд. Комиссии печатания Государственных грамот и договоров. М. 1880.

³ Иконников В. Указ. соч. Т. II, стр. 1063; ср. «Общая история европейской культуры». Т. VII. — «История Франции в раннее средневековье», стр. 527. СПб. 1913.

сится, несомненно, ко времени Ивана Калиты и отражает русские порядки первой половины XIV столетия... «Язык памятника значительно подновлён»,— говорит автор,— и эти подновления принадлежат XIV веку. Они «сделаны, конечно, с той целью, чтобы облегчить понимание и практическое применение византийского устава, как действующего русского закона». Самый устав близко подходил к русской действительности уже потому, что он возник в VII—VIII вв., когда Византийская империя была затоплена славянскими переселенцами, на что указывали ещё Цахарие и акад. В. Г. Василевский. А. Павлов полагает, что в переделке XIV в. устав «весьма близко подходил к быту русского крестьянства до эпохи его окончательного прикрепления к земле». В нём мы встречаем «и ролейных смердов Русской Правды (впоследствии получивших название чёрных и численных людей, т. е. свободных крестьян, сидевших на тяглых общественных землях) и, с другой стороны, ролейных закупов (позднейших сирот, серебряников, изорников, половников, вообще крестьян, живших на вотчинных землях крупных землевладельцев, с правом свободного перехода)». По выводу учёного, русская переделка Земледельческого устава, как и вообще «Книги законные ими же годится всякое дело исправляти всем православным князем», могли играть при Калите и его преемниках роль практического руководства на суде, при помощи которого великий князь «исправил русскую землю от татей»¹.

В связи с этим особенно интересны те статьи Земледельческого устава, которые дают представление о технике современного сельского хозяйства, учитывая, что оно было основным, ведущим и решающим видом народного хозяйства раннефеодального периода.

Статья 66-я говорит об ответственности земледельца за пожар чужих нив и насаждений при сжигании «стернище своя нивы». Статья 21-я предвидит возможность покражи во время пахоты «ральных желез», т. е. железных наконечников, сошников, рабочей части рала или сохи; она же считает возможным похищение лыскаря, т. е. заступа, или мотыги, которые вместе с ралом являлись основным орудием при обработке земли в условиях подсечной переложной системы. Во время жнитва могли похитить серп, во время косовицы—косу... Но особенно интересной является статья 59-я, в которой наряду с ралом упоминается лемеш, которым пашут также в конной упряжке, как и ралом: «Аще кто украдет рало, или лемеш или подузу (упряжь), казнен будет по числу дней от того дни отнелиже украде, на всяк день по грошеви, а лицо отдасть».

Рало является наиболее первобытным орудием упряжной пахоты. Это или бревно с опущенным в землю сучком, на который надевается «ральное железо», т. е. железный наконечник, или простая соха-черкуша. Лемеш, или лемех,— орудие плужного типа; соха-косуля, иначе «чертёж», курашимка являются вариантами этого орудия. Исследователь истории русской сохи Дмитрий Зеленин говорит, что «по отношению к косуле народ не употребляет большей частью названий ральник, омешь, а тем более сошник, а исключительно лемех»². Этот лемех, или лемеш,— русская форма плуга лесной полосы, впервые упоминается в Земледельческом уставе великого князя Ивана Калиты.

Разница между ралом, или сохой-черкушей, и сохой-косулей, или лемешем, очень большая. Соха, даже двузубая или трёхзубая, какая изображена на миниатюре в Житии Сергея Радонежского XV в., только вскрывает земельный пласт, бросая россыпь на обе стороны борозды. Соха-косуля, или лемеш, подрезает и переворачивает пласт земли, как это делает каждый плуг; соха-косуля—это русский плуг, приспособленный для распахки северных лесных росчистей, на которых остаётся много корней. От обыкновенного плуга лемеш, или косуля, отличается тем, что не имеет колёс и полоза, которые удерживают орудие от погружения

¹ Павлов А. «Книги законные», стр. 28, 31, 37.

² Зеленин Д. «Русская соха Её история и виды», стр. 69. Вятка. 1907.

в землю: косулю, как и соху, надо поддерживать руками, но зато её легко перебрасывать через крепкие корни.

Появление лемеша или косули в хозяйственном инвентаре Северовосточной Руси XIV в. означало переход сельскохозяйственной техники на новый, высший этап развития, который привёл к резкому повышению производительности в области ведущей отрасли феодального хозяйства — сельскохозяйственного труда. «Их появление, — говорит П. Н. Третьяков, — связано с новым видом земледелия — двухполкой и трёхполкой, — где при наличии унаваживания и стали необходимы орудия, отваливающие пласт земли»¹.

Мы пока не можем точно датировать ни появления, ни распространения новой земледельческой техники по отдельным областям. Но упоминание лемеша, рабочей части русского плуга, в законодательстве Ивана Калиты даёт основание утверждать, что здесь, в центре Северовосточной Руси, в Московском княжестве, уже в первой половине XIV в. совершается переход от подсечной переложной системы хлебопашества к системе паровой зерновой с трёхпольным севооборотом, которая окончательно восторжествовала в Московском государстве в XV—XVI веках.

Ещё проф. В. И. Сергеевич отметил ряд указаний на существование трёхпольного севооборота в Московской и прилегающих центральных областях Северовосточной Руси в самом начале XV века. Например в подмосковном селе Бисеровском, принадлежавшем сначала великому князю, а затем митрополиту Фотию (1409—1431), уже в первой трети XV в. пустошь Попкова именуется «искони третьи полем села Бисеровского»². Под 1462 г. митрополит Феодосий жалует игумена Михайловского монастыря в Суздальском уезде пахать землю «и с нынешнею парениною». В грамоте великого князя Василия III на Белоозере от 1512 г. также говорится о трёх полях³. Следовательно, в Московском великом княжении с XIV в. и в течение XV в. широко распространилась новая форма полеводства, связанная с применением орудий плужного типа.

Новая техника в XV в. распространялась и на ближайших окраинах страны, за пределами собственно Московской области. Не только в Белоозере, принадлежавшем Москве, но и в соседних с Тверью новоторжских волостях Великого Новгорода с половины XV в. имеются упоминания плуга и даже русской его формы — лемеша. В известной грамоте на чёрный бор 1456—1462 гг. великий князь Московский собирает с новоторжцев по новой гривне с сохи, а в сохе две лошади, да третья в прирж. При этом плуг, как и лодья и црен, приравниваются к двум сохам или к 8 пешим работникам. Следовательно, наравне с сохой применялись и плуги в качестве дополнительного орудия. В первых шести томах новгородских писцовых книг конца XV и начала XVI столетия мы встречаем 7 названий деревень, производных от слова «соха». В то же время три деревни носят названия, производные от слова «плуг»: Плугино, Плуженково, Плуженца, и одна называется Лемеш. Все последние названия относятся к юговосточной, прилегающей к центральным областям страны, Деревской пятине 1495 года. Можно предполагать поэтому, что центром, откуда шло распространение плужных орудий и новой сельскохозяйственной техники, в это время были центральные области страны: Московское и, вероятно, Тверское княжества⁴.

Проф. В. И. Сергеевич утверждает, что в новгородских писцовых книгах он не встретил указаний на три поля, в то время как в московских писцовых книгах это дело обыкновенное⁵, добавим, едва ли даже не обя-

¹ Третьяков П. «Подсечное земледелие в Восточной Европе», стр. 31. «Известия ГАИМК». Т. XIV. Вып. I за 1932 год.

² Акты до юридического быта относящиеся. Т. I, № 103.

³ ААЭ. Т. I, № 155.

⁴ Новгородские писцовые книги. Указатель к первым шести томам. Петроград. 1915.

⁵ Сергеевич В. «Древности русского права». Т. III, стр. 90. Примечание 2.

зательное. Каждый отвод земли, исходящий от московского правительства, в центральных уездах производится, как правило, исходя из предположения о существующем трёхполье или об обязательном его введении. Земля помещикам отводится и записывается в писцовые книги после измерения в одном поле стольких-то четей, «а в дву потомуж». Московские правительственные земельные акты XV—XVI вв. можно поэтому рассматривать как своеобразную, широко поставленную великокняжеской властью пропаганду новой сельскохозяйственной техники.

С этой стороны особенно интересны древнейшие и несохранившиеся писцовые книги Ивана III различных уездов 1462—1505 гг., существенным содержанием которых было введение московского сошного письма, основанного на измерении земли в трёх полях. Писцовые книги бывшего Тверского княжества 1492 г., по известию Воскресенской летописи, были составлены, как, впрочем, и все остальные, с целью введения этого Московского сошного письма. «Того же лета князь великий Иван Васильевич послал Тверские земли писати по Московски в сохи: а писал Тверь кн. Фёдор Алабышь, а Старицу писал Борис Кутузов, а Зубцово да Опoki Дмитрий Пешков, а Клин Пётр Лобан Заболоцкой, Холм и Новый Городок Андрей Карамышев, а Кашин — Василий Карамышев»¹.

Особенно важное значение эта пропаганда сверху могла иметь при отводе государственных земель мелким помещикам, бывшим послужильцам и холопам разорённых удельных и боярских дворов, которые при великом князе Иване III массами обращались в государевых детей боярских и дворян. Для последних отвод поместной земли в трёх полях мог быть связан с обязательством вести своё новое хозяйство не иначе, как по новой трёхпольной системе.

Н. А. Рожков установил, что «большая часть Московского государства в XVI в. пережила уже первобытную огневую, или подсечную, систему, которая сохранилась лишь на севере и то в таких местах, которые ещё только что заселялись в это время, вдали от больших зодных путей, в глухих лесных дебрях. В центральной области и в западном Полесье уже в первой половине XVI в. господствовала паровая зерновая система земледелия. Это видно из так называемых писцовых книг — документов, которые можно считать историческими предшественниками современных статистических сборников». Автор доказывает эту мысль примерами из писцовых книг Тверского уезда 1540 и 1548 гг., которые свидетельствуют о вполне развитой и установившейся паровой зерновой системе с трёхпольным севооборотом, а также множеством данных по иным уездам центральной области².

Начало вытеснения подсечной системы земледелия системой паровой зерновой с трёхпольным севооборотом, с применением орудий плужного типа и уваживания полей, для центральной области Междуречья в послетатарскую эпоху мы можем на основании Земледельческого устава Ивана Калиты отнести к первой половине XIV века.

Процесс технического прогресса в условиях раннефеодального хозяйства, которое велось крестьянским инвентарём, следует считать скорее стихийным и самопроизвольным, нежели идущим сверху, по инициативе князя или церкви, хотя не исключено и последнее.

Неизбежная татарская дань вынуждала к изобретательству и земледельцев и землевладельцев, поскольку между теми и другими делился урожай. Но при этом мы решительно отвергаем утверждение В. О. Ключевского, Сергеевича и Рожкова об аполитичном, бессознательном стяжа-

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VIII, стр. 223. СПб. 1859. Ср. Милюков П. «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства», стр. 158. СПб. 1892.

² Рожков Н. «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке и его влияние на социально-политический строй того времени», стр. 51—52. Исторические и социологические очерки. Ч. 1-я. М. 1906.

тельстве московских князей XIV века. Самый момент изобретения русского плуга, вероятная внутренняя связь технического сдвига с необходимостью найти источники покрытия татарских платежей, потому что неуплата дани влекла для одних рабство, а для других — потерю княжеского стола, исключает бессознательное скопидомство Ивана Калиты и его преемников.

Достаточным опровержением этой идеи является существование русской политической литературы в XIV—XV вв., а также тот факт, что московские князья титуловали себя великими князьями «всёя Руси» именно с XIV века. Эти факты говорят о наличии настойчивой мысли у князей, духовенства и даже простого народа о борьбе против татар, о свержении татарского ига, о будущем свободном русском царстве. «В течение всего XIV и XV вв. для всех русских людей прекращение татарской зависимости и крепкое противоборство татарам были заветным желанием национального самосознания древней Руси»¹.

«Свеча, зажжённая Калитой, не гасла, а разгоралась ярким пламенем при его сыновьях, внуках, правнуках и праправнуках»², — справедливо говорит по этому поводу П. Н. Милюков. В духовных и договорных грамотах, начиная с Дмитрия Донского, постоянно повторяется одно желание: «А переменит Бог орду», «А Бог даст орду переменит»³. Очевидной натяжкой было бы относить эти повторения к области бессознательного.

Переход от подсечной огневой системы сельского хозяйства к паровой зерновой был крупным шагом вперёд, скачком в ведущей отрасли феодального хозяйства. Он привёл к резкому повышению производительных сил всего современного общества.

Как было отмечено, грамота на чёрный бор в Новоторжской области 1456—62 гг. считает, что производительность хозяйства, применяющего плуг, вдвое выше такого же хозяйства, применяющего соху: плуг при обложении принимается за две сохи. Но можно думать, что эта новгородская норма была далеко не предельной. Как весьма убедительно доказывает в своём исследовании П. Н. Третьяков, паровая зерновая система при трёхпольном севообороте увеличивает производительность лошади, обрабатываемой подсечной системой, в среднем в 10—15 раз. Несмотря на баснословные урожаи лесных новей и огнищ, которые достигают от сам-25 до сам-80, «подсечная система с её техникой является наиболее хищнической и нерациональной формой земледелия, при которой для получения высокого урожая первых трёх лет губятся лесные участки, восстанавливающиеся лишь через многие десятилетия»⁴.

Введение и распространение паровой зерновой системы сокращало в 10—15 раз земельную площадь, потребную для производства хлеба в прежнем количестве, или во столько же раз поднимало производительность каждой данной площади, переводимой с подсечной на паровую зерновую систему с трёхпольным севооборотом. Без присоединения новых земель и без расширения запашки во столько же раз подымалась ёмкость территории Московского княжества, открывавшейся для переселенцев не благодаря посредническому участию в транзитной торговле, а благодаря росту производства хлеба. Росла и торговля, как внешняя, так и внутренняя, но не благодаря выгодному географическому положению на торговых дорогах, а потому, что появился избыточный товарный хлеб, и в Москве всегда было чем торговать и что продавать.

¹ Лихачёв Д. «Национальное самосознание древней Руси», стр. 101. Изд. АН СССР. М. и Л. 1945.

² Милюков П. «Очерки по истории русской культуры». Ч. 3-я. Вып. I, стр. 28. СПб. 1901.

³ СГГид. Т. I, стр. 71, 73, 78, 81, 84, 87, 89; 92; 98; 101; 103, 108, 111, 114, 117, 120, 122, 125, 128, 131, 148, 158, 161, 164, 167, 180, 184, 197, 201, 205, 229; Лихачёв Д. Указ. соч., стр. 101, примечание 2.

⁴ Третьяков П. «Подсечное земледелие в Восточной Европе», стр. 18. «Известия ГАИМК». Т. XIV. Вып. I за 1932 год.

Переход к паровой зерновой системе с трёхпольным севооборотом, резко повышая производительные силы феодального хозяйства, создавал целый переворот как в экономике, так и в социальных отношениях центральных областей государства; он неудержимо влѣк за собою также глубокие изменения в политической системе страны. И если правильно, что это движение началось уже со времени Ивана Калиты, то позволительно думать, что свою славу самого богатого князя и прозвище «Калиты» (денежный мешок) московский князь снискал не сбором проезжих пошлин, не обчётами удельных князей и татарского хана и не захватами чужих городов, а тем, что в улучшении хозяйственной техники он нашѣл такой источник средств, который мог поспорить с серебряными рудниками, придуманными Ибн Батуттой. Лемеш, или соха-косуля, да навоз на крестьянском поле сделали его самым богатым князем в Русской земле; они дали средства для покупки Галича, Углича и Белоозера; ими он платил дань хану Узбеку и удерживал его милость, потому что не было хану расчёта резать курицу, несущую серебряные яйца.

Таким путѣм при Калите был создан внешний мир для Русской земли, собраны средства и подготовлены силы, а его дети и внуки могли уже подняться до практической мысли об освобождении Русской земли от татарского ига путѣм восстания и о создании Русского национального государства. В это время невозможно было забыть великому князю «всёа Руси», что «интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»¹

Что Москва и её область становятся с XIV в. центром самого прогрессивного земледелия и богатейшим хлебопроизводящим районом несмотря на небогатую почву, это видно из русских и иностранных сообщений о хлебных ценах в Москве и в иных городах. Под 1393 годом летопись сообщает при описании общего неурожая и голода, что оков (кадь) ржи стоил в Великом Новгороде 7 руб., в Нижнем Новгороде—9 руб., в Костроме — 2 руб., а в Москве — 1 рубль. Мы помним, что в нормальные годы оков пшеницы или чечевицы стоил в Сарае и Ургенче в первой половине XIV в. 4 р. 20 к., а ячменя или проса — 3 р. 20 к.

При этом соотношении цен в русских городах и Москве в приведѣнном случае не зависело от неурожая, а было устойчивым и сохранялось в течение XV и первой половины XVI в., пока длился процесс образования Русского национального государства. В 1421—1422 г оков ржи стоил в Москве 1 р., в Коломне и Костроме — 2 р., в Нижнем — 6 рублей.

В известиях иностранцев XV в. и первой четверти XVI в. Москва выступает в качестве широко известного рынка сельскохозяйственного сырья, знаменитого обилием и дешевизной его по всей Восточной и отчасти Западной Европе.

Живший в Тане (Азов) в 1436 г. венецианец Иосиф Барбаро сообщает о современной ему Москве: «Изобилие в хлебе и мясе здесь так велико, что говядину продают не на вес, а по глазомеру. За один марк (маршетто) вы можете получить 4 фунта мяса; 70 кур стоят червонец, а гусь не более 3 марок». Лично побывавший в Москве в 1476 г. венецианский посол Амброзио Контарини, бывший перед тем в Персии и в Закавказье, сообщает о Москве: «Жизненные припасы в ней так дешевы, что во время моего пребывания 10 наших стар пшеницы стоили червонец (в этой пропорции продавался и прочий хлеб); 3 фунта мяса — один сольд; 100 кур или 40 уток также червонец, а самый лучший гусь не более 3 сольдов»².

Так как старо — это 3 четверика, то 10 стар. или 30 четвериков. составляли немного меньше 4 четвертей, или русскую кадь. Следовательно,

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 73.

² Семѣнов «Библиотека иностранных писателей о России», стр. 58, 109—110. СПб. 1836.

Контарини в 1476 г. платил червонец за кадь, или оков, пшеницы в 14 пудов весом. К сожалению, он не сообщает, какой червонец он имеет в виду. Но если принять, что здесь разумеется тот венгерский червонец, о котором говорит бывший в Москве в 1517 и 1526 гг. Герберштейн и который был, очевидно, ходячей монетой в Москве того времени, то он стоил 100 московских денег, или полтину на московский счёт¹. В таком случае в Москве в 1476 г. за оков пшеницы платили вдвое дешевле, чем за оков ржи в 1393 г., во время голода. А так как в червонце считалось 124 сольда, то сольд котировался в Москве почти за деньгу, или $\frac{1}{2}$ копейки. И за эту деньгу давали 3 фунта мяса. Курица стоила также одну деньгу, а самый лучший гусь — не свыше 3 денег, или $1\frac{1}{2}$ копейки.

Понятно, почему писавший в Италии в 1523 г. Кампензе говорит, что приезжающие в Москву иностранцы привозят сюда деньги и платят их «за товары, не имеющие для москвитян почти никакой ценности». К этому надо добавить, что, по свидетельству Барбаро, в Москве зимой на льду Москвы-реки можно было закупить одновременно до 200 ободранных туш быков и свиней. При этом товары не сельскохозяйственного значения стоили на нём вовсе не дешево, на что указывают те же иностранцы. Так, Павел Иовий, писавший в Италии со слов русского посланника, говорит, что мех на шубу в 1526 г. стоил в Москве не менее 1000 золотых, т. е. тех же червонцев. О дороговизне мехов в России сообщает также и Сигизмунд Герберштейн, бывший в Москве, как упомянуто, в 1517 и 1526 годах.

Источником необыкновенной дешевизны сельскохозяйственной продукции были, несомненно, условия местного её производства. Об этом можно заключить на основании «хорографии», т. е. описания областей, в книге того же Герберштейна.

Описывая различные провинции Московского государства, автор даёт оценку плодородия их почвы, сообщает о дороговизне хлеба в Волгде, но только при описании Московской области, обладающей малоплодородной почвой, он говорит о «старательном труде земледельцев», который принёс изобилие хлеба и обыкновенных овощей и обратил недавно лесистую местность в обработанные поля и огороды: «По пням больших деревьев, которые существуют даже и ныне, можно заключить, что вся эта область не так давно была очень лесиста. Хотя старательным трудом земледельцев она довольно обработана, однако за исключением того, что производят поля, всё остальное привозится туда из окружающих областей... Она изобилует хлебом и обыкновенными овощами... Они сеют дыни с особенной заботливостью и искусством: складывают в высокие рядки землю, смешанную с навозом, и в неё зарывают семена»².

IV

Рост производительных сил в основной отрасли феодального хозяйства центральных областей Северовосточной Руси неизбежно приводил к глубоким изменениям в производственных отношениях, а затем и в политическом устройстве страны. Возможность десятикратного увеличения доходности каждого хозяйства расширяла и изменяла условия существования обоих основных классов раннефеодального общества — землевладельцев-феодалов и крестьян. Наряду с крупными феодалами, князьями, боярами и церковью, быстро стали укрепляться средние и мелкие землевладельцы, дети боярские и дворяне. Их независимое существование раньше было экономически невозможно, а потому они и политически сливались с крупными вотчинами, входили в их состав. В то же время, в условиях появления товарного хлеба и внутренних рынков, из крестьянских

¹ Герберштейн С. «Записки о Московии», стр. 87—88. СПб. 1866.

² Там же, стр. 95.

массе и из крупных вотчинных хозяйств выделяются значительные группы ремесленников, сосредоточием которых становятся великокняжеские города и слободы, где возникают рынки внутреннего обмена.

В условиях развивающегося парового зернового хозяйства старинные княжеские, боярские и монастырские вотчины, самые размеры которых, как равно и организация производства, были определены техникой переложной подсечной системы, в новых условиях становились пережитком старины и осуждались на слом без надежды на восстановление.

На слом вместе с вотчинами осуждались и их огромные «дворы», в значительной доле состоявшие из несвободных «слуг под дворским», «людей»-холопов, занимавших различное положение, в зависимости от порученных им функций и близости к «государю»-землевладельцу. На слом были обречены также и все те группы феодалов-землевладельцев, которые были органически связаны с крупным землевладением. Удельные князья, бояре и даже церковь, как экономическая организация, оказались на краю гибели, безразлично, наступала ли эта гибель «естественно» и постепенно благодаря оскудению недавно «светлых» родов, разорявшихся путём разделов, залогов и продаж имений в условиях хронического безденежья среди крепнувшего денежного менового хозяйства, или они гибли в судорогах феодальной реакции, в результате острых социально-политических конфликтов: в опричнину, в смуту, в петровских реформах или в секуляризациях конца XVIII века.

Одним из ярких проявлений разрушительного процесса в старинных вотчинах является установившийся со второй половины XIV в. обычай отпускать по духовным грамотам всех несвободных слуг хозяйства, как бы велико ни было их количество. Этого обычая ещё нет в духовных грамотах Ивана Калиты, которые были написаны в начале его деятельности. Но со второй половины столетия, после Калиты, почти нет ни одного заветания феодала-землевладельца в пределах великого княжения, в котором не было бы статьи о массовом отпуске на волю всех холопов, от дьяков, казначеев, тиунов до ролейных холопов включительно. Пример подавали сами великие князья; за ними следуют князья удельные, бояре. В духовной грамоте великого князя Семёна Ивановича 1353 г. читаем: «А что моих людей деловых, или кого буди прикупил, или хто ми ся будет в вине достал, такоже мои тивуни и посельские и ключники и старосты, или хто ся будет у тых людий жинил, — всем тем людям дал есмь волю, куды им любо; а братье моей, ни моей княгине те люди не надобны». В духовной великого князя Ивана Ивановича, отца Дмитрия Донского, 1356 г. написано: «А хто будет моих казначеев или тивунов или посельских или хто будет моих дьяков, что от мене будет ведали прибыток ли который, или у тых хто будет женился, — те люди не надобны моим детем, ни моей княгини, дал есмь им волю. Так же хто будет моих людий купленных, грамотных, полных, — дал есмь им свободу, куды им любо; а детям моим, ни моей княгини не надобны».

Такие же статьи мы находим и в духовной Дмитрия Донского 1371 и 1389 гг., его сына Василия Дмитриевича 1406 и 1424 гг. и др. В последней духовной грамоте формулировка отпуска была несколько иной. Она показывала, что институт холопства не ликвидировался, а только свёртывался до пределов личной прислуги: «А холопи, которые подавал есмь своей княгине при своём животе, те ей и есть; а дасть моя княгиня дочерем моим из моих холопов по пяти семей, а опроче того все холопи мои на свободу з женами и з детьми»¹. То же повторяется в духовных грамотах великих князей Василья Васильевича 1462 г., Ивана III 1504 г. и в духовных грамотах удельных князей тех же центральных областей: Серпуховского, 1410 г., Волоцкого, 1477 г., Верейского, 1486 г. и других.

Этот обычай массового отпуска на свободу холопов наблюдается

¹ СГГЯД, Т. I, стр. 84.

также по духовным грамотам бояр-землевладельцев, причём заинтересованность в нём великих князей становится очевидной, потому что отпускаемые на волю люди именуются в новом своём состоянии людьми великого князя. Статья об отпуске холопов, таким образом, являлась пунктом завещания «людей» в пользу великого князя, и его едва ли можно было обойти, если завещатель не хотел рисковать неутверждением своих посмертных распоряжений. Адриан Ярлык, «старец Симонова монастыря», пишет, например, в своей духовной около 1460 г.: «А што мои люди полные, а те по моём животе пойдут на свободу, — люди князя великого». Или: «А что люди отца моего старые, Окул с зятем да Пლოსкия з женою с Васискою, да с своими детми, — люди великого князя» — или «люди божии да великого князя»¹.

Помимо добровольной уступки своих холопов в разряд «людей божьих да великого князя», бывали случаи принудительного их освобождения в случае опалы со стороны великого князя. В духовной грамоте великого князя Василья Дмитриевича 1406 г., например, написано: «А хто моих казначеев или тивунов или дьяки прибыток мой ведали, или поселские, или ключники, или хто холопов моих купленных, или што есмь у Федора у Свибла отоимал, тех всех пушаю на слободу, и з женами и с детьми, — ненадобны моему сыну и моей княгине».

Назначение этих «людей божьих да великого князя», а равно и степень заинтересованности великого князя в их умножении станут понятны, если принять во внимание, что только часть отпущенников «за деньги снова продаются в рабство другим господам», о чём сообщает Герберштейн; другая часть вынуждена была садиться на землю и превращалась в «сирот» крестьян, жалкое положение которых описывает тот же автор². Третья и, возможно, значительная часть, в том числе все высшие разряды слуг — казначей, дьяки, ключники, поселские и вообще «приказные люди, которые мой приказ ведали», или «прибытки мои смотрели», — выходя на свободу и делаясь людьми великого князя, меняли хозяйственные функции на военную профессию и зачислялись в полевую армию великого князя, обращаясь в его «детей боярских и дворян» и получая для этой цели от великого князя участки земли с крестьянами на поместном праве.

Как известно, первого помещика упоминает духовная великого князя Ивана Калиты 1328 г.: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Ворькову, — аже иметь сыну моему которому служить, село будеть за ним; не иметь ли служить детям моим, село отоимуть». В дальнейшем этот институт получил широкое развитие и нередко пополнялся за счёт разрушаемых при присоединении к Московскому государству удельных и боярских дворов. Такое использование бывших послужильцев и холопов являлось, повидимому, системой Московского государства XV века. После взятия Великого Новгорода, например, в разряд детей боярских великого князя были обращены многочисленные слуги боярщин, о чём была составлена книга под заголовком: «Лета 6991-го (т. е. 1483) апреля в 8 день как Бог поручил великому князю Ивану Васильевичу Московскому под его богохранимую державу Великий Новгород, и по его государеву изволению распущены из княженецких и их боярских дворов служилые люди» и т. д. Или: «Лета 6991, июля в 17 день Бог поручил великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии дородному Великий Новгород под его богохранимую державу, — имена княженецким и боярским слугам, чей бывал послуживец и хто чей сын и племянник и внук и зять, как князь великий имал из боярских дворов людей

¹ Акты до юридического быта относящиеся. Т. I, № 84 (до 1459 г.) и № 85 (до 8 июля 1460 г.).

² Герберштейн С. Указ. соч., стр. 76, 85.

испоместить по своему государеву указу — в Вощкой пятине писцу Дмитрию Китаеву»¹.

Таким образом, развитие производительных сил приводило к мощному процессу разрушения боярщин, который в то же время был освободительным процессом для широких кругов послужильцев и слуг, составлявших администрацию и рабочий аппарат этих боярщин. Разрушались крупные вотчины светских и церковных владельцев, падали и теряли независимость уделы, а на их развалинах стремительно развёртывался слой средних и мелких землевладельцев — помещиков великого князя. Рождение этого слоя феодалов и его развитие было обусловлено новой техникой. Уже поэтому дворяне и дети боярские — помещики — получали землю, заранее измеренную великокняжескими писцами в трёх полях, в размерах, годных для ведения хозяйства только на новых основаниях. Новые помещики должны и, возможно, обязаны были применять на полученных землях новую технику и потому являлись носителями хозяйственного прогресса.

Мы говорили о влиянии развития производительности сельского хозяйства на его организацию и на класс феодалов-землевладельцев. Не меньшим было воздействие его на второй основной класс феодального общества — на крестьян. Рост производительных сил, новая техника и производство большого количества хлеба, который можно было продавать и покупать, также взламывали крестьянский класс и раскалывали его на две antagonистические группы, как и класс землевладельцев.

В условиях небывалой дешевизны хлеба из крестьянства стали выделяться группы ремесленников, отходивших от сельского хозяйства и специализировавшихся в своём ремесле. Они соединялись с теми ремесленниками, которые по разным случаям оставляли боярские усадьбы. Вместе они образовывали характерные для Новгородской области конца XV и первой половины XVI в. «рядки» или целые посады, самым существенным признаком которых были их рынки, где продукты городского ремесла обменивались на привозимый крестьянами хлеб. Городообразующим элементом в этих «новых городах» периода «цветущего феодализма» становятся не феодалы «своеземцы» различных рангов, как было встарь, а безземельные ремесленники и торговцы, получившие в конце XV в. новое наименование — «посадских людей».

Притягательной силой городов и занятия ремеслом была большая выгодность его по сравнению с крестьянским хозяйством в условиях длительной дешевизны хлеба. В середине XV в. в грамоте на чёрный бор, 1456—62 гг. новгородское вече приравнило платёжеспособность ремесленника, имеющего невод, лавку, кузницу или кожевный чан, к платёжеспособности крестьянского хозяйства в составе двух работников и трёх лошадей или же четырёх безлошадных крестьян². Черноработчий в Москве, зарабатывавший в день полторы деньги, в конце XV и начале XVI в. мог купить за эти деньги на рынке 8,4 фунта пшеницы, или 4,5 фунта мяса, или полторы курицы. Ремесленник, получавший по две деньги, или одну копейку, в день покупал на эти деньги ежедневно по 11,2 фунта пшеницы, 6 фунтов мяса или пару кур³.

Если в XIV—XV вв. среди происходившей ломки незаметен ещё сильный рост городского населения, то в первой четверти XVI в. он привлекает общее внимание. В 1520 г. жители Нарвы писали ревельцам: «Вокоуре в России никто не возьмётся за соху, — все бегут в город и становятся

¹ Базилевич К. «Новгородские помещики из послужильцев в конце XV века», стр. 64, 69. «Исторические записки», кн. 14-я. М. 1945. В последней цитате из А. Марквича («История местничества», стр. 168—169. Одесса. 1888), вместо «Ивану Васильевичу» ошибочно «Ивану Даниловичу», т. е. Калите.

² ААЭ. Т. I, № 32, стр. 24.

³ Герберштейн С. Указ, соч., стр. 85.

купцами, и если не покупают, то все же столько воруют, что богатеют». Каждому, приходящему в город, был в это время обеспечен быстрый успех. «Воры и разбойники из тюрем и всякого рода негодяи, даже свинопасы посылаются туда», т. е. в Ивангород и Копорье, сообщают нарвцы своим корреспондентам. «Люди, которые два года назад носили рыбу на рынок или были мясниками, ветошниками и садовниками, сделались пребогатыми купцами и финансистами и ворочают тысячами»¹. Митрополит Даниил (1522—1539) в одной из проповедей также касается этой злободневной для современников темы: «Всяк ленится учиться художеству, вси бегают рукоделия, вси шапят торговли, вси поношают земледельцем»².

В конце XV в. уже складывается класс посадских людей, каждый член которого считается (по царскому Судебнику 1550 г.) в пять раз «честнее» крестьянина-земледельца. В Судебнике 1497 г. уже намечается особое городское право для горожан, более льготное, нежели право для сельского населения. В течение XVI в. вновь возникает около 60 городов.

Этот процесс также не проходит мимо великих князей. Присоединяя уделы, они всегда берут города себе и только в исключительных случаях кому-нибудь их дают. Если удельные князата и их потомство сохраняли иногда за собой вотчины в бывших своих княжествах и получали их вновь в иных местах, то они не сохраняли городов и не могли приобрести их вновь. Во второй половине XV в. в слагавшемся Русском национальном государстве происходил процесс освобождения городов от феодальной зависимости по типу освобождения городов в средневековой Англии.

Герберштейн, наблюдавший Россию при великом князе Василье III в 1517 и 1526 гг., говорит об этом великом князе: «Он исполнил то, что начал его отец, — именно отнял у всех князей и других владетелей все их города и укрепления. Даже своим родным братьям он не вверяет крепостей и не позволяет им в них жить»³. В другом месте мне удалось показать, что и Василий Тёмный и особенно Иван III «строили» свои посады, т. е. обеспечивали их тяглое население землёй, запрещали частным землевладельцам держать в своих городских дворах более двух дворников, отбирали у монастырей их слободки и т. п.⁴

Таким образом, развитие производительных сил раздвигало рамки существования и второго основного класса — крестьянства — и вызывало в нём процесс глубокой дифференциации, как и среди феодалов. Под воздействием этого мощного фактора оба основных класса раннефеодального общества раскалывались каждый на две борющиеся между собою группы, или подклассы, причём в обоих случаях в загоравшейся внутриклассовой борьбе преимущества были на стороне вновь возникающей части: мелкие феодалы-дворяне одерживали верх над крупными — боярами и церковью, а горожане — посадские люди — над крестьянством, из недр которого они были рождены дыханием новой жизни.

V

Возникновение и процветание дворянства и горожан было неразрывно связано, с одной стороны, с разрушением феодальных вотчин и ликви-

¹ Гильдебранд Г. «Отчёты о разысканиях, произведённых в рижском и ревельском архивах по части русской истории». Приложение к XXIX тому «Записок Академии наук» № 3, стр. 93. СПб. 1877.

² Жакин В. «Митрополит Даниил и его сочинения», стр. 543. М. 1881; «Чтения общества истории и древностей российских» (ЧОИДР). Кн. 2-я за 1881 год.

³ Герберштейн С. Указ. соч., стр. 26.

⁴ Смирнов П. «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века» (Не издано).

дацией политической раздробленности, с другой — с торжеством великого князя и возникновением единого Русского государства.

Система политической раздробленности возникла ранее зарождения этих классов и имела основной целью укрепление того самого крупного раннефеодального землевладения, за счёт распада которого только и могли они развиваться, как новые классы наступавшего периода среднего или «цветущего феодализма».

В своё время распад Киевского государства и политическое раздробление были прогрессивным явлением, потому что только таким путём можно было приблизить княжескую власть к основной, насущной задаче XII—XIII вв. — процессу окняжения и обоярения земли — и усилить функциями политического характера возникавший «вотчинный режим» землевладельцев. Фактическое осуществление и юридическое оформление задачи такого масштаба, как окняжение и обоярение земли, требовали не одного отдалённого и сильного киевского князя, а десятков и сотен мелких князей с их канцеляриями, задачи и интересы которых были бы задачами и интересами крупных землевладельцев.

Но когда эта задача в основном была выполнена, когда смерды были обращены в «сирот», которые «работают на своего господина шесть дней в неделю»¹, тогда ненужным стало политическое раздробление. Политическая раздробленность и крупное феодальное землевладение стояли поперёк пути хозяйственного прогресса и новых молодых классов, которые могли развиваться только за счёт разрушения крупного землевладения и в ущерб его политическим прерогативам. Раздробленность мешала собиранию сил для борьбы против татарского ига, являлась основным препятствием к созданию единого Русского национального государства с князем-царём во главе, которого требовали учёные и неучёные выходцы из дворянства — «осифляне».

Для них, как и для горожан, их собственное раскрепощение отождествлялось с делом национального объединения и торжеством великого князя. Они восторженно говорили о возникающей единой «богохранимой державе», о «русском царстве» и царе — земном боге, потому что то и другое в их глазах являлось источником их свободы и правды. С ними и бесправные послужильцы, крестьяне и холопы становились политическими и церковными деятелями, зажиточными помещиками и горожанами великого князя. Иосиф Санин, в прошлом «смерд» или дворянин, потом игумен Волоколамского монастыря, перешедший от своего удельного волоцкого князя в «великое государство», «от меньших царей к большим приходяше», писал в конце XV в. о возникшем Русском государстве: «Солнце евангельское нашу землю освещает, гром апостольский оглашает нас. Устроились божественные церкви, составились честные монастыри; святители и преподобные чудотворцы наши взлетали, как бы на золотых крыльях, на небеса...» «Объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов...» «Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, — говорит Энгельс, — тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним»².

На почве этой солидарности интересов возникал союз великого князя с дворянством и с горожанами — посадскими людьми. Памятником такого союза с дворянством остаётся развитие поместной системы и обращение тысячных толп холопов и слуг удельных и боярских дворов в поместную армию великого князя московского. Таким же памятником союза с горожанами является освобождение от феодальной зависимости городов Северовосточной Руси в процессе присоединения уделов и обращения населявших их мелких своеземцев и сирот-крестьян в привилегированных

¹ Герберштейн С. Указ. соч., стр. 85.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 445.

государевых посадских людей с особым городским правом и пятикратной защитой их «чести» против крестьян.

Но старый порядок имел своих защитников, и его разрушение не могло совершиться мирным путём. Немало было его сторонников среди князей и бояр даже в семье великого князя; на его стороне неизбежно были отдалённые окраины Великороссии, остававшие в экономическом и социальном развитии от московского центра. Вооружённое столкновение двух враждебных лагерей феодалов произошло в форме так называемой феодальной войны XV в., длившейся почти четверть века (1433—1453).

Для нас интересны не перипетии этой борьбы за будущее, а то, «какой классовый характер война носит, из-за чего эта война разразилась, какие классы её ведут, какие исторические и историко-экономические условия её вызвали»¹. Относительно этого в исторической науке нет установившегося мнения.

Совершавшийся в великом княжении Московском процесс развития привлекал одних и отталкивал других. Уже битву на Куликовом поле в 1380 г. пришлось выдержать почти исключительно центральным княжествам, к которым не присоединились ни Новгородская земля, ни Суздальско-Нижегородское княжество, ни Рязань, т. е. периферийные области с их князьями. Такое расположение сил не было случайным: знамя восстания против татар вместе с Дмитрием Донским подняли князья и ратники тех центральных областей, которые к концу XIV в. уже чувствовали живительное дыхание новой жизни. Нейтральную или враждебную позицию занимали те, кто стоял в стороне от начавшегося в центре изменения техники сельского хозяйства, массового освобождения холопов и горожан и других перемен, которые одних воодушевляли на самоотверженный подвиг борьбы за свободу против татар, а у других вызвали вражду и обращали их в равнодушных зрителей или даже союзников татар. То же расположение сил повторилось и в последней борьбе старой и новой жизни, в феодальной войне 1433—1453 годов.

Разница была в том, что теперь процесс развития нового зашёл гораздо дальше, отношения углубились и обострились. Двухсотлетние традиции соперничества с Москвой не помешали тверскому князю Борису Александровичу в решительную минуту борьбы, когда реакционные силы одержали верх, стать на сторону Москвы и поддержать дело созидания Русского национального государства. Ни старые счёты, ни отрицательные черты в личном характере Василия Тёмного, ни очевидная опасность не остановили от выступления в его пользу князей Рязанских, Серпуховских, Оболенских, многих бояр и детей боярских, даже служилых татар, оказавших помощь великому князю «за его к ним добро и хлеб».

С другой стороны, неизменно враждебными оставались Новгород Великий со своими обширными землями, лесной Галич и Вятка, суздальско-нижегородские князья, т. е. опять-таки периферия.

Мы уже знаем, что ганзейская торговля принесла не прогресс, а социальную и политическую отсталость Великому Новгороду. До самого конца новгородское боярство поддерживало древнюю, идущую от Киева, традицию военной эксплуатации своих «волостей» и обмена добычи на продукты чужого ремесла, что неизбежно мешало развитию собственного ремесленного класса в Новгороде. До самого падения Великого Новгорода в 1478 г., в 72% новгородских боярщин применялся несвободный труд «людей», т. е. холопов². До уничтожения новгородской независи-

¹ Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 332.

² Тараканова-Белкина С. «Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятнах в домосковское время», стр. 59—60. М. 1939.

мости вечевой колокол созывал архаическое вече, давно замолкшее в городах Междуречья.

В неизданной работе В. И. Бушуева «Опыт применения точного измерительного прибора — весов к историческому исследованию — к истории Суздальско-Нижегородского княжества в первой половине XV века» (1941) мы находим утверждение, что суздальско-нижегородские князья, несмотря на плодородие почвы своего края, о котором говорит Герберштейн, сравнительно мало интересовались земледелием. Автор утверждает, что в первой половине XV в. каждый из суздальско-нижегородских князей владел двумя — тремя, много пятью сёлами по два—три крестьянских двора на село. Можно думать, что ещё меньше были владения их бояр, которые так легко перешли на службу к московскому князю в 1392 году.

Главным занятием суздальско-нижегородских князей, по утверждению автора, была торговля и именно работорговля, чем они сильно напоминают князей киевской эпохи. Из-за преимуществ работорговли в течение 80 лет шла ожесточённая борьба между суздальскими Борисовичами, которые тянули к Москве, и нижегородскими Дмитриевичами, опиравшимися на татарских ханов. «В работорговле нижегородские князья имели огромное преимущество перед суздальскими; у них были неограниченные запасы живого товара в лице многочисленных инородцев — мордвы, мещеры, черемисов, буртасов и т. д. И сбывать этот живой товар восточным купцам они могли легче и быстрее у себя же в Новгороде. В Суздальском же княжестве таких инородцев не было. Отсюда непрерывная борьба Дмитриевичей и Борисовичей за Нижний Новгород. Это была борьба двух фракций работорговцев за живой товар и за его рынок»¹.

Оставляя на ответственности автора нарисованную им картину, мы должны согласиться с ним в основном, а именно, что Нижегородское княжество, расположенное в непосредственной близости к Орде и обязанное ханам своим существованием, в XV в. несмотря на широкую торговлю, а отчасти и благодаря её отрицательному влиянию, в экономическом и социальном развитии стояло ступенью ниже московского центра.

Пока мы не имеем полного изображения состояния ни лесного Галичского края, ни Вятки в XV в., но можно думать, что среди лесов Заволжья, на путях к Казанскому царству, жизнь покоилась на старине, которая изживалась в центральных областях. О Вятке ещё в первой четверти XVI в. Герберштейн говорит, что эта «страна болотиста и бесплодна и служит убежищем беглых рабов». Русские переселенцы и татарские Арские князья подчиняли здесь своему владычеству вотяцкое и иное «бессерменское» население, захватывая земли, скот и девок вотяцких². Послания митрополита Ионы 1452 г. осуждают здесь распространённый обычай многожёнства. Приёмы войны здесь мало чем отличались от приёмов воинов князя Игоря в 941 году³.

Области Вологодская и Двинская в начале XVI в. «наполнены реками и болотами»; они слыли «бесплодными провинциями», где жили охотой, рыболовством, торговали мёдом и воском. Мерка хлеба (четверик), кото-

¹ Бушуев В. «Опыт применения точного измерительного прибора — весов к историческому исследованию, к истории Суздальско-Нижегородского княжества в первой половине XV в.», стр. 58.

² Островская М. «Из истории вятских инородцев», стр. 10—18. «Известия общества археологии, истории и этнографии». Казань. 1912.

³ «Акты исторические», Т. I, стр. 490—492. Митрополит пишет вятчанам: «Ныне ново, сими часы, воевали есте великого князя вотчину, Сысолу и Вымь и Вычегду, да людей есте православного христианства много перемучили, переморили, а иных в воду пометали, а иных в избы и в хоромы насаживая, мужей, старцев и малых деток, бесчисленно пожигали, а иным очи выжигали, а иных младенцов на кол сажая умертвляли, подобяся злочестивому губителю и христианом убийце Ироду; а полону есте взяли более полуторы тысячи душ, да которой ныне себе держите, а иных в поганьство продаёте и в дары даёте».

рая обыкновенно продаётся в Московии по 4,5 и 6 денег, в год приезда Герберштейна (1517 или 1526) стоила в Вологде 14 денег, т. е. в три раза дороже. Белозерские места оставались необработанными «вследствие большого количества болот, лесов и отовсюду стекающихся рек». На Ваге «совсем нет хлеба»¹ Таковы черты экономики и социального быта главнейших противников Москвы и задач национального объединения, которые она преследовала начиная с XIV века.

Социально-экономические предпосылки предопределили положение борющихся сторон и исход их борьбы. Победителями вышли передовые, прогрессивные княжества, боровшиеся вместе с Москвой и её князьями за создание единого национального государства. Отсталые окраинные земли и их князья были принуждены сложить оружие или погибнуть. В 1448 г. было ликвидировано Суздальско-Нижегородское княжество. В 1471—1478 гг. пал Великий Новгород. В 1489 г. была завсёвана Вятка. Ещё раньше, в 1443 г., враги объединения потерпели моральный разгром: собор епископов и архимандритов в торжественном послании от имени русской церкви осудил борьбу против великого князя московского. А в сохранившем ещё политическую самостоятельность Пскове, в Елеазаровом монастыре, старец Филофей уже слагал величавую сагу о Москве — «Третьем Риме».

Таковы были основные причины и силы образования единого Русского государства в XIV—XV веках. Это Русское государство родилось не в скопидомном сундуке Калиты, но и не на берегах Дона и степной речки Непрядвы. Оно зародилось раньше битвы на Куликовом поле, среди лесных рощистей московского центра и прилегающего к нему «ополья», его основания были заложены упорным трудом русских крестьян и ролейных холопов, удесятеривших производительность своих полей, а вместе с тем и всего современного общества, применением плуга и трёхполья.

Не выгодное положение на торговых путях, не сборы мыта с проезжих купцов и, конечно, не обманы и обчёты обогатили московских князей, а соха-косуля да навоз на крестьянском поле. Великий князь Иван Данилович стяжал себе славу устроителя своего государства и прозвище Калиты как умелый организатор хозяйства в своих 40 дворцовых сёлах и полсотне волостей. С того времени «в северной Руси привыкли смотреть на московского князя как на образцового хозяина, на Московское княжество как на самый благоустроенный удел»² Этим путём созданы были средства для будущей борьбы за освобождение от татарского ига, возжена та «свеча», о которой иносказательно говорит в своём завещании сын Калиты Семён Иванович, призывая братьев раздорами не угасить её: «Чтобы не престала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла»³.

Но не один великий князь был носителем планов освободительной борьбы и организатором нового хозяйства. Все группы раннефеодального общества были связаны с землёй, и всех их должно было коснуться переустройство сельского хозяйства. При Калите в Москву переводится кафедра митрополита всея Руси. При нём же начинается обильный приток к Москве своих и иноземных выезжих людей. Легко отказываются от своих князей и «приказываются» к князю московскому бояре нижегородские в 1392 г. и тверские в 1485 году.

Были случаи перехода «от меньших царей к большим», к Москве, и духовных вассалов—монастырей. Но не только князья и бояре, митропо-

¹ Герберштейн С. Указ. соч., стр. 118—129.

² Ключевский В. «Курс русской истории». Т. II, стр. 13. М. 1906. СГГнд. Т. I, № 24, стр. 37—38.

литы и игумены тянулись к Москве и стремились вступить в «государей круг», на государеву службу: сюда тянулись мелкие послужилыцы, опущенные на волю холопы,— «люди Божии и великого князя», ремесленники и торговцы, безымянное «множество людие». В Москве для каждого было дело и дешёвый хлеб. Здесь формировали поместную армию великого князя и ставили попов на всю русскую землю. Здесь ковали копья Георгия Победоносца против Литвы и татар, в 1365 г. строили каменные стены Кремля, а в 1375 г. взятием Казани Дмитрий Иванович московский открыл наступление на татар, закончившееся победой на Куликовом поле. Здесь дьяки примеривали молодой русской державе орлиные крылья павшей Византии. Здесь холопы шли на волю, а крестьянам всем сулили Юрьев день. Москва становилась экономическим, государственным и национальным центром страны.

Попытка борьбы против усиливавшейся централизации, вылившаяся в феодальную войну 1433—1453 гг., не имела успеха, потому что успех решали не массы войск и не полководческое искусство, не дипломатия и не татарская помощь, а глубокий внутренний процесс хозяйственного развития, который крушил и ломал старинную вотчину с её натуральным хозяйством и выдвигал помещика, вызывал к жизни новые ремесленно-торговые города, внутреннюю торговлю и властно требовал единства.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД 1147 г. ПРОТИВ СЛАВЯН И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

Проф. Н. Грацианский

Христианизация была для немецких феодалов лишь благовидным предлогом для хищений в славянских землях за Лабой. Когда Бернард Клервосский стал проповедывать в 1147 г. крестовый поход в Палестину, саксонские князья отказались последовать его призыву, ссылаясь на то, что они у себя дома ведут войну против язычников. Тогда возникла (неизвестно кем высказанная) мысль облечь в форму крестового похода и борьбу с язычниками-славянами. Бернард Клервосский, который носился с фантастическим планом обращения всех народов в христианство и которому было совершенно неизвестно положение дел за Лабой, с жаром ухватился за эту идею и стал её проповедывать со всей силой своего исключительного красноречия. На Франкфуртском сейме 19 марта 1147 г. он обнародовал особое воззвание, в котором приглашал христиан «вооружиться» против язычников-славян, чтобы «или совершенно искоренить их или обратить в христианство». Участникам этого своеобразного крестового похода Бернард обещал такое же «прощение грехов, что и тем, которые направлялись в Иерусалим»¹.

Папа Евгений III в особой булле, обнародованной 11 апреля, подтверждал обращение Бернарда Клервосского, причём в полном согласии с ним предписывал действовать решительно, запрещая «принимать от язычников... деньги и выкупы и позволять за это коснеть в их неверии»². Монахи Цистерцианского ордена, к которому принадлежали клервосский аббат и сам папа, быстро распространили идею крестового похода против язычников не только в Германии, но и в других, соседних странах. Немецкая агрессия облакалась, таким образом, в форму священного предприятия, которое привлекло прежде всего массу хищников из Саксонии. Большую роль в организации похода сыграли Генрих Лев и Альбрехт Медведь, стремившиеся окончательно поработить силами своеобразных крестоносцев славян за Лабой. В походе принимали также деятельное участие епископы, и прежде всего епископы славянских областей, вынужденные после славянских восстаний конца X и начала XI вв. покинуть свои епархии. Эти епископы, возглавляемые епископом гавельбергским, который назначался папским легатом при крестоносцах³, мечтали вернуть потерянные десятины и иные доходы и земли, когда-то пожалованные им Оттоном I. К походу примкнули также датчане, терпевшие от славянских набегов, и даже французские (бургундские), чешские и польские феодалы.

Крестоносцы решили двинуться на полабских славян двумя армиями: одна должна была идти с Нижней Лабы против ободритов, другая — из Магдебурга против лютичей. Во главе первой армии стояли Генрих Лев, Конрад, герцог бургундский, архиепископ бременский Адальберт, епископ бременский Дитмар и др.⁴. С этой армией должны были соединиться датчане, предводимые обоими своими королями — Свеном и

¹ Bernardi «Epist». 457; у Roczek'a. Cod. dipl. Mor. I, 253.

² Jaffé «Regesta Pont. Rom.». N 6297... prohibentes ut nullus de paganis ipsis... rescantiam vel etiam redemptionem accipiat, ut eos in sua perfidia remanere permittat.

³ Ibidem, N 6297.

⁴ Ann. Magdeb., SS. XVI, p. 188, a. 1147.

Канутом, которые решили прекратить внутренние усобицы для совместных действий против общих врагов — ободритов¹. Во главе второй армии из светских князей стояли пфальцграфы Фридрих Саксонский, Герман Рейнский, маркграфы Альбрехт Медведь и Конрад Мейсенский, а из духовных князей, помимо папского легата, епископа гавельбергского, — архиепископ Фридрих магдебургский, епископы гальберштадтский, мерзебургский, бранденбургский и мюнстерский, а также Вивальд, аббат корвейский². Последний имел виды на о. Руяну, основывая свои притязания на старинной нелепой версии о том, что почитаемый на острове Святовид — это обожествлённый славянами св. Вит, покровитель Корвейского монастыря, которому когда-то немецкие короли будто бы пожаловали остров³. Только непоколебимая уверенность немцев в успехе могла побудить аббата двинуться за Лабу для того, чтобы не допустить нарушения прав своего монастыря при предполагаемом дележе славянской территории.

О численности двинувшихся против славян армий крестоносцев мы имеем такие данные: в северной армии насчитывалось будто бы 40 тыс. человек, в южной — 60 тыс., в датской — 100 тыс.⁴. Конечно, эти цифры очень преувеличены, но во всяком случае они показывают, что за Лабу двинулись огромные, невиданные до того времени немецко-датские полчища, которые должны были раз навсегда покончить с независимостью славян и их язычеством. Славяне, однако, не пали духом перед лицом такой страшной опасности и вовсе не собирались покоряться немцам. Главным героем обороны от врагов выступил отважный Никлот, князь ободритов. Гельмольд определенно не любит Никлота и не всегда справедлив в своих суждениях о нём, но всё же то, что он сообщает о действиях этого князя, ярко рисует его таланты как полководца. «Услышавши, что в скором времени должно собраться войско для разорения его, — читаем у Гельмольда, — Никлот созвал весь народ свой и начал строить укрепление Добин, дабы было убежищем народу в случае надобности»⁵. Местоположение знаменитого Добины в точности неизвестно⁶. Надо думать, что он был воздвигнут на холме, в болотистой местности, у Зверинского озера, и, подобно всем крупным славянским крепостям того времени, был неприступен в летнее время. Никлот, конечно, не «построил» вновь, а лишь привёл в порядок и улучшил бывшие уже укрепления Добины, рассчитывая отсидеться в нём до зимнего времени. Вместе с тем Никлот искал союзников в предстоящей борьбе и обратился к графу голштинскому Адольфу с напоминанием о заключённом с ним соглашении. Хотя Адольф и не сочувствовал крестовому походу, но он, конечно, отказался помогать Никлоту против своего герцога, Генриха Льва, и единственными союзниками князя оказались руяне. Опираясь на союз с воинственными мореходами, Никлот выработал, как показывают дальнейшие

¹ Saxo Gram. Hist. Dan. XIV, p. 675—676.

² Ann. Magdeb., a. 1147, SS. XVI, p. 188. В южной армии были также моравские князья с епископом ольмюцким, *ibid.* Ср. Jaffe «Reg. Pont. Roman». N 6343. Vinc. Prag., a. 1147, SS. XVII, p. 663. К этой же армии должны были присоединиться большие силы польских князей (Ann. Magdeb., a. 1147), имевших целью нападение на Поморье.

³ См. отражение этой версии у Helm., II, 12 p. 215. См. Wibaldi «Epist», 159, p. 245. Reversi ab expeditione Slavica. См. предполагаемую грамоту Лотаря I от 844 г. в Cod. Rom. I, N 4, II sqq. Ср. Helm., I, 6, p. 23.

⁴ Ann. Magdeb., a. 1147.

⁵ Helm., I, 62, p. 122. Audiens igitur Niclotus, quia congregandus esset in brevi exercitus ad destruendum eum convocavit universam gentem suam, et cepit edificare castrum Dubin, ut esset populo refugium in tempore necessitatis.

⁶ Некоторые считают, что Добин лежал у моря, на берегу Висмарского залива, причём придают решающее значение для определения положения этой крепости фразе Саксона Грамматика (XIV, p. 676): *Dobinum insigne piratica oppidum*. Однако из повествования того же Саксона Грамматика об операциях датчан под Добином следует, что эти операции происходили на значительном расстоянии от берега, вследствие чего датчане, стоявшие под осаждённым городом, не сразу узнали о нападении на их флот руянских мореходов. См. *ibidem*, p. 677. *Danis obsidione urgentibus eorum classis piratica bello nunciatur oppressa. Hac fama revocati, etc.*

события, замечательный план обороны. Целым рядом комбинированных мероприятий на суше и на море он задумал уморить крестоносцев голодом и тем сорвать все их захватнические планы. Первой целью Никлота был разгром предполагаемой ближайшей операционной базы крестоносцев в Вагрии. Внезапным налётом с моря Никлот захватил 29 июня Любек и уничтожил стоявшие в его гавани корабли, причём «народ, упившийся большим возлиянием, не смог двинуться со своих постелей и судов, пока враги не окружили их и, подложив огонь, не погубили суда, груженные товарами. И были убиты в этот день до 300 и более мужей»¹. Уничтожив таким образом суда в любекской гавани и предавши пламени город, Никлот послал два отряда всадников, которые прошли всю землю вагров, истребивши и захвативши в плен осевших здесь немецких колонистов. Лишь колонистов из голштинцев, осевших к западу от верхнего течения Травны, славяне почему-то не тронули. Может быть, Никлот хотел посеять раздор между немцами, внушив подозрение к голштинцам в том, что они действовали заодно со славянами. Если это так, то Никлот блестяще достиг своей цели, так как на голштинцев действительно пало подозрение в измене. По словам Гельмольда², «была в то время у всех речь на устах, что этот злой беспорядок (т. е. истребление колонистов) учинили некоторые из голзатов, по ненависти к пришельцам, которых граф собрал из разных стран для заселения земли. Поэтому одни только голзаты и оказались нетронутыми при общем разорении».

Итак, первым результатом объявленного на Франкфуртском сейме крестового похода против славян были разгром этими последними цветущего немецкого торгового города на Балтийском море и почти полное уничтожение колонистов, с большим трудом собранных для поселения в завоёванной Вагрии из разных областей Германии и Нидерландов. Славяне, повидимому, не понесли потерь при своём смелом набеге и, вернувшись на суда, «отплыли, обременённые пленными людьми и разным имуществом, которые они захватили в земле вагров»³.

Неожиданная диверсия Никлота, естественно, вызвала большой переполох среди немцев, и крестоносная армия поспешила вторгнуться в землю славян, «дабы обуздать их жестокость»⁴. Никлот очистил и разорил территорию своего княжества, по которой должны были проходить крестоносцы, и засел с большим запасом провианта и большими силами в Добине. Немецкие полчища, двинувшиеся против ободритов с Нижней Лавы, повидимому, уже в июле были под Добином. Сюда же поспешили и датчане, флотилия которых пристала к славянскому побережью, повидимому, в Висмарском заливе, неподалёку от Зверинского озера, у которого был расположен Добин. Первыми приплыли юты с их королём Канутом и шлезвигцы с королём Свенем. Потом подошли подчинённые тому же Свену зеландцы и шоненцы⁵. Большая часть датского войска, высадившись на берег, пошла на соединение с саксами под Добин, другая часть осталась на судах для их охраны⁶. Никлоту, засевшему в Добине, оставалось выполнить вторую часть своего искусно задуманного плана обороны, именно перерезать морские коммуникации крестоносцев и нанести удар по датскому флоту, который, повидимому, доставлял продовольствие осаждающим, так как покинутая жителями область ободритов и опустошённая Вагрия не могли кормить крестоносную армию.

¹ Helm., I, 63, p. 123.

² Ibidem, p. 124.

³ Ibidem, I, 64, p. 126 .. redierunt ad naves et abierunt onusti de captione hominum et de varia supellectile, quam predati fuerant in terra Wagirorum.

⁴ Ibidem, I, 65, p. 126 ...zelare iniquitatem eorum.

⁵ Saxo Gram., XIV, p. 676. Juti Kanuto duce, Hethbyenses Suenone hostilem occupant portum. Superveniunt extremi Sialandenses ac Scani.

⁶ Ibidem, XIV, p. 676; cp. Helmold, I, 65, p. 126.

К тому же сухими путями сообщения вообще трудно было пользоваться из-за болотистого характера местности ¹.

Никлот блестяще разрешил поставленную задачу при помощи руянских мореходов. У Гельмольда мы читаем: «Однажды осаждённые, видя что войско данов действует нерешительно, — ибо они лишь у себя дома войки, на чужбине же не отличаются мужеством, — сделали неожиданно вылазку, многих из них перебили и положили удобрять землю. Помощь им подать было нельзя, так как между (войсками) лежало озеро» ².

Саксон Грамматик сообщает, что руяне решили оказать помощь осаждённым в Добине ободритам нападением на датский флот и не замедлили привести в исполнение своё намерение. При этом Саксон Грамматик довольно подробно описывает морское сражение руян с датчанами, о котором Гельмольд совершенно умалчивает ³. Надо полагать, что действия Никлота с суши и руян с моря происходили одновременно и были согласованы: Никлот должен был отвлечь внимание датского войска от кораблей и тем помочь руянам одержать победу. Цель эта была достигнута, и руяне имели на море не меньший успех, чем ободриты на суше. Они напали на подчинённых Свену шоненцев и разбили их флот, которому подчинённые Кануту ютландцы не захотели оказать никакой помощи ⁴. К тому же руянам помогло то обстоятельство, что начальник флотилии Свена — епископ рёскильдский Аскер — в самом начале сражения покинул свой военный корабль и укрылся на торговом судне. По словам Саксона Грамматика, «зрелищем постыдного бегства он привёл в смятение тех, кого должен был бы своим примером возбудить к мужеству в битве» ⁵. Хотя шоненцы и связали свои суда канатами (чтобы не дать никому возможности последовать благоразумному примеру епископа), но всё же они потерпели полное поражение, причём одни погибли от меча, другие утонули в море ⁶. Весь шоненский флот достался победителям, и руяне тем самым удвоили свои силы ⁷. Однако у них нехватало людей для обслуживания захваченного флота, и они пошли на хитрость, чтобы ввести в заблуждение напуганных неприятелей, именно: поставили на отбитых судах палатки, в которых якобы находились готовые к бою люди. Вместе с тем, скрывая сравнительную малочисленность своего флота, они по ночам отводили часть судов в море, а по утрам приводили их вновь, чтобы создать впечатление прибытия подкрепления ⁸. Всеми этими действиями руяне, очевидно, хотели совсем запугать датчан и принудить их к сдаче. Однако Саксон Грамматик сообщает, что «лукавство их оказалось напрасным» ⁹.

Несмотря на то что значительная часть датского флота уцелела, всё же на море господствовали руяне. снабжение стоявшей под Добином армии вследствие этого должно было прекратиться, и ей грозил неминуемый голод. Это охладило воинственный пыл крестоносцев, и они стали подумывать об отступлении. Даны, горевшие желанием отомстить Никлоту за поражение, узнав о нападении руян, переменяли своё намерение и поспешили к судам ¹⁰. Повидимому, они уже не вернулись под До-

¹ Cas. Monast. Petrihus. V. 32, SS. XX. 674.

² Helm., I, 65, p. 126. Una igitur dierum considerantes hii inveniri possent qui tenebantur inclusi, quia Danorum exercitus segnius ageret — hii enim domi pugnaces foris imbelles sunt facta subita eruptione percusserunt ex eis multos et posuerunt eos crassitudinem terrae. Quibus etiam subveniri non poterat propter interiacens stagnum.

³ Saxo Gram., XIV, p. 676. Rugiani primam obsessis opem inimicae classis oppressione porrigere statuunt, etc.

⁴ Ibidem. Max Scanos ...adorti, ferme omnes fuderunt, Jutis iucundam eorum eladem ducentibus, neque socios computantibus, quos duce a se diversos noverat.

⁵ Ibidem. XIV, p. 676.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem. Classem suam abductis caesorum navigiis duplicant.

⁸ Ibidem, p. 677.

⁹ Ibidem. Sed crebro id agentium frustra calliditas fuit.

¹⁰ Ibidem, XIV, p. 677.

бин и не замедлили отправиться восвояси; что же касается оставшихся под крепостью саксов, то они заговорили о нецелесообразности похода, о том, что бессмысленно опустошать землю, которая платила дань немцам. «Разве земля, которую мы опустошаем, — так будто бы говорили саксы, — не наша земля? И народ, с которым мы воюем, разве не наш народ? Зачем же нам быть врагами самим себе и расточителями следующих нам даней? Не проистекают ли от этого убытки для государей наших»¹.

Как видим, немцы поняли всю бессмысленность своего предприятия лишь после того, как славяне дали им жестокий урок, в результате которого оказалось, что вместо ожидаемой лёгкой добычи крестоносным хищникам грозили в славянской земле одни только лишения. Гельмольд сообщает, что саксы «начали медлительно вести войну и облегчать осаду скрытыми перемириями. Ибо каждый раз, как в схватке славяне оказывались побеждёнными, войско воздерживалось преследовать беглецов и не стремилось овладеть крепостью»².

Всё это означает, что в то время, когда Никлот не прекращал производить вылазки из осаждённой крепости, в крестоносном войске стали наблюдаться усталость и даже разложение: оно просто не хотело воевать и жаждало вернуться на родину. При таких условиях князьям ничего не оставалось делать, как заключить с Никлотом мир, условия которого давали бы хоть видимость удовлетворения их притязаний: в противном случае пришлось бы со стыдом возвращаться домой и иметь неприятные объяснения с папой. Гельмольд говорит, что «когда нашим наскучило, согласились на то, чтобы славяне приняли христианскую веру и отпустили бывших у них в плену данов. И вот многие из них крестились притворно, а из пленников отпустили всех старых и неспособных к труду, прочих же, коих возраст делал более пригодными к рабской службе, удержали»³. «Так, — с иронией заключает Гельмольд, — большой этот поход разрешился малою пользою. Ибо тотчас же потом (славяне) стали действовать хуже прежнего: ни крещения не признавали, ни воздерживались от ограбления данов»⁴. На Западе неудача похода против ободритов вызвала слухи о том, что немцы, будучи подкуплены славянским золотом, предали датчан, «многие тысяч» которых погибли от славянского меча вследствие этой измены⁵.

Главная (южная) армия крестоносцев собралась, как было условлено, в Магдебурге. В августе она двинулась к Гавельбергу и здесь имела остановку⁶, причём папский легат, епископ гавельбергский, впервые попал тогда в свою епархию. В Гавельберге, повидимому, совещались о дальнейших планах действий. Эти планы шли очень далеко. Как показали последующие события, немецкие хищники имели в виду не столько покорение лютичей соседних с Гавельбергом областей, сколько захват Поморья, в состав которого входила тогда и старая территория лютичей за Пеной. Основное направление всему походу, очевидно, давал Альбрехт Медведь, который хотел расширить силами крестоносцев пределы своей северной марки за Пену и за Одру. Здесь было уже распространено Оттоном Бамбергским христианство, но надо думать, что князья скрывали этот факт от массы крестоносцев, возбуждая их алчность перспективой богатой добычи у язычников, по отношению к которым всё считалось дозволенным. Духовные князья соревновались в своих воинствен-

¹ Helm., I, 65, p. 126.

² Ibidem, p. 127.

³ Ibidem, I, 65, p. 127.

⁴ Ibidem.

⁵ Auct Gembl., a. 1148, SS. XVI, 392 ...Teutonici accepta pecunia vendiderunt Danos, ceptoque prelio se subtrahentes, multa milia Danorum Sclavorum occiderunt gladio.

⁶ См. грамоту от 18 октября 1157 г. (Forschungen zur deutschen Geschichte. XII, S. 629 ff. Op. Bernh. W. «Konrad III», 575, n. 35.

ных планах со светскими, причём возглавлявший этих прелатов архиепископ магдебургский мечтал подчинить своей власти независимое поморское епископство и завладеть его обширными доходами в богатом Поморье.

Выше было указано, что аббат корвейский Вибальд имел виды на остров Руяну. Таким образом, двинувшиеся за Лабу немецкие полчища хотели поработить не только полабское, но и поморское славянство, независимо от того, какую веру оно исповедывало. Участие поляков в крестовом походе было вызвано стремлением защитить польские интересы в Поморье, поскольку это последнее долгое время принадлежало Польше и открывало для неё выход к морю. Где присоединилось польское войско к основной армии, неизвестно. Повидимому, это произошло где-нибудь около Одры, может быть, даже под Шетином.

Армия пошла к Поморью той самой дорогой, какой 20 лет назад ехал Оттон Бамбергский. Пройдя с большими трудностями дремучий лес, отделявший область гаволян от области морочан¹, крестоносцы вышли к озеру Морице и оказались на языческой территории, не признававшей ни власти немцев, ни христианства. Жители разбегались, спасая что могли, а крестоносцы опустошали и жгли славянские селения². Был сожжён при этом славянский город Малхон вместе со стоявшим перед его воротами языческим святилищем³. Обозначая свой путь грабежами, поджогами и убийствами, армия направилась к Дымину — городу лютичей на Пене, — но, не доходя до этого города, разделилась: часть армии направилась к Шетину. Под Дымином крестоносцы неожиданно встретили такое же сопротивление славян, как и под Добином. Мы в точности не знаем, что здесь произошло; но по некоторым намёкам можем судить, что на Пене крестоносцев постигла такая же неудача, что и у ободритов под Добинем. Гельмольд недаром смешивает события под обоими славянскими твердынями в одно целое повествование о неудаче крестового похода⁴. Есть и другие известия о несогласиях и неудаче крестоносцев под Дымином⁵. Самым ярким показателем этой неудачи является поведение корвейского аббата, быстро распроставшегося со своими мечтами о завоевании Руяны и уже 8 сентября вернувшегося из похода. Выражая свою радость по поводу избавления от опасностей в славянской земле, аббат говорит, что поход хотя и оказался безрезультатным, но зато был выполнен «с послушанием»⁶.

Полная неудача постигла и ту армию, которая направилась для действия против Шетина, главного города Поморья. Когда крестоносцы обложили этот город, осаждённые выставили на городских валах кресты в знак того, что они христиане, и тогда среди армии произошло замешательство. Всем стало очевидно, что затеянное предприятие стояло в вопиющем противоречии с идеями, провозглашёнными Бернардом Клервоским и папой, и рядовые крестоносцы поняли, что они одурачены князьями, которые их руками не у язычников, а у христиан хотят захватить новые земли и новые доходы⁷. Тем временем из осаждённого Шетина явилось в лагерь крестоносцев посольство, во главе которого стоял сам епи-

¹ См. письмо Вибальда. Epist. 58, p. 136.

² Ann. Magdeb., a. 1147, SS. XVI, 188. Hi equidem omnes cum maximo apparatu et comiteatu et mirabili devotione in diversis partibus terram paganorum ingressi sunt, et tota terra a facie eorum contremuit. et omnia ...vastaverunt, civitates et oppida igni succenderunt.

³ ...fanum eciam cum idolis, quod erat ante civitatem Malchon, cum ipso civitate concremaverunt. Обычно Malchon отождествляют с гор. Малхов, но это отождествление сомнительно.

⁴ Hel m., I, 65, p. 126—127.

⁵ Ann. Palid., a. 1147, SS. XVI, 82.

⁶ Epist. 150, p. 245. Reversi ab expeditione Sclavica in nativitate beatae Mariae — quam etsi... non efficaciter, sed tamen obediente complevimus.

⁷ Vinc. Prag. SS. XVII, 663, a. 1147

скоп поморский. По известию чешского летописца Викентия Пражского, оставившего наиболее подробные сведения о действиях крестоносцев под Щетином, участники посольства спрашивали князей, зачем они пришли к ним с оружием в руках, причём говорили, что если речь идёт «об утверждении веры христианской, то это нужно делать не оружием, а епископской проповедью»¹. Но так как, сообщает дальше чешский летописец, «саксы пришли с таким войском больше для захвата земли, чем для утверждения веры христианской», бывшие в войске епископы поспешили заключить мир с князем Поморья Ратибором и снять осаду города². Конечно, не речи посольства оказали влияние на решение вождей похода, которые заранее знали, против кого они идут: их принудило к отступлению настроение армии, в которой смятение всё увеличивалось и даже начались прямые беспорядки. Согласно одному известию, рыцари, делившие между собою ещё не захваченную добычу, натолкнулись на решительное противодействие крестоносцев из простолюдинов, которые не пожелали продолжать военных действий против щетинцев и, не слушая своих вождей, в беспорядке покинули лагерь³. При отступлении войско понесло большие потери⁴.

Таким образом, широко задуманный крестовый поход против славян повсюду с позором провалился, и у современников на этот счёт не оставалось никаких сомнений: все они почти единодушно отмечают полный неуспех похода немцев за Лабу⁵. При этом одни из них объясняют неудачу похода раздорами князей⁶, другие — незнанием неприятельской местности⁷, третьи — тем, что крестоносцы ратовали не за «божие дело»⁸, руководствуясь чисто хищническими побуждениями. В действительности поход сорвался благодаря героическому сопротивлению славян, и самые раздоры князей и разложение в армии начались лишь после того, как немцы неожиданно натолкнулись на сильные славянские крепости, защитники которых дали решительный отпор немецким хищникам. Бедь даже и под Щетином дело решили не кресты, расставленные на городских валах, а грозный вид щетинских укреплений, защищаемых отважным славянским гарнизоном.

По мнению одного из немецких писателей-националистов, В. Гизебрехта, поход 1147 г. всё же не окончился безрезультатно. Хотя, говорит он, немцы и не совершили славных деяний за Лабой и не сумели всю славянскую землю привести к христианству, но всё же «своею военною мощью они навели немалый страх на славян», в дальнейшем оказавший своё действие на их поведение⁹. Но как мог навести страх поход, кончившийся полной неудачей и показавший бессилие немцев подавить славянскую независимость? Не вернее ли думать, что этот поход решительно ослабил влияние немцев за Лабой, посеял здесь не страх к немецким захватчикам, а ещё большее отвращение и ненависть к ним и в то же

¹ Vinc. Prag. SS. XVII, 663, a. 1147.

² I b i d e m. Sed quia auxones potius pro auferenda eis terra quam pro fide christiana confirmanda tantam moverant militiam episcopi Saxonie hoc audientes cum Ratiboro principe et cum Alberto ..episcopo consilio de his quae ad pacem sunt habito Plurimis amissis militibus una cum principibus suis ad propria redeunt.

³ Ann. Palid., a. 1147, SS. XVI, 82.

⁴ См. примечание 2.

⁵ Otto Freising. «Gesta Fred». I, 41. Qualiter etiam Saxones vicinas... gentes aggressi principibus inter se discordantibus, ad propria remeaverint, a memorianondum excidit. Ann. Palid. a. 1147. SS. XVI, 82. Molimine quod proposuerant infecto. Ann. S. Jac: Leod, a. 1146, SS. XVI, 641. Contra Vindelicos male pugnatum. Ср. ироническое замечание Гельмольда, I, 65, p. 127. Taliter illa grandis expediti cum modico emolumento soluta est.

⁶ I b i d e m ..principibus inter se discordantibus...

⁷ Cas. Monast. Petrihus, V, 32, SS. XX. 674. Exercitus christianorum ignorantia locorum extediatus sine aliquo rerum effectu reversus est.

⁸ Vinc. Prag., 1147, SS. XVII, 663. Ubi etenim Deus non fuit in causa bono fine terminati difficillimum fuit.

⁹ Giesebrecht W. «Geschichte der deutschen Kaiserzeit». Bd. IV, S. 302.

время укрепил уверенность славян в своих силах? Гизебрехт ссылается на то, что поморский князь Ратибор, будто бы напуганный крестовым походом, вынужден был в 1148 г. явиться в Гавельберг на свидание с саксонскими князьями и дать здесь обещание блюсти и распространять христианскую веру. Но приезд Ратибора в Гавельберг осенью 1148 г., последовавший по вызову саксонских князей, можно толковать как раз в обратном смысле: именно не Ратибор был напуган немцами, а немцы были напуганы настроением славян после крестового похода, и это заставило их принять меры к тому, чтобы обезопасить себя от враждебных действий поморского князя¹. Твёрдые начала распространению христианства в Поморье были положены уже Оттоном Бамбергским, и Ратибор, сам получивший крещение от этого епископа, продолжал независимо от результатов крестового похода распространять в своём княжестве новую веру². Поморье никогда позднее не возвращалось к язычеству (по крайней мере формально), и здесь вместе с христианством и христианским духовенством всё более и более утверждалось немецкое влияние.

Альбрехт Медведь, потерпевший неудачу в своих хищнических устремлениях к Пене и Поморью, особенно стал прилагать усилия к тому, чтобы прочно и окончательно утвердиться в долине Гавелы. Гавельберг — столица брижан — был уже в его руках; оставалось захватить столицу гаволян — Бранибор. Когда в 1150 г. умер приверженец немцев князь Прибыслав, Альбрехт Медведь, числившийся наследником умершего, захватил, с помощью его жены, Бранибор и всё Браниборское княжество. Немцы, однако, лишь воровским образом смогли ввести в столицу княжества свой гарнизон, причём жена Прибыслава целых три дня скрывала смерть мужа, чтобы дать немцам возможность это сделать³.

Захват крепости, надо думать, был неожиданным для славян, и, будучи поставлены перед совершившимся фактом, они не смогли оказать сопротивления немецким разбойникам. Альбрехт Медведь немедленно принял меры для упрочения своего положения в городе: он изгнал из него наиболее влиятельных и непримиримых славян и оставил только своих испытанных сторонников⁴. Всё же немцы упрочились в Браниборе не сразу, ввиду ненависти к ним населения. В 1155 г. целый немецкий отряд во главе с приближённым маркграфа — графом Конрадом Плоцковским — попал в засаду и был уничтожен славянами⁵. В том же 1155 г. скрывавшийся в Польше родственник умершего Прибыслава — Ячко — внезапно явился к Бранибору и без сопротивления занял город. Без сомнения, он нашёл поддержку у славянского населения княжества, и даже гарнизон Бранибора, состоявший частью из славян, не стал защищать город. Таким образом, старая славянская крепость на Гавеле снова ушла из немецких рук, а с нею вместе и всё Браниборское княжество, над которым эта крепость господствовала. Альбрехт Медведь никак не мог примириться с этой потерей, грозившей свести на-нет его захваты за Лабой, и употребил всё усилия к тому, чтобы снова подчинить Бранибор своей власти. Был организован большой поход на этот город, в котором приняли участие ряд саксонских князей и архиепископ магдебургский Вихман. Большое немецкое войско, разделившись на три отряда, окру-

¹ Таково мнение Науск'а «Kirchengeschichte Deutschlands», IV, 607. Гаук справедливо подчёркивает, что происходившее в январе 1148 г. свидание саксонских и польских князей с участием архиепископа магдебургского было вызвано стремлением немцев обезопасить свои земли от возможных наступательных действий славян.

² См. об этом у Науск'а. Op. cit., IV, 588.

³ Heinr. de Antw. у Giesebrecht'а «Kaiserzeit», IV, 505; ср. Ann. Palid., a. 1150, SS. XVI, 85. Heinricus de Brandenburg obiit, cuius heres factus est marchio Adalbertus.

⁴ Heinr. de Antw. Ibidem, p. 506.

Ann. Palid., a. 1155, SS. XVI, 89.

жило город и после долгой осады принудило его защитников к сдаче¹. Это было в 1157 г., и с тех пор Бранибор уже не уходил из рук немцев. С падением этой крепости активная роль брижан и гаволян в борьбе с немецкой агрессией кончилась, но их восточные и северо-восточные соседи, защищённые дремучими лесами и труднопроходимыми болотами, ещё не скоро подчинились власти немцев.

Как и в завоеванной ранее Вагрии, христианство в долине Гавелы распространялось не путём крещения местных язычников-славян, которые решительно не хотели знать немецкой веры², а путём переселения сюда колонистов из Германии и Нидерландов: В этом деле Альбрехту Медведю усиленно помогали епископы, так как, по словам Гельмольда, с приходом колонистов «множились церкви и возрастало владение десятинами»³. Таким образом, погоня за церковными десятинами была важнейшим стимулом, заставлявшим духовных князей содействовать заселению славянского края выходами из Нидерландов и Германии. Утверждение влияния немцев на Гавеле приводило к тому, что епископы стали возвращаться в свои давно покинутые епархии: сначала вернулся (уже в конце 40-х годов) епископ гавельбергский, а затем (в начале 60-х годов) и епископ браниборский⁴.

У ободритов, которые после крестового похода сделались, по словам Гельмольда, «хуже прежнего», усилилась власть князя Никлота, продолжавшего, впрочем, признавать верховную власть герцога. Граф голштинский Адольф поспешил восстановить мирные отношения с Никлотом, но прежней близости между ними не было, и Адольф всё время опасался враждебных выступлений своих соседей⁵. Разорённая Никлотом Вагрия терпела голод и нуждалась в экстренной помощи. Граф усиленно помогал голодным и старался выкупить захваченных славянами пленных⁶. Неудачно вмешавшись в усобицы датчан, Адольф навлёк нашествие на Вагрию короля Свена, и она снова подверглась опустошению⁷.

При таких обстоятельствах о распространении среди славян христианства думать не приходилось, и даже в Старграде процветало язычество. Здесь под руководством жреца Мике и происходившего из рода Крутого князя Рохе — «идолопоклонника и великого морского разбойника» — открыто поклонялись богу Прове и совсем не хотели знать христианства⁸. Да и повсеместно в славянской земле, по словам Гельмольда, «приносили жертвы демонам, а не богу» и вместе с тем «производили пиратские набеги на землю данов»⁹. Датчане больше всех испытывали на себе последствия неудачного крестового похода, и на них повседневно обрушивалась «славянская ярость»¹⁰.

Новый гамбургско-бременский архиепископ Гартвиг (с 1148 г.), совсем не имевший епископов-суффраганов, решил восстановить в земле ободритов остававшиеся почти сто лет вакантными епископства — старградское, мекленбургское и ратаборское (рацебургское) и поставил на первую кафедру Вицелина, а на вторую — Эммергарда, пославши их «в землю лишений и голода, где было седалище сатаны и всякого нечистого

¹ Heinr. de Antw. u. Giesebrecht's. Op. cit. IV, p. 506 ...tribus in locis circa eam copias dividens longotempore propter munitionem loci eam obedit.

² Helm., I, 88, p. 176 ...multip licarentur ecclesie et decimarum succresceret ingens possessio.

³ См. об этом у Hauck'a «Kirchengeschichte», IV, pp. 609—610.

⁴ Helm., I, 66, p. 127.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem, I, 67, p. 129.

⁸ Ibidem, I, 69, p. 138.

⁹ Ibidem, I, 68, p. 133 ...immolabant demoniis et non Deo, et agebant piraticas incursiones in terram Danorum.

¹⁰ Sclavorum furiae — выражение Гельмольда, I, 67, p. 128. Cp. furor Sclavorum, I, 66, p. 127; I, 70, p. 139.

духа»¹. На рацебургскую кафедру епископ пока поставлен не был, повидимому, за неимением подходящего кандидата.

О деятельности Эммергарда в Мекленбурге ничего не известно, да и едва ли он был там. Что же касается Вицелина, то из-за соперничества Гартвига с Генрихом Львом он не имел поддержки ни от того, ни от другого, не получал даже церковной десятины, захваченной графом Адольфом, и ничего не мог сделать в своей епархии². В Старграде его проповедь не имела никакого успеха, и он поспешил покинуть этот негостеприимный город, распорядившись построить здесь деревянную церковь³.

Получивши после долгих хлопот от графа Адольфа деревню Босове с принадлежавшей к ней Дульчаницей и добившись права получить половину десятины со своей немногочисленной паствы, Вицелин приступил к постройке епископского дома в Босове, а тем временем в большой нужде «проживал под буковым деревом», т. е. под открытым небом⁴. В 1154 г. архиепископ магдебургский поставил, по соглашению с Генрихом Львом, епископа в Рацебурге, и ввиду того, что этот епископ не был ставленником Гартвига, его наделили землями (в размере 300 мансов) и дали ему церковные десятины⁵. Тогда и Вицелин добился обещания такого же дара⁶, но в конце того же 1154 г. умер. Преемник его Герольд хотя и был посвящён по представлению Генриха Льва непосредственно папой, но ему приходилось терпеть ещё большие лишения, нежели Вицелину: последний пользовался поддержкой двух монастырей — в Фальдере (Неймюнстере) и в Кучалине⁷, — новый же епископ должен был довольствоваться доходами со своих скудных земель в Босове, которые в большинстве лежали необработанными⁸.

В начале 1156 г. Герольд посетил Старград, чтобы торжественно встретить здесь праздник богоявления, и сопровождавший своего епископа Гельмольд оставил картинное описание этого путешествия⁹. Город оказался почти пустым, и в нём была лишь небольшая церковь, построенная Вицелином. «Там, — рассказывает Гельмольд, — в жестокий холод, между снежными сугробами, справляли мы богослужение. Слушателей из славян — ни одного, за исключением Прибыслава и ещё нескольких лиц»¹⁰. Это очевидно, были официальные представители славян Вагрии, на обязанности которых лежала встреча епископа. Но и они не были христианами. После богослужения Прибыслав, живший в стороне от Старграда, пригласил епископа с его спутниками к себе и обильно угощал их; в связи с этим Гельмольд отдаёт должное прославленному славянскому гостеприимству¹¹. Пробывши у Прибыслава две ночи и один день, путники, которым, видно, понравилось славянское угощение, отправились ещё к одному знатному славянину — Тессемару. По дороге они видели священную рощу бога земли той — Прове — и воровским образом, «не без

¹ Helm., I, 69, p. 134 ...missique in terram egestatis et famis, ubi ératsedes Sathahe et habitatio omnis spiritus immundi.

² Ibidem, p. 134 sqq.

³ Ibidem, p. 138.

⁴ Ibidem, I, 71, p. 141 ...et habitavit sub fago, quousque extruerent casas, in quibus consistere possent.

⁵ Ibidem, I, 77, p. 149.

⁶ Ibidem, p. 150 ...comes noster ...remisit de beneficio duo trecentes mansos... in dotem Aldenburgensis episcopatus.

⁷ По сообщению Гельмольда (I, 82, p. 160), монастырь в Фальдере перешёл по смерти Вицелина к гамбургской церкви, так как он не входил в состав старградской епархии; что же касается монастыря в Кучалине, то его братия «считала для себя достоянием предоставление епископу гостеприимства при приезде и при отъезде».

⁸ Ibidem, I, 82, p. 160; Sola domus Bozoe stipendiis episcopalibus deserviebat vacua admodum et inculta.

⁹ Ibidem, I, 82—83, p. 162 sqq.

¹⁰ Ibidem, I, 82, p. 162 ...Illic in asperrimo frigore inter cumulos nivis officium peregrinus. Auditores de Sclavis preter Pribizlaum et paucos admodum.

¹¹ Ibidem ...nulla gens honestior Sclavis in hospilitatis gratia.

страха подвергнуться нападению жителей», разрушили изгородь вокруг священных деревьев, которую сложили в костёр и подожгли, чтобы сжечь эти деревья¹. У Тессемара гости были встречены с большим почётом, но «не сладки были нам,—говорит Гельмольд,—славянские кушанья, так как мы видели оковы и разные орудия пыток, каким подвергали христиан, вывезенных из Дании. Видели мы там священников господних, измученных долгим пленением, и им епископ не мог помочь ни силой, ни увещаниями»².

Приведённый рассказ Гельмольда как нельзя лучше иллюстрирует полный провал христианской миссии даже у приморских вагров, которым, собственно, немцы оставили лишь тень самостоятельности. Епископ находит в старинном центре своей епархии лишь одну жалкую церковь и в торжественный христианский праздник отправляет богослужение в убогой обстановке, при отсутствии молящихся. Проезжая по славянской земле, он не смеет открыто выступить против языческих святынь и лишь украдкой ломает священную изгородь и пытается поджечь несколько священных деревьев, опасаясь возмездия за свою выходку. Принимая угощение от знатного язычника, он не может ни угрозами, ни просьбами добиться от него освобождения из плена или хотя бы улучшения участи даже христианских священников.

В ближайший воскресный день, продолжает своё повествование Гельмольд, епископ собрал народ в Любеке и стал увещевать его, чтобы, «покинув идылов, почитали единого бога» и, принявши крещение, «отказались от злых деяний», именно грабежей и кровавых расправ с христианами³. Проповедь осталась безрезультатной, так как славяне указывали на грабительские поборы со стороны герцога и голштинского графа, мешавшие им даже и думать о христианстве⁴. Вскоре после того сам герцог имел свидание со славянскими князьями и по просьбе епископа выступил в несвойственной ему роли проповедника христианства. По общению Гельмольда, на увещание графа отвечал Никлот, который сказал: «Пусть бог, который на небе, будет твоим богом, а ты будь нашим богом, и с нас этого довольно. Ты почитай его, а мы будем почитать тебя»⁵. Этими словами, которые у Гельмольда звучат как выражение раболепия, Никлот в действительности хотел сказать, что для славян довольно и одного государя (герцога) и что не надо им ещё другого, небесного: двое будут им слишком дорого стоить.

В выступлении Никлота была, таким образом, скрытая ирония, намёк на хищничество герцога, но последний не понял этой иронии и сделал ободритскому князю замечание за богохульство. Впрочем, Генрих Лев серьёзно не думал об обращении славян: по словам Гельмольда, он никогда не помышлял о христианстве, а «только о деньгах»⁶.

В роли миссионера немецкий хищник выступал только для формы, в действительности же у него не было никакого желания помогать епископу; ведь помогать — это значило поступаться своими доходами, а герцог, вернувшийся незадолго перед тем из Италии и затративший большие суммы на итальянский поход, думал только о том, как бы покрыть

¹ Helm., I, 82, p. 164.

² Ibidem, I, 83, p. 164. Nec tamen ...iocunda nobis fuerunt Sclavorum pocula eo quod videremus compedes et diversa turmento:um genera, que inferebantur christicolis de Dania advectis. Aspeximus illic sacerdotes Domini captivitate diuturna deteptione maceratos, quibus episcopus nec vi nec prece subvenire poterat.

³ Ibidem, I, 83, p. 164 ...ut relictis ydolis colerent unum Deum, et percepta baptismatis gratia, renunciarent operibus malignis, prediis scilicet et interfectionibus christianorum.

⁴ Ibidem, p. 164—165.

⁵ Ibidem, p. 165. Sit Deus, qui in celis est, Deus tuus, esto tu Deus noster, et sufficit nobis. Excole tu illum porro nos te excolemus.

⁶ Ibidem, I, 68, p. 133. In variis ...expeditionibus ...nulla de christianitate fuit mentio sed tantum de pecunia.

эти затраты, и потому «весь был предан стяжанию»¹. Епископ целый год вынужден был толкаться при дворе герцога, пока не выпросил у него пожалования в Вагрии 300 мансов, которые были обещаны ещё Вицелину. Однако граф Адольф, которому предписано было отвести эти мансы, обманул епископа и отвёл ему втрое меньше, притом данные земли были неудобны для обработки. Новое распоряжение герцога мало помогло делу, и Гельмольд, писавший свою «Славянскую хронику» около 1170 г., говорит, что следуемые епископу земли не получены полностью «даже до сего дня»². Герольд стал жить в Зигиберге, куда перенёс монастырь из Кучалины, а в Старград послал для проповеди христианства одного из своих священников — Брунона. Гельмольд сообщает, что этот последний имел при себе «проповеди, написанные по-славянски», которые он и произносил с успехом перед народом³. Сомнительно, однако, чтобы эти проповеди, произносимые человеком, не знавшим славянского языка, имели действительный успех. По всей вероятности, славянская речь в устах чуждого ей человека звучала довольно странно и могла вызвать со стороны славян только насмешку. Во всяком случае, никаких результатов Брунон своими проповедями среди славян Старграда не добился. Не мог добиться он ощутительных результатов и другими, более решительными своими действиями: сожжением священных языческих рощ и насильственным искоренением языческих обрядов⁴. Ввиду безнадежности дела обращения в христианство местных язычников-славян, решено было привлечь в Старград христиан со стороны. Так возникла здесь саксонская колония и при ней церковь⁵. И в других местностях славянской Вагрии постепенное внедрение христианства происходило, по Гельмольду, не путём обращения местных славян, а путём привлечения сюда новых поселенцев из Саксонии⁶. Все приведённые факты говорят о том, насколько крестовый поход 1147 г., проводившийся во имя обращения славян в христианство, в действительности навредил этому делу.

В княжестве Никлота после похода не могло быть и речи о христианстве, и выше уже было сказано, что назначенный в Мекленбург епископ едва ли даже осмелился показаться в своей епархии. Гельмольд, интересуясь главным образом Вагрией, очень мало говорит о деятельности Никлота после его мирного договора с крестоносцами в 1147 году. Из одного случайного известия Гельмольда мы узнаём, что Никлот подвергся заключению в Люнебурге и что лишь вооружённое выступление его сыновей избавило ободритского князя от этого плена⁷. Когда и как Никлот попал в плен к немцам Люнебурга, мы совершенно не знаем. Вернее думать, что это было после похода 1147 г., так как до похода выступление сыновей Никлота едва ли запугало бы немцев и заставило бы их пойти на уступки. Может быть, немцы в окружении Генриха Льва просто решили разделаться с самым опасным для них человеком за Лабой и схватили его в одну из его поездок в Саксонию под предлогом того, что он не выполнял условий мирного договора. И лишь когда этот

¹ Hel m., I, 83, p. 165 ...dux nuster nuper Italia rediens, totus questui deditus esset.

² I b i d e m., p. 166. Non per ducem aut episcopum requiri potuerunt usque in Romanorum diem.

³ I b i d e m., I, 68, p. 168.

⁴ I b i d e m., p. 167 ...Succidens lucos et destruens ritus sacrilegos Гельмольд сообщает (ibidem, p. 168—169), что у славян Вагрии продолжали процветать пиратство и кровавые мучения пленников-христиан, до распятия их на кресте включительно.

⁵ I b i d e m., I, 83, p. 168.

⁶ I b i d e m., p. 169.

⁷ По сообщению Гельмольда (II, 2, p. 194), сын Никлота Вартислов, будучи в заключении в Брауншвейге, просил брата о помощи и при этом напоминал, как они в своё время добились освобождения отца из заключения в Люнебурге: Non recogitas, quod pater noster Niclotus, cum Luneburg teneretur in custodia, nequeprece, neque pecunia redimi potuit. Postquam autem ...corripuimus arma et fecimus incendia et exterminia urbium, nonne dimissus est? Трудно думать, чтобы Гельмольд смешал этот факт (как полагают некоторые) с заключением Никлота в Шлезвиге Канутом (Hel m., I, 49, p. 102).

поступок вызвал вторжение славян, немцы не решились пойти на новую войну с ними и отпустили князя.

Из сообщений Гельмольда далее видно, что Никлот подчинил своей власти не только ободритов, но и соседние племена лютичей — хижан и черзепнян¹. Опять-таки, когда и как это произошло, неизвестно. Нет сомнения, что уже крестовый поход должен был вызвать сплочение приморских лютичей с ободритами, тем более что эти лютичи уже раньше входили в государства Готшалка, Крутого и Генриха. Возможно, что вскоре после похода это сплочение было оформлено подчинением всех полабских славян от границ Вагрии до Одры главному вождю в борьбе с немецкой агрессией — Никлоту, которому, таким образом, удалось восстановить старое государство ободритов в его прежних границах (за вычетом Вагрии и Полабии, захваченных немцами). Но, как и раньше, это объединение, вызванное временными обстоятельствами, было нетвёрдым, и через некоторое время хижане с черзепнянами отказались подчиниться Никлоту и платить установленные дани ему и немцам². Тогда Никлот решился на такие меры, которых меньше всего от него можно было ожидать: не будучи в состоянии привести лютичей к подчинению собственными силами, он обратился за помощью к немцам. Явившись в Люнебург к жене Генриха Льва, правившей в его отсутствие Саксонией с помощью графа голштинского Адольфа, Никлот принёс здесь жалобу на лютичей, которых выставил мятежниками против немцев, и просил помощи, чтобы привести их к покорности. О том, что произошло в дальнейшем, очень выразительно рассказано Гельмольдом. Мы читаем у него следующее: «И назначено было графу Адольфу с гользатами и стурмарами помочь Никлоту обуздать упорство мятежников, и отправился граф, имея с собою более двух тысяч избранных воинов. Никлот тоже собрал войско из ободритов, и пошли оба в землю хижан и черзепнян и, нападши на (эту) вражескую землю, опустошили всё огнём и мечом. Прославленное святилище с идолами и всякими знаками суеверия разорили. Местные жители, видя, что нет у них сил сопротивляться, выкупили себя огромными деньгами, а неуплаченные дани внесли с излишком. Тогда упоённый победою Никлот много благодарил графа и при возвращении проводил его до края границ своих, проявляя самое тщательное попечение о его войске. С того дня укрепилась дружба графа с Никлотом и они чаще стали иметь совещания в Любеке для общей пользы»³.

Таким образом, мы видим, что Никлот, в сущности, вступил на тот же самый путь, по которому шёл в своё время Генрих, путь принуждения славян к покорности с помощью немцев. Он не сумел договориться с родственными славянскими племенами, чтобы своими силами разрешить внутренние славянские споры, и не нашёл ничего лучшего, как призвать против непокорных лютичей немцев. В данном случае Никлот выступает не как призванный вождь славян, защитник их интересов, а как ставленник немцев, собиратель дани в их пользу. Неплатёж этих даней лютичами он выставляет прежде всего как бунт против немцев, который и подавляет с их помощью, не щадя славянской земли и разоряя славянские святыни.

Очень показательно сообщение Гельмольда о том, что после похода на лютичей Никлот теснее сблизился с немцами: очевидно, его политика пошла теперь именно в сторону укрепления союза с графом Адольфом, в котором он видел самую надёжную гарантию целостности своего государства. Это была роковая политическая ошибка, которая в значительной мере свела на-нет результаты успешной обороны от немцев и означала полное крушение попытки объединения северных полабских племён в самостоятельное славянское государство. Хижане и черзепяне, не имев-

¹ HeIm., I, 71, p. 140—141.

² Ibidem, p. 140—141 ...Kicini et Circipani paulatim rebellare ceperint et obniti tributis iuxta morem persolvendis.

³ Ibidem, p. 170.

шие твёрдых естественных границ с ободритами и не только этнографически, но и географически составлявшие одно целое с ними, на протяжении столетия упорно противятся включению их в ободритский союз, всеми силами отстаивая свою независимость. Очевидно, всё время отсутствуют предпосылки для их тесного слияния с ободритами, и здесь дело не в одном только старом родовом и племенном сепаратизме, общем для всех полабских славян, а ещё в каких-то особенностях их общественной жизни. Обладая значительным морским флотом, хижане и черезпеняне, без сомнения, занимались не только разбоями у берегов Дании, но и торговлей с соседними народами, обслуживая, между прочим, вместе с рюанами сношения южных прибалтийских стран с более северными. Повидимому, они торговали, между прочим, и с Русью; по крайней мере мы имеем основание предполагать, что русские купцы бывали в соседнем Щетине¹. Достоверно известно, что ещё в XI в. они посещали Волынь². Связанная с грабежами торговля приморских лютичей была источником накопления у них значительных средств, о которых дают некоторое представление известия Гельмольда об огромных денежных суммах, неоднократно выплачиваемых ими в качестве военной контрибуции³. Богатство лютицких славян за Пенной утверждало их независимость, и недаром в своё время они оторвались от союза четырёх племён, возглавляемого ратарями с их святилищем бога Сваротича в Ретре, причём у них вырос собственный религиозный центр в виде святилища какого-то бога, местоположение которого в точности неизвестно (может быть, в главном городе хижан — Хичине). Освободив себя от опеки ратарей с их жречеством Ретры, хижане и черезпеняне лишь насильственно и временно вовлекались в состав ободритского государства при Готшалке и Генрихе, каждый раз возвращая себе независимость. Только временно они могли подчиниться и Никлоту, приняв на себя все обязательства его государства по отношению к немцам. Однако вскоре они стали тяготиться этими обязательствами, и так как немцы непосредственно им не грозили, они отказались платить дани герцогу и Никлоту и вышли из состава его государства. Никлоту можно было договориться с лютичами, лишь отказавшись от подчинения немцам и провозгласивши полную самостоятельность славянского государства за Лабой, как это было при Крутом, но он на такой шаг не решился и вступил на путь принудительного подчинения хижан и черезпенян себе и саксонскому герцогу. А так как для подчинения этих сильных лютицких племён собственных сил ободритских князей никогда не хватало, Никлот обратился к содействию немцев, как это делал в своё время Генрих, причём ободритский князь разгромил совместно с немцами религиозный центр хижан и черезпенян как символ их независимости.

Вовлечение немцев во внутренние распри славянских племён привело, конечно, к ещё большему отчуждению лютичей от ободритского князя, и хотя он «упивался победою», но эта победа, в сущности, знаменовала собой крушение его деятельности как борца за славянскую свободу и независимость. В действительности Никлот не объединил, а ещё более разделил силы полабских славян, и это произошло в то время, когда на них надвигалась новая волна немецкой агрессии. И хотя в борьбе с этой агрессивней Никлот ещё раз показал своё героismo, защищая славянство, однако он не мог противопоставить сплочённой силе немецких разбойни-

¹ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 145. СПб. 1879; в летописном известии 1165 г. значится: «Поставиша церковь святыя Троица Щетиницы». Последний термин толкуют как «щетинцы», т. е. в смысле указания на новгородских купцов, торговавших с Щетином. Ср. Т и х о м и р о в М. «О купеческих и ремесленных объединениях в древней Руси», «Вопросы истории» № 1 за 1945 год.

² См. Ad. Br. II, 19. *Nobilissima civitas Tumne celeberriman praestat stationem barbaris et Graecis...* Под последними, несомненно, подразумеваются русские.

³ Helm., I, 21, p. 48; I, 71, p. 140.

ков равную силу объединённых славян и погиб в неравной борьбе, а вместе с ним окончательно погибла и идея славянской независимости за Лабой.

Подведём итоги всему, что сказано о крестовом походе 1147 г. и его последствиях для славянства. Крестовый поход потерпел неудачу благодаря героическому сопротивлению славян. Опираясь на это сопротивление, славянские вожди, возглавляемые Никлотом, сумели мастерски организовать оборону славянской земли от вторгшихся в неё немецких хищников. Нашествие немцев ещё более усилило вражду к ним за Лабой, ярким выражением чего явилось полное нежелание славян принимать христианство. Крестовый поход привёл к тому, что немецкое влияние и христианство могли утвердиться у полабских славян только при условии переселения сюда немецких колонистов. Политическая раздробленность славян, обусловленная всем своеобразием их общественной жизни, не дала им возможности воспользоваться выгодной ситуацией, сложившейся после крестового похода, и утвердить свою самобытность. В частности тот человек, от которого больше всего можно было бы ожидать руководства в образовании единого фронта славян против немцев,— Никлот — оказался не в состоянии это сделать и, вернувшись к старой политике Генриха, искал опоры своей власти в помощи немцев. Восстановленное им большое ободритское государство попрежнему не имело внутренней спайки и держалось на внешнем принуждении. Естественно, что оно не могло выдержать нового столкновения с немецкими полчищами и погибло во время немецкого нашествия 1160 года.

ТРАКТАТ ЛА БОЭСИ О ДОБРОВОЛЬНОМ РАБСТВЕ

Проф. Ф. Коган-Бернштейн

«Рассуждение о добровольном рабстве» Этьенна Ла Боэси — один из замечательнейших документов французской публицистики XVI века. Пафос свободы, которым проникнута каждая строка его, яркая литературная форма, своеобразная красота его построенных на античный лад пространных периодов — всё это делает трактат рано умершего французского гуманиста одним из шедевров мировой политической литературы. Написанный в середине XVI в., в пору почти полного политического спокойствия, он стал, однако, прообразом и до известной степени исходным пунктом литературы французских монархомахов, превратившись в период религиозных войн в руках гугенотов в одно из орудий их борьбы против последних Валуа. Заражающая сила «Рассуждения о добровольном рабстве» продолжала действовать и века спустя, в моменты политических бурь или политического напряжения, когда, как например в эпоху французской революции и позднее, забытый, казалось, памфлет вновь воскресал, призывая людей совсем иных поколений к борьбе за свободу. И недаром вокруг этого небольшого трактата Ла Боэси создалась обширнейшая литература — достаточно назвать имена Монтеня, Сент-Бева, Ламене, Прево-Парадоля, Вермореля, не говоря о ряде позднейших исследователей, длинной чередой следующих друг за другом, начиная с конца прошлого века и вплоть до наших дней. Однако ряд существенных вопросов, связанных с трактатом Ла Боэси, остаётся нерешённым, и как на Западе, так и у нас до сих пор ведутся споры по поводу этого произведения. Исследователи расходятся между собой по вопросу о времени составления «Рассуждения»; не установлено также, имеем ли мы дело с текстом в том виде, в каком он вышел первоначально из-под пера Ла Боэси, или в нём сделаны существенные изменения и дополнения, и, если они сделаны, то кем: самим ли автором или каким-нибудь посторонним редактором; спорят по поводу самого характера и существа «Рассуждения», в котором одни видят острый политический памфлет, направленный против тогдашнего государственного строя Франции и тогдашних французских государей, другие — отвлечённое теоретическое рассуждение о пагубности тирании, а некоторые даже — чисто риторическое школьное упражнение на эту тему.

В предлагаемом очерке я хочу отметить некоторые важные стороны трактата Ла Боэси, на которые до сих пор не обращали надлежащего внимания исследователи его творчества.

I

Я не стану излагать подробно хода мыслей «Рассуждения о добровольном рабстве», содержание которого можно найти в многочисленных работах, посвящённых памфлету Ла Боэси. Я остановлюсь лишь на основных идеях его и постараюсь показать, что в трактате Ла Боэси проводятся одновременно две плохо вяжущиеся между собой концепции тирании, в основе которых лежат две различные трактовки государства.

На первых страницах «Рассуждения» дело излагается так, точно общество распадается на две совершенно неравномерные части: на одной

стороне имеется тиран, единовластитель, ОДИН (с прописными буквами: UN, как это можно видеть на стр. 79 «Рассуждения»¹), и этому единовластителю противостоит вся остальная несметная масса населения государства, безропотно переносящая все насилия и угнетение, чинимое над ней тираном. Ла Бюэси с недоумением останавливается перед этим загадочным явлением. Можно ещё понять, говорит он, что два человека или даже десяток людей боятся одного человека; но если сотни тысяч людей, если миллионы их терпеливо сносят тирану одного человека — и не какого-нибудь Геркулеса или Самсона, а часто ничтожнейшего человечка, hommeau, — то этого их трусостью объяснить нельзя. Ведь достаточно им, не то чтобы сделать какое-нибудь усилие для свержения тирана, а просто не захотеть повиноваться ему, отказаться выполнять его требования, чтобы их рабству пришёл конец. И рабство это приходится признавать добровольным, поскольку оно держится тем, что народы, словно очарованные именем ОДНОГО, сами не желают отказаться от него.

Чем же объяснить эту странность? Откуда взялась эта околдованность, зачарованность миллионных масс, как бы парализующая их волю? Причину этого Ла Бюэси видит во всепобеждающей силе привычки. По убеждению нашего автора, люди рождаются от природы свободными и любящими свободу. И если даже животные, как показывает повседневный опыт, яростно защищают свою свободу, жертвуя ради неё иногда даже жизнью, то ясно, что отказаться от неё люди могли лишь под давлением непреодолимых факторов. Ла Бюэси видит их в а с и л и и, и в о б м а н е, в хитрости. Так, Александр Великий, завоевав Грецию, подчинил её своей тирании; так, Дионисий, избранный сиракузцами в полководцы для отражения неприятеля, использовал обманным образом своё положение военачальника и стал тираном над своими согражданами.

Порабощённые насилем или хитростью, народы с трудом мирятся со своим положением. Но проходят годы, подрастает поколение, не знавшее свободы, и начинается всепокоряющее действие привычки, в результате которого люди, свыкаясь с неволей, начинают считать её своим естественным состоянием².

Таким образом, первой причиной добровольного рабства является, по Ла Бюэси, привычка, является то, что люди рождаются рабами и воспитываются в таком состоянии.

С утратой свободы люди теряют и мужество и вообще энергию, становятся неспособными к каким бы то ни было великим делам. Тираны, не довольствуясь этим, стараются ещё развратить народ всякого рода играми, зрелищами, празднествами, раздачей хлеба, вина и пр., как это практиковали, в частности, римские цезари. Особенно падки на эти приманки народные массы, грубая чернь — *le gros populas, le menu peuple, les lourdauds*: чернь, не понимающая, что в подачках тирана она получает лишь часть того, что он берёт у неё же. Как и многие другие гуманисты, Ла Бюэси относится свысока к непросвещённому народу и не жалеет обидных эпитетов для него.

Далее государи, чтобы придать больше значения своей власти, окружали себя и свой образ жизни особой таинственностью, вызывая у своих подданных религиозное благоговение к себе. К каким только выдумкам, играя на суеверии невежественных масс, ни прибегали они для усиления своей тирании! Так они внушали веру в то, что большой палец на ноге эфирского царя Пирра производит чудеса и излечивает от болезней седезёнки, что Веспасиан исцелял хромых; возвращал зрение слепым и т. п. Словом, тираны, не довольствуясь покорностью и рабством народа, ста-

¹ Цитирую везде «Рассуждение о добровольном рабстве» по Payen. «Notice bio-bibliographique sur la Boetie» Paris. 1853.

² Op. cit, p. 28.

рались всегда ещё для обеспечения своей власти приучить его относиться к ним с религиозным почтением.

Приведённые рассуждения изменяют довольно существенным образом намеченную на первых страницах «Рассуждения» концепцию её автора. В своём исходном пункте рабство народов является, как мы видим теперь, не добровольным, а вынужденным, будучи плодом или прямого насилия или насилия, замаскированного обманом. Только впоследствии, когда подрастает поколение, не знавшие свободы, рабство это перестанет быть буквально подневольным и в противоположность этому может быть названо добровольным, не понимая, однако, под этим сознательного отказа народов от своей свободы или примирения их со своей неволей: выросшие в неведении свободы народы не сознают своей несвободы, и все негодующие обличения Ла Боэси по их адресу, с которыми мы знакомимся в начале «Рассуждения», все его красноречивые тирады на тему о том, что тиран только один, что у него лишь два глаза, две руки, а порабощённых им миллионы, с миллионами глаз и рук, что не нужно никаких усилий и жертв, чтобы свергнуть тирана, а достаточно лишь не захотеть служить поработителю — вся эта пышная риторика направляется в пустое пространство. Это — речь, обращённая к глухорождённым. Подневольное первоначально рабство, превратившись в ходе времени в добровольное, в указанном условном смысле слова, призвано, повидимому, не иметь конца.

Но дело всё же у Боэси не так безнадежно, как оно представляется на основании сказанного. В обширном царстве глухих к голосу свободы, оказывается, имеются и люди с чутким слухом. Как указывает Ла Боэси, всегда имеется некоторое число более одарённых от природы людей (*mieux nays*), чувствующих тягость рабства. Они не забывают естественной свободы человека, помнят то, как жили свободно их предки. Они, «имея ясную голову и пронизательный ум, не довольствуются, в отличие от грубой черни, тем, чтобы смотреть себе только под ноги, но глядят и вперёд и назад, восстанавливают прошлое, чтобы судить о настоящем и будущем, они, обладая от природы хорошо устроенной головой, ещё отшлифовали свой ум научными занятиями; они — если бы даже свобода окончательно погибла и исчезла из мира — представляют её себе, чувствуют и переживают её в душе своей и никогда не найдут рабства по своему вкусу, как бы его ни наряджали и ни прикрашивали»¹.

Этих свободолюбивых и просвещённых людей, может быть, не так мало. Но тираны — Ла Боэси ссылается здесь на пример Турции — понимают всю опасность для их господства просвещения и сговора между обладателями его и всячески препятствуют и тому и другому. Благодаря этому обычно «энергия и устремления тех, кто вопреки действию времени сохранили любовь к свободе, — как бы велико ни было их число, остаются безрезультатными, потому что они не знают о существовании друг друга (*pour ne s'entrecognoistre point*); под владычеством тирана они лишены всякой возможности делать и говорить что-нибудь, чуть ли не даже мыслить; они остаются совершенно одинокими со своими взглядами»².

Из этих вольнолюбивых одиночек выходят, очевидно, те героические борцы с тиранией, вроде древних Гармония и Аристокритона, Брутов старшего и младшего и др., подвигам которых Ла Боэси посвящает вслед за тем несколько хвалебных строк. Но следует ли отсюда, что Ла Боэси рекомендует (как это утверждают некоторые исследователи) в качестве средства для свержения тирании тираноубийство, царевубийство, или что царевубийство является логическим выводом из его построений? Я не думаю этого. Несколько прочувствованных и естественных в устах респуб-

¹ Op. cit., p. 108.

² Ibidem, p. 109.

ликански настроенного гуманиста фраз по адресу прославленных тираноубийц античности нельзя принять за практическую программу действий. Идея цареубийства и вообще революционных действий не только не вяжется с позднейшей деятельностью Ла Бозси на государственной службе — это можно было бы объяснить происшедшей в нём с годами эволюцией: юноша-революционер, как это водится, образумился современем и стал законопослушным, добросовестным чиновником, — но не мирится вообще с духовным обликом Ла Бозси, для которого, как и для Монтеня, «правилом правил» было подчиняться законам своей страны (Монтень, как мы увидим в дальнейшем, прямо утверждает это). Цареубийство — не забудем этого — не всегда приводило к желанной цели: подвиг Брута и Кассия не предотвратил гибели римской республики. Наконец, как указывает и сам автор «Рассуждения», сколько раз «святым именем свободы» прикрывались замыслы честолюбцев, свергавших старую тиранию для замены её новым деспотизмом!»¹.

Но если не в цареубийстве, то в чём же видел Ла Бозси средство для свержения тирании? Ответить на это с достоверностью невозможно. Вероятнее всего, что подобно всем гуманистам он возлагал особые надежды на силу разума, на рост просвещения, которое с течением времени должно преодолеть все чинимые ему тиранией помехи. Вольнолюбивые одиночки, перестав быть разрозненными и объединив свои усилия, сумеют своей проповедью свободы раскрыть глаза народу, единодушный отказ которого подчиняться тирану, рекомендуемый в начале «Рассуждения» (единодушное «нет»), должен положить конец рабству.

Имея в виду, очевидно, эти красноречивые призывы к народам отказывать в повиновении тирану, Монтень в опыте «О воспитании» высказал догадку, будто основная мысль «Рассуждения» была навеяна Ла Бозси чтением одного места у Плутарха. «Замечание Плутарха, — пишет Монтень, — что жители Азии находились в рабстве у одного человека потому, что они не умели произнести одного единственного слова «нет», дало, может быть, Ла Бозси повод и идею его «Добровольного рабства»².

Дело, разумеется, не в вычитанной у Плутарха фразе. Но всё построение Ла Бозси носит такой отвлечённый характер, так отдаёт книгой, что вряд ли оно могло быть подсказано живой действительностью. Историк де Ту, как известно, заявлял, что «Рассуждение» было написано 19-летним Ла Бозси под непосредственным впечатлением свирепой расправы с бордоским восстанием 1548 г. и как ответ на неё³. С этим мнением французского историка никак нельзя согласиться. Можно ли себе представить, чтобы в злободневном памфлете, написанном молодым автором чуть ли не на следующий день после кровавых событий августа 1548 г., не нашлось ни малейшего намёка на них, на жестокость коннетабля Монморанси, и чтобы вызванное ими негодование автора вылилось только пусть в блестящих, но абстрактных и холодных диатрибах против тиранов вообще, а не против только что свершившихся актов тирании?

Но если даже принять версию де Ту, то нельзя не отметить, что Ла Бозси в своём «Рассуждении» как будто совершенно игнорировал уроки бордоского восстания и вообще выступление жителей Гиени против нового налога на соль. Ведь события 1548 г. на югозападе Франции показали, что голым и всепобеждающим «нет» дело не ограничивается, что пассивное сопротивление требованиям тирана почти немедленно превращается в активное, в ответ на что тиран, оказывающийся вовсе не одиноким, пускает в ход превосходящую воинскую силу. Если сам тиран — не Геркулес и не Самсон, а жалкий человек, то находящийся в его рас-

¹ Op. cit. p. 111.

² «Essais de Montaigne», éd. Louandre. T. I, p. 215. Paris. 1862.

³ De Thou «Histoire», I., V. p. 13.

поряжении аппарат принуждения может с успехом заменить не один десяток Геркулесов или Самсонов. Нет, учение о всеобщем отказе повиноваться тирану, как о действенном и притом бескровном, не требующем жертв средстве покончить с «добровольным рабством», не есть обобщение исторического опыта, а представляет чисто книжное, головное построение, покоящееся на той наивной концепции общества и государства, которой продиктованы первые страницы «Рассуждения».

Но рядом с ней и как бы в дополнение к ней Ла Бозси развивает во второй половине своего памфлета совсем иную теорию государства, к анализу которой я и перейду теперь.

II

Даровые театральные и цирковые зрелища, раздачи хлеба и вина, эксплуатация суеверия масс и пр. — таковы средства, которыми, как мы видели, пользуются тираны, чтобы приучить людей к добровольному рабству. Однако эти средства годятся лишь для низших народных масс, для грубой черни. Но главной основой тирании, тайной пружиной деспотизма (*le secret et ressort de la domination*) служит другое. Ла Бозси отвергает предположение, что охрана — конная или пешая — является опорой и защитой тиранов. История римских императоров убедительно свидетельствует о том, что гвардия чаще расправлялась с ними, чем охраняла их. «Трудно поверить этому с первого раза, — сообщает Ла Бозси свою сокровенную мысль, — но бесспорно то, что тирана всегда поддерживают четыре или пять лиц; четыре или пять держат для него в порабощении всю страну»¹. У тиранов всегда были пять или шесть приспешников, пять или шесть соучастников их жестокостей, насилия и разврата. С этими шестью фаворитами оказываются связанными шестьсот пользующихся их милостями людей, от которых, в свою очередь, зависит шесть тысяч других лиц — управляющие провинциями, заведующие финансами и т. д. Спускаясь ещё ниже, разматывая клубок, мы увидим уже «не шесть тысяч, а сотни тысяч, миллионы связанных этой нитью с тираном людей.. И в результате получается, что благодаря системе милостей, системе подачек (*guaings ou reguaings*) со стороны тиранов оказывается почти столько же людей, для которых тирания, повидимому, выгодна, как и людей, которым свобода дорога»².

И ещё ярче формулируя эту новую концепцию тирании, Ла Бозси пишет: «Таким образом, тиран порабощает своих подданных одних посредством других, и его охраняют те самые люди, которых, если бы они чего-нибудь стоили, он должен был бы остерегаться. Но, как говорится, чтобы расколоть дрова, он пользуется клиньями из самих же этих дров: вот его стрелки, вот его охрана, вот его копейщики»³.

Вслед за этим кардинальным тезисом идёт ряд страниц, в которых Ла Бозси обрушивается на систему фаворитизма, обличает гнусную и в то же время жалкую роль фаворитов, ненавистных народу, пожалуй, ещё более самого тирана. Как ни красноречивы эти филиппики Ла Бозси, как ни актуальны были, может быть, для его времени эти обличения приспешников тирана (хотя примеры, по обыкновению, он заимствует из древней истории), но к пониманию его теории добровольного рабства они не прибавляют ничего нового. Опустив их поэтому, я приведу лишь заключительный абзац «Рассуждения», завершающий самым неожиданным образом знаменитый памфлет:

«Станем же иногда, станем же поступать добродетельно; поднимем очи горé, либо ради нашей чести, либо из любви к самой добродетели,

¹ Payen «Notice bio-bibliographique...» p. 130. Paris. 1853.
Op. cit., p. 131.

² *Ibidem*, p. 132—133.

либо, говоря по совести, ради любви и чести всемогущего бога, достоверного свидетеля наших поступков и праведного судьи наших прегрешений. С своей стороны я убеждён — и думаю, что не ошибаюсь в этом, ибо нет ничего противнее богу, при всём его милосердии и благодати, чем тирания,— что им в загробной жизни отдельно уготовано какое-то особенное наказание для тиранов и их приспешников»¹.

Свою главную «тайную» пружину добровольного рабства Ла Бозси излагал как простое продолжение данных им до того объяснений власти тирана, не замечая вовсе, что он этим совершенно опрокидывает своё первоначальное построение. Действительно, на первых страницах «Рассуждения» мы имели дело с антитезой тирана — совершенно одинокого властителя и зачарованного именем «ОДНОГО», всего остального народа, которому достаточно только сказать своё единодушное «нет», чтобы одним этим разогнать наводнение и разрушить чары, удерживающие его в рабстве. В конце же «Рассуждения» перед нами совсем иная трактовка государства, иное понимание взаимоотношений между тираном и угнетаемым им народом. Единовластитель вовсе не одинок: в его тирании заинтересовано почти столько же людей, сколько имеется жертв его деспотизма. Он находится на вершине огромной социальной пирамиды, пронизывающей всю толщу общества и раскалывающей его на две почти равные части. В этой пирамиде из приспешников тирана и зависимых от них лиц некоторые исследователи готовы были видеть бюрократический аппарат государства. Это не так. Ведь сюда же относятся, кроме чиновничества, и разные откупщики государственных налогов с окружающими их служащими, и поставщики двора, и придворная челядь, и охрана государя, и т. д., — словом, смешанное и пёстрое множество лиц, живущих так или иначе милостями монарха. Если они, вопреки утверждению склонного к преувеличениям Ла Бозси, не так многочисленны, как подвергающаяся эксплуатации часть населения, если их даже во много раз меньше последней, то зато они несравненно сильнее своей организованностью, чем расплывчатый и привыкший к игу рабства народ. И добровольное рабство оказывается в конце концов подневольным, ибо, как мы видели, тиран подчиняет себе одну часть своих подданных при помощи другой. И для свержения тирании уж не приходится рассчитывать на простой, бескровный жест, на единодушное «нет» населения, ибо этого единодушия вовсе нет, а если бы угнетённый народ послушался призывов Ла Бозси и отказал в повиновении тирану, то его постигла бы та же участь, что население Гиени и Бордо, которое отказалось вносить соляной налог, на него обрушилась бы вооружённая сила тирана, часть той пирамиды угнетателей, на вершине которой находится сам деспот. Борьба была бы неравной, безнадежной. И с этой новой концепцией добровольного рабства вполне гармонирует концовка «Рассуждения», в которой автор его, точно отчаявшись в земных средствах борьбы с тиранией, апеллирует к небесным силам, сжидая особых загробных кар для тирана и его приспешников.

Не говоря о мелких невязках «Рассуждения», об отсутствии чёткого ответа на основной вопрос насчёт способа уничтожить добровольное рабство, одно это коренное противоречие между двумя противоположными трактовками тирании ясно показывает, насколько теоретически несостоятельна мысль Ла Бозси, несмотря на всю энергию и красоту стиля, в который облечена эта мысль. Даровитый юноша-автор нашёл могучие слова для осуждения тирании, слова, действие которых сказалось во Франции ещё века спустя в моменты общественных потрясений, но в своём теоретическом построении он не свёл концы с концами.

¹ Op. cit., p. 145.

III

«Даровитый юноша-автор», — сказала я. Сколько, однако, лет было этому юноше, когда он писал своё «Рассуждение о добровольном рабстве»? Вопрос этот, разделяющий исследователей, представляет не только биографический интерес, но имеет также известное значение по существу, для правильного понимания характера памфлета Ла Бюэси. Де Ту, как мы видели, утверждал, что его написал вскоре после подавления бордоского восстания в 1548 г. 19-летний Ла Бюэси. Но если верить свидетельству ближайшего друга Ла Бюэси — Монтеня, если считаться с его заявлением в опыте «О дружбе» (в котором он рассказывает историю своей исключительной дружбы с автором «Рассуждения»), то памфлет был написан, когда Ла Бюэси было 18 лет, т. е. до бордоского восстания. Замечательно, однако, что, редактируя незадолго до смерти свои «Опыты» для нового издания их, Монтень зачеркнул названную цифру, написав вместо неё слово «шестнадцать». Некоторые исследователи объясняют это разноречие тем, что Монтень, желая обелить в глазах потомства память друга от обвинения в составлении субверсивного памфлета, старался по возможности снизить возраст автора, выдавая «Рассуждение» за литературный опыт не юноши даже, а мальчика. Может быть, это так, а может быть, разноречие объясняется какой-нибудь аберрацией памяти Монтеня, внёсшего свою поправку четверть века спустя после смерти друга.

Вопрос о хронологии «Рассуждения» осложняется ещё и тем, что в нём имеются ссылки на произведение поэтов школы плеяды — Дюбелле, Ронсара, Баифа¹, которые отодвигают дату составления памфлета до 1552—1553 гг., когда Ла Бюэси было уже 22—23 года. Это ставит перед нами альтернативу: либо всё «Рассуждение» было написано 22—23-летним Ла Бюэси, либо мы имеем дело с позднейшей вставкой в него. Кто же автор вставки? И если названное место касательно поэтов плеяды — вставка, то единственная ли она?

Вопрос о дате составления «Рассуждения» имеет, как я сказала, некоторое значение для понимания характера памфлета, выяснения того, является ли он просто горячо написанным, но отвлечённым трактатом о пагубности тирании вообще или памфлетом, отвечающим на политические злобы дня тогдашней французской действительности. Если принять версию де Ту, утверждавшего, будто «Рассуждение» было написано под живым впечатлением зверств при подавлении бордоского восстания, то оно, конечно, является актуальным, даже актуальнейшим политическим памфлетом. Но совсем в противоположном пытается убедить нас Монтень, свидетельство которого заслуживает, конечно, особенного внимания. Прежде, однако, чем привести его, я скажу несколько слов по поводу тесно связанного с этим вопроса об издании «Рассуждения».

В 1571 г. Монтень в качестве литературного душеприказчика Ла Бюэси выпустил литературное наследие своего покойного друга, умершего в 1563 г., — несколько переводов классических авторов, а также латинские и французские стихи Ла Бюэси. В его распоряжении имелись также рукописи «Рассуждения о добровольном рабстве» и статьи о январском эдикте 1562 г., гарантировавшем, в известных границах, гугенотам отправление их религиозного культа. Но Монтень считал политический момент неподходящим для опубликования этих работ, или как он выразился в своём обращении к читателю, «он находил их слишком деликатными и хрупкими, чтобы подставить их под бурю такой непогоды» (pour les abandonner au grossier et pesant air d'une si mal plaisante saison)².

Однако копии «Рассуждения», во всяком случае, ходили тогда по

¹ Op. cit., p. 126.

² Essais de Montaigne, ed. Louandre. T. IV, p. 392. Paris. 1862.

рукам, как писал об этом несколько лет спустя тот же Монтень в своём опыте «О дружбе»¹.

В 1574 г. в гугенотском сборнике «Réveille Matin», сперва в латинском издании его, затем во французском, помещён был довольно значительный отрывок из памфлета Ла Бозси, причём редакторы сборника кое-где изменили текст «Рассуждения», внося в него намёки, относившиеся к политической обстановке Франции. Монтень между тем занимался в это время составлением своих «Опытов», в частности главы «О дружбе», в которой он собирался наряду с рассказом о своей близости с Ла Бозси дать и «Рассуждение о добровольном рабстве», которое, по его словам, послужило поводом для их первого знакомства.

Неясно, чем была вызвана перемена в намерениях Монтеня, почему он решился в бурные годы, наступившие после Варфоломеевской ночи, выпустить вещь, которую он из соображений осторожности отказался опубликовать в сравнительно спокойный период, предшествовавший резне 24 августа 1572 года. Правда, «Опыты» пока только писались и не предназначались для немедленного напечатания — вышли они действительно только через несколько лет, в 1580 году. Рассчитывал ли Монтень, что страсти за это время улягутся и что «непогода», так смущавшая его в 1570 г., пройдёт в 1580 году? Так или иначе, но Монтень, по его словам, собирался издать «Рассуждение», и глава «О дружбе» заканчивалась, или, вернее, должна была закончиться, следующими словами: «Послушаем же этого шестнадцатилетнего (сперва было 18-летнего) гасконца»², — вслед за чем должно было идти «Рассуждение о добровольном рабстве».

Всё это должно было быть, но дело обернулось иначе. В 1576 г. вышел сборник гугенотского пастора Симона Гуляра «Mémoires de l'Etat de France sous Charles IX», в одном из выпусков которого был помещён памфлет Ла Бозси, на этот раз уже полностью. Издание Гуляра изменило, очевидно, все планы Монтеня, ибо в главе «О дружбе», непосредственно после слов «Послушаем же этого шестнадцатилетнего гасконца» и несколько отступя, мы читаем: «Так как я увидел, что это произведение (т. е. «Рассуждение о добровольном рабстве». — Ф. К.-Б.) было впоследствии опубликовано, и с дурными целями, людьми, старающимися внести смуту и изменить наш государственный строй, не думая о том, исправят ли они его этим, и так как они смешали его с другими писаниями в их вкусе (de leur farine), то я отказался от мысли поместить его здесь. А для того, чтобы память автора не пострадала в глазах лиц, не знавших как следует его взглядов и его поступков, то я предупреждаю их, что эта тема трактовалась им в ранней юности (en son enfance) в целях чисто литературного упражнения (par manière d'exercitation seulement) как избитая тема, без конца разбиравшаяся в тысячах книг»³.

Я оборву пока на этом рассказ Монтеня. Мы видим, таким образом, что уже современники Ла Бозси разделились по вопросу о понимании характера «Рассуждения о добровольном рабстве», что уже в XVI в. возникли те две основные трактовки его, которых с некоторыми вариациями и до сих пор придерживаются исследователи; одни видят в трактате Ла Бозси памфлет, метивший в политические порядки тогдашней французской монархии, а другие — не имеющее никакого отношения к окружающей Ла Бозси французской действительности, — отвлечённое, хотя литературно яркое рассуждение на тему о тирании⁴.

¹ Essais de Montaigne, ed Louandre. T. I, 259.

² Ibidem, p. 247.

³ Ibidem.

⁴ Не приводя длинного списка толкований «Рассуждения» разными исследователями, я укажу лишь на два примера таких прогивоположных оценок памфлета: Сент-Бёва и Арменго. Для Сент-Бёва, писавшего в середине прошлого века, трактат Ла Бозси представляет «классическую декламацию, шедевр десятиклассника». Наоборот, болес

Я лично придерживаюсь второго толкования. Правда, в «Рассуждениях» кое-где вкраплены какие-то глухие и неопределённые намёки на окружающую автора действительность¹. Имелись ли они в первоначальном тексте или были внесены потом лицами, окончательно отредактировавшими его, — и в том и в другом случае эти краткие и туманные ссылки на современность не меняют основного характера труда Ла Бозси, представляющего по форме очень яркое и сильное, а по существу теоретически слабое рассуждение о политическом рабстве народов вообще, о причинах этого рабства и способах избавления от него. Возможно, что поводом к написанию трактата послужило для Ла Бозси какое-нибудь актуальное событие из жизни тогдашней Франции, но оно дало только толчок для разрядки той массы образов и идей, которые накопились у юноши-гуманиста от многолетнего и ежедневного общения с книжной стихией, в частности с литературой античности. Когда французский автор Баррер², разыскивая литературные источники «Рассуждения» и рассматривая каждую фразу его как бы в лупу, превращает трактат Ла Бозси в какую-то мозаику из заимствованных у разных, главным образом древних, авторов цитат, склеенных между собой только собственными образами Ла Бозси, то он превращает в карикатуру правильную по существу мысль об исключительном всепроникающем влиянии на «Рассуждение о добровольном рабстве» книжных реминисценций. Но при всём этом влиянии трактат Ла Бозси — глубоко личное произведение, и личные не только образы, не только литературное оформление памфлета, но и пронизывающие всё «Рассуждение» страсть, ненависть к абсолютизму и пафос свободы, заражающе действовавшие не только в раскалённой атмосфере религиозных войн XVI в., но и много позже, века спустя, в моменты революционных гроз. Если «Рассуждение о добровольном рабстве» — это не направленный против политического строя Франции эпохи последних Валуа памфлет, то это и не просто литературное упражнение, «классическая декламация», как выражается Сент-Бёв, декламация, в которой юноша-автор пробовал своё перо и в которой он мог бы с таким же талантом и блеском защищать тезис о пользе для блага народов абсолютной власти, как он защищал противоположный тезис о пагубности её.

близкий к нам по времени, — правда, несравненно менее авторитетный, чем знаменитый критик — автор, именно Арменго утверждает, громоздя одну гипотезу за другой, что «Рассуждение о добровольном рабстве», в том виде как оно было опубликовано, представляет результат переработки первоначального текста Ла Бозси Монтенем, который превратил его в острый политический памфлет, направленный против Генриха III и окружавшей его камарилы, и передал затем его для напечатания гугенотам, а в своих «Опытах», по соглашению с теми же гугенотами, для отвода глаз возмущался опубликованием труда Ла Бозси в сборнике гугенотских политических памфлетов и старался представить «Рассуждение» безобидным литературным упражнением (D-g Atmaingaud «Montaigne pamphletaire». Paris. 1910).

¹ Так, на стр. 84 Ла Бозси, говоря о том, как один тиран расправляется с сотней тысяч городов, лишая их свободы, замечает: «Кто бы этому поверил, если бы он знал это только понаслышке, а не видел, и притом видел лишь в чужих странах и далёких краях». На стр. 120 мы читаем о людях, которые и в наше время, делая зло, маскируют его прекрасными рассуждениями об общественном благе. На стр. 135, изображая недолговечность благополучия фаворитов, полностью зависящих от капризов тирана, Ла Бозси советует, чтобы убедиться в этом, раскрыть все древние истории и заглянуть в хроники современности. Говоря опять-таки о фаворитах и приводя несколько примеров их из римской истории, Ла Бозси на стр. 144 описывает, как они ненавистны всему народу, всему свету, который вплоть до крестьян, вплоть до землепашцев, знает и проклинает их имена. Ясно, что фаворитами, имена которых знают даже крестьяне, не могут быть античные Бурр и Сенека, о которых речь идёт у Ла Бозси раньше. Для современников Ла Бозси все эти намёки были, конечно, прозрачнее, чем для нас, и они могли подставлять конкретные фигуры там, где мы находим лишь общие, неопределённые обличения. Но всё же эти случайные обращения к современности — если они даже не дело рук позднейших редакторов — не превращают «Рассуждения» в актуальный политический памфлет.

² Barrère J. «L'humanisme et la politique dans le Discours de la servitude volontaire». Paris. 1923.

Ла Бозси выразил в «Рассуждении» свои подлинные убеждения — свою ненависть к деспотизму, любовь к свободе, преклонение перед республиканским идеалом, который представлялся ему особенно полно осуществлённым в современной ему Венеции и в доимператорском Риме.

Конечно, республиканизм Ла Бозси был отвлечённый, головной, книжный, а не действенный и боевой, и легко уживался с законопослушностью, с лойяльным отношением к французской монархии, которую автор «Рассуждения» исключал даже из своего принципиального осуждения единовластия. И это исключение было сделано Ла Бозси не просто из-за цензурных соображений: оно было в основе чистосердечным, искренним при всей его непоследовательности. Если любимые древние авторы ставили перед Ла Бозси идеал республиканской свободы, то духовная атмосфера, в которой он фактически жил, — настроение всех классов общества и, в частности, университетской среды с её профессурой, исконной идеологической поборницей абсолютизма, — могла только породить культ королевской власти, объединившей Францию и доставившей ей такое славное место среди прочих народов. Когда бы в точности ни было написано «Рассуждение» — в 1546 ли году, как утверждает Монтень, или в 1552—1553 гг., как выходит, судя по упоминаниям о поэтах школы Плеяды, — но в это время, т. е. около середины XVI столетия, ещё далеко было до кризиса французского абсолютизма, начавшегося лишь ряд лет спустя. К этому, свойственному всей эпохе, почитанию королевской власти, нашедшему своё яркое выражение в популярном припеве датирующей ещё от времён Людовика XII песенки:

«Un roy, une foi, une loi».

(«Один король, одна вера, один закон»),

надо прибавить свойственную лично Ла Бозси (как, впрочем, и Монтеню и ряду других видных деятелей эпохи) верховную заповедь подчинения закону и обычаю страны, в которой родился¹. Всосанный, выражаясь фигурально, с молоком матери девиз «Un roy» сталкивался в душе Ла Бозси с навешанным книгами лозунгом «Cont'up» (как удачно было окрещено современниками «Рассуждение о добровольном рабстве»), и этим тоже, может быть, — а не одной только незрелостью теоретической мысли молодого автора, — объясняются указанные мною противоречия памфлета Ла Бозси и отсутствие в нём настоящего, практического заключения.

Говоря всё это, я, собственно, иду по следам Монтеня, развивая высказанные им в опыте «О дружбе» взгляды на памфлет Ла Бозси. Правда, на первый взгляд может показаться, что Монтень считал «Рассуждение» просто литературной декламацией — *exercitation*, как он выражается. Но свидетельство Монтеня надо брать не частично, а целиком. Действительно, вслед за приведённым мною выше из главы «О дружбе» отрывком, в котором он даёт такую безобидную характеристику юношеской работы Ла Бозси, мы читаем: «Я нисколько не сомневаюсь, что он верил в то, что он писал, ибо он был достаточно совестлив, чтобы не лгать даже в игре. И я знаю сверх того, что, если бы перед ним был выбор, он предпочёл бы родиться в Венеции, а не в Сарла (родина Ла Бозси. — Ф. К.-Б.) и с полным основанием».

¹ См. в опыте «О суете» («De la vanité»). Т. IV, стр. 69. Монтень пишет: «Не в силу субъективных мнений, а поистине для каждого народа превосходным и наилучшим государственным строем является тот, при котором он сохранился: его существенная форма и удобство зависят от привычки. Мы охотно жалуемся на наше настоящее положение; однако я думаю, что стремиться в демократическом государстве к власти немногих, или при монархии к другой форме правления — это порок и безумие». Это тот традиционализм и консерватизм Монтеня (как и Ла Бозси), который побуждал автора «Опытов», монархиста для Франции, защищать в спорах в лице Помпея и Брута дело римской республики против Цезаря.

Таким образом, Монтень даёт ясно понять, что взгляды, изложенные в «Рассуждении о добровольном рабстве» — этом якобы простом упражнении на избитую, ходячую тему, — представляют подлинные убеждения Ла Боэси, который, если бы это зависело от него, предпочёл бы родиться в республиканской Венеции, а не в монархической Франции.

«Но,— вводит сейчас же важный корректив Монтень,— у него было другое, верховно запечатлённое в его душе правило: благоговейнейшим образом повиноваться законам, под господством которых он родился. Никогда не было лучшего гражданина, гражданина, более интересовавшегося спокойствием своей страны и более враждебно относившегося к беспорядкам и новшествам своего времени; он скорее употребил бы свои знания, чтобы остановить их, чем для того, чтобы ещё более возбудить их; его дух был скроен по другому образцу, чем у названных выше лиц»¹ (т. е. людей, стремящихся изменить государственный строй Франции и опубликовавших «Рассуждение» Ла Боэси среди своих мятежных памфлетов.— Ф. К.-Б.).

При оценке «Рассуждения о добровольном рабстве» это обстоятельное свидетельство Монтеня имеет основное значение и весит гораздо больше, чем краткие показания таких лиц, как историк де Ту или другой историк, гугенот д'Обинье (утверждавший, будто «Рассуждение» было написано Ла Боэси под влиянием оскорбления, нанесённого ему каким-то наглецом-придворным). Монтень был сверстником Ла Боэси (он был моложе его на 2—3 года), жил с ним душа в душу последние шесть лет его жизни и писал о нём сравнительно скоро — лет через 10—12 после его смерти. Де Ту и д'Обинье были значительно моложе Ла Боэси: одному из них было 10, другому—13 лет, когда автор «Рассуждения» умер, — и писали они о нём лет через 40—50 после его смерти. Но, говорят, Монтень способен был, когда это ему нужно было, не особенно считаться с истиной, и в данном случае, желая, чтобы память его друга осталась чистой в глазах благонамеренного потомства, он по возможности снижал возраст Ла Боэси в момент писания им «Рассуждения» и превратил острый политический памфлет в чисто литературное упражнение.

Я не берусь решать вопрос о том, чем обуславливалась у Монтеня датировка составления «Рассуждения,— я уже касалась этого выше,— но, подчёркиваю, если он и называет трактат своего друга упражнением, то тут же прибавляет, что оно выражало истинные взгляды Ла Боэси, который даже в игре не лгал. Можно ли, однако, в таком случае говорить вообще об упражнении?

Ла Боэси не был, конечно, ниспровергателем основ, как это поясняет дальше Монтень. Подобно последнему, Ла Боэси, очевидно, видел образец в Сократе, учившем повиноваться законам отчизны, даже когда они несправедливы. Этот общий обоим традиционализм и лойялизм были, может быть, — не говоря, конечно, об одинаковых гуманистических интересах, — основой их близости. И, повторяю, лойялизм Ла Боэси питался не только книжными реминисценциями вроде названной нами заповеди Сократа или аналогичного учения Пиррона, но и общим духом верноподданничества, характерным для французского общества середины XVI века. Республиканский идеал был для Ла Боэси очень далёкой утопией, которой суждено, может быть, когда-нибудь осуществиться, но в каком-то неопределённом будущем, когда свободолюбивые одиночки опознают друг друга, когда грубая чернь приобщится к просвещению и благодаря проповеди этих одиночек обретёт стремление к исконной, заложенной в человеке природой, свободе. А до тех пор: «Intus ut lubet, foris ut moris» («Про себя думай, что угодно, а на людях поступай как принято всеми»)—

¹ «Essais de Montaigne», T. I, p. 278.

максима, с жаром защищавшаяся Монтенем, высказывавшим в этом случае, несомненно, общий ему с Ла Бозси принцип поведения¹.

Если иметь в виду теоретическую неслаженность «Рассуждения», то является соблазн принять версию Монтеня о том, что оно написано 18- или даже 16-летним юншей, очень начитанным и талантливым, но всё же незрелым. Однако более правдоподобной кажется мне гипотеза Бонефона относительно составления памфлета в эпоху студенческой жизни Ла Бозси, во время пребывания его в стенах знаменитого Орлеанского университета, где среди увлекавшихся античностью юношей могли найтись и сочувствовавшие его взглядам студенты, стараниями которых были изготовлены ходившие потом по рукам копии «Рассуждения». Памфлет Ла Бозси в этом случае отражал бы не только личные его убеждения, но и настроения некоторой, теоретически, настроенной республикански, а практически, лойяльной прослойки французской интеллигенции.

Однако, каков бы ни был личный замысел Ла Бозси при составлении им «Рассуждения о добровольном рабстве», но опубликованное четверть века спустя в гугенотском сборнике, смешанное, как выражается Монтень, с другими писаниями в их, гугенотов, вкусё, оно, естественно, приобрело характер актуального политического памфлета, не имевшийся первоначально в виду его автором. Этому немало способствовал абстрактный, а не конкретный характер «Рассуждения», позволявший приурочить его страстные обличения деспотизма единовластителей, его негодующие описания тиранов и их фаворитов к политической обстановке Франции после Варфоломеевской резни и к находившимся тогда на престоле последним Валуа — Карлу IX, Генриху III — и их приспешникам и «миньонам». И, как мы знаем из свидетельства де Ту, который был в это время уже не мальчиком, и некоторых других современников, «Рассуждение о добровольном рабстве» оказало, подобно другим боевым произведениям гугенотской публицистики, своё влияние на рост оппозиции абсолютизму среди французского общества.

У книг своя судьба, по знаменитому латинскому изречению. Выйдя из рук своих авторов, они начинают вести своё самостоятельное существование, перерастая иногда в нечто отличное от первоначальных замыслов их творцов. Субъективное намерение писателя и объективное значение его творения — вещи различные, часто несоизмеримые. Это относится и к «Рассуждению о добровольном рабстве». Плод кабинетного творчества, предназначенный, должно быть, только для избранного кружка единомышленников-книжников, оно, в силу своеобразного стечения обстоятельств, было выведено на публичную арену бурной политической борьбы, став орудием яростной антиправительственной пропаганды.

¹ В опыте Монтеня «О привычке и о том, что не следует легко изменять принятые законы» мы читаем следующее: «Мудрец должен убрать вовнутрь свою душу от давления окружающего (de la presse) и сохранять свободу и способность свободно судить о вещах; но вовне он должен полностью следовать общепринятым формам и манерам. Обществу нет дела до наших мыслей; но всё остальное: наши поступки, наш труд, наша участь и наша жизнь — должно быть предоставлено в распоряжение общества и сообразоваться с общепринятыми взглядами: так добрый и великий Сократ отказался спасти свою жизнь ценою неповиновения власти, пусть даже крайне несправедливой и неправедной власти, ибо правилом правил, всеобщим законом законов является то, что каждый должен соблюдать закон своей страны» (Essais de Montaigne, ed Louandre. T. I p. 150. Paris, 1862.

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

К ВОПРОСУ О СУДЕ НАД МАКСИМОМ ГРЕКОМ*

И. Смирнов

I

Вопрос о суде над Максимом Греком имеет свою литературу и не раз был предметом внимания историков. Достаточно перечислить такие имена, как Филарет¹, Макарий², Голубинский³, — из историков церкви; этим вопросом занимались также Иконников⁴, Дунаев⁵, Ржига⁶, Чернов⁷.

Но результаты этих исследований далеко не равноценны. Большинство авторов, касавшихся вопросов о суде над Максимом Греком, не шло дальше логических рассуждений на тему о совместности (или несовместности) характера вины, предъявленной Максиму Греку на суде, с общим обликом греческого монаха как политического и культурного деятеля.

Такая постановка вопроса в значительной степени предопределяла и самое его решение. «Преподобный Максим Грек», конечно, не мог быть замешан в измене московскому великому князю.

Наиболее ярким представителем этой точки зрения в дореволюционной литературе является Е. Е. Голубинский, считающий обвинения, выдвинутые против Максима Грека, настолько нелепыми и клеветническими, что они не нуждаются даже в опровержении: «Два греческих монаха, живущие в Москве, затевают такое дело, как посредством своих

писем к пашам и султану возбудить последнего к войне против великого князя: похоже ли это на что-нибудь сколько-нибудь вероятное? И для чего монахи пожелали бы возбудить султана к войне? Чтобы он завоевал Россию? Но какая бы была монахам польза от этого? и была ли хоть одна не совершенно скотская душа в Европе, которая желала бы, чтобы какая-нибудь страна была завоевана турками? Но положим, что совершенно невозможное было возможно султану, вовсе не помышлявший о том, чтобы воевать против России, о чём по географическим условиям помышлять ему было бы и совсем нелепо, находился тогда в таких отношениях с великим князем, что письма монахов тотчас же были бы доставлены в Москву. И если бы до такой степени тяжкое обвинение имело хотя бы тень правды то вместо заточения в монастыри, которому подверглись Максим и Савва, не случилось ли бы того, чтобы они осуждены были на самую ужаснейшую и позорнейшую смертную казнь, какую только можно выдумать? К обвинению, вероятно, подала повод какая-нибудь нелепая клевета, и хотя ему и не верили, но так как нужны были обвинения для комедии суда, то поспешили сказать давай и его сюда и чем страшнее, тем лучше»⁸.

Позиции Голубинского в вопросе о виновности М. Грека разделяет В. Ф. Ржига. Он, в работе «Максим Грек как публицист», категорически заявляет, что «обвинение Максима Грека в том, что он сносился с турецкими пашами и султаном, с целью познать султана на великого князя, должно считаться клеветой»⁹. Подобно Голубинскому, и В. Ф. Ржига исходит прежде всего из психологических соображений, не позволяющих ему признать М. Грека виновным в столь аморальных поступках: «Мы не знаем, что ответил Максим суду на политические обвинения, но мы знаем, что в своём «Исповедании веры» он отвергал возведённую на него клевету в измене и вражде к русской державе... В искренности этого заявления, как и всего «Исповедания», нет оснований сомневаться»¹⁰.

Главным недостатком позиции Голубинского и В. Ф. Ржиги является то, что в основе всех их рассуждений лежит презумпция невозможности совершения М. Греком аморальных поступков.

Однако В. С. Иконников ещё в 1865 г.

* Читано в заседании Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР 25 мая 1944 года.

¹ Филарет «Максим Грек». «Москвитянин» № 11 за 1842 год. Статья опубликована анонимно.

² Макарий «История русской церкви». Т. VI.

³ Голубинский Е. «История русской церкви». Т. II. Ч. 1-я.

⁴ Иконников В. «Максим Грек и его время». Киев. 1915. 2-е изд.

⁵ Дунаев Б. «Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в.». 1916. В приложении к исследованию Б. И. Дунаева полностью напечатан текст «Турецких дел» Посольского приказа за 1522—1531 годы.

⁶ Ржига В. «Максим Грек как публицист». Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР. Т. I. 1934.

⁷ Чернов С. «К учёным несогласиям о суде над Максимом Греком». Сборник статей по русской истории, посвящённых С. Ф. Платонову. 1922; его же «Заметки о следствии по делу Максима Грека». Сборник статей к сорокалетию учёной деятельности акад. А. С. Орлова. 1934.

⁸ Голубинский Е. Указ. соч., стр. 71а.

⁹ Ржига В. Указ. соч., стр. 94.

¹⁰ Там же, стр. 95.

инял иную позицию в вопросе о суде над М. Греком. «Конечно, теперь трудно утверждать, — пишет Иконников, — насколько верны обвинения его (М. Грека. — И. С.) в сношениях с турецким правительством, но что они не были лишь клеветой — в этом едва ли можно сомневаться»¹.

Впрочем, точка зрения В. С. Иконникова страдает тем же недостатком, что и взгляды названных выше исследователей. Выводы автора также основаны не на объективном анализе источников и всей исторической обстановки, а определяются чисто субъективно — отношением к личности М. Грека.

Несомненным шагом вперед в историографии о М. Греке явилась работа Б. И. Дунаева «Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в.». Главной заслугой Б. И. Дунаева является то, что он рассматривает деятельность М. Грека и суд над ним в связи с общей политической обстановкой в Русском государстве в 40-х годах XVI в. и, в частности, в связи с русско-турецкими отношениями того времени.

Б. И. Дунаев считает, что наличие тайных сношений М. Грека с Турцией не подлежит сомнению². Однако, правильно поставив вопрос, в позитивной части своего исследования он выдвинул схему, которая не может быть принята. Анализируя мотивы, вызвавшие сношения М. Грека с Турцией, и его деятельность, направленную к «подыманию» турецкого султана на Русское государство, Б. И. Дунаев считает, что в подготовке войны между султаном и Руссией М. Грек и его единомышленники видели средство к освобождению греков от турецкого ига. Этот основной тезис Б. И. Дунаева ничем не подтверждается. Он пытается представить Скиндера (грека, турецкого посла в Москве) как главного представителя «греческой идеи» освобождения от турецкого ига. Однако весь характер деятельности Скиндера не даёт никаких оснований видеть в нём заговорщика против турецкого султана, а, напротив, заставляет рассматривать его как доверенное лицо турецкого правительства, имеющее полномочия секретного порядка. Столь же изубедительно звучит утверждение Б. И. Дунаева о том, будто неудача заключения русско-турецкого союза является результатом деятельности «греческой партии» в Константинополе, стремившейся через Скиндера «расстроить столь желанный для русских и столь ненавистный для греков союз русских с турками»³. Действительные причины неудачи переговоров между Турцией и Руссией нужно искать совсем в другом.

В ином плане проблема судебного процесса М. Грека рассматривается С. Н. Черновым. С. Н. Чернов внимательно анализирует основные источники по делу М. Грека:

«Судный список»⁴ и «Следственное дело»⁵. Оставаясь строгим историком-источниковедом, С. Н. Чернов не даёт решения вопроса о суде над М. Греком. В первой из своих работ он не разбирает по существу политических обвинений против М. Грека, во второй статье С. М. Чернов как будто склоняется к мысли о том, что «Максим Грек — только несчастная, запутанная жертва политической необходимости»⁶.

Ценность исследований С. Н. Чернова, особенно первой его статьи, заключается в другом: С. Н. Чернову тщательным анализом текста судебного списка по делу М. Грека удалось доказать, что политические обвинения против М. Грека были предъявлены ему не на втором суде над ним — в 1531 г., как утверждали историки, — а на соборе 1525 года⁷. Важность этого вывода С. Н. Чернова заключается в том, что он в значительной степени лишает оснований распространённое утверждение, что политические обвинения против М. Грека были придуманы уже задним числом, для подкрепления обвинений его в еретичестве. Тот факт, что процесс М. Грека был начат как процесс политический и уже затем превратился в суд над ним и по делам церковным, должен заставить более внимательно рассмотреть вопрос о политических обвинениях, предъявленных М. Греку, хотя сам С. Н. Чернов и не сделал этого.

II

Исходным моментом в цепи событий, имевших столь роковой исход для М. Грека, явился приезд в Москву летом 1524 г. посла от турецкого султана, князя Скиндера, грека по национальности. Цель приезда Скиндера, побывшего в Москве до сентября 1524 г., освещается в источниках очень туманно и противоречиво. При отправке Скиндера из Константинополя русскому послу в Турцию И. С. Морозову было заявлено, что Скиндер едет в Москву для сопровождения русского посла и для покупки в России различных товаров⁸. Но, уже будучи в пути, Скиндер заявил Морозову об изменении характера его поездки: «Прислал ко мне государь мой гонца со многими грамотами, а иду ныне от государя к государю с великими делы»⁹. Тем не менее правительство Василия III не рассматривало его как официального посла. Однако переговоры, которые вёл Скиндер в Москве с представителями правительства, носили политический характер и касались самых основных и острых вопросов русско-турецких отношений, в частности вопроса о Казани и её отношений к Турции и Русскому государству. Кроме того правительство Василия III подозревало Скиндера в том, что он «послан смотреть на Дону ставити город»¹⁰, т. е. связывало его приезд с агрессивными планами Турции по овладению До-

¹ Иконников, стр. 481—482. 1-е изд. Исследование В. С. Иконникова вышло в 1865 году.

² Дунаев В. Указ. соч., стр. 16 и сл.

³ Там же, стр. 29.

⁴ Статья в сборнике в честь С. Ф. Платонова.

⁵ Статья в сборнике в честь А. С. Орлова.

⁶ Там же.

⁷ Статья в сборнике в честь С. Ф. Платонова, стр. 48—71.

⁸ Дунаев В. Приложение, стр. 72.

⁹ Там же, стр. 70.

¹⁰ Там же, стр. 77.

ном. Поэтому, в частности, Скиндер был отпущен в Константинополь из Москвы не Доном, как он «присился», а на Путивль¹.

В дальнейшем события развёртываются с калейдоскопической быстротой. Отпущенный в Константинополь Скиндер, будучи проездом в Турцию в Крым, дал ложную информацию крымскому хану Сеадет-Гирею о позиции Василия III по отношению к Турции, изобразив эту позицию как враждебную². Сеадет-Гирей послал в Турцию специальное сообщение о враждебной позиции Василия III, и вслед затем был организован объединённый крымско-турецкий поход на Русское государство³. Донесения Василию III его агентов из Азова объясняют решение Турции и Крыма о войне против России именно ложной, провокационной информацией Скиндера о характере его переговоров в Москве⁴. Есть основания предполагать, что доклад Скиндера Сеадет-Гирею не был только выдумкой о том, что московский великий князь будто бы «лаял» турецкого султана.

В определении позиции Турции и Крыма по отношению к России имела большое значение полная неудача переговоров Скиндера в Москве по основному вопросу — казанскому.

К моменту отправки Скиндера из Константинополя в Москву противоречия России и Турции в вопросе о Казани достигли крайней остроты. Правительство Василия III оправилось от последствий похода на Россию казанского хана Сагиб-Гирея в 1521 г. и, используя благоприятную внешнеполитическую обстановку в связи с обострением феодальной усобицы в Крыму и Астрахани в 1523 г., начало подготовку к новому походу на Казанское ханство. Важнейшим мероприятием в подготовке борьбы против Казани явилась постройка новой крепости в 1523 г. — Васильевсурска, — долженствовавшей служить исходной базой для походов на Казань.

Активизация казанской политики Василия III вызвала ответные действия со стороны Казани и Крыма. В декабре 1523 г. в Крым прибыл специальный посол от Сагиб-Гирея с требованием немедленно прислать в Казань пушки, пищали и янычар для защиты от Василия III⁵. Обстановка в Крыму не позволила оказать военную помощь Казани в её борьбе с Русским государством. Однако крымский хан обратился к Турции с просьбой оказать давление на Россию, заставить Василия III отказаться от борьбы против Казанского ханства⁶.

Другим мероприятием Сеадет-Гирея явля-

лась посылка им грамоты Василию III с требованием отказаться от борьбы против Казани. В случае принятия этого требования он обещал сохранить дружественные отношения Крыма с Русским государством⁷. Эффективность этих дипломатических акций Крыма была, однако, весьма незначительна, так как правительство Василия III категорически отклонило требования крымского хана о примирении с Сагиб-Гиреем и провозгласило о своём праве «сажать» на Казань ханов⁸.

В связи с создавшейся обстановкой, весной 1524 г. Сагиб-Гирей послал специальное посольство в Турцию. Он формально признал себя вассалом турецкого султана, «заложившись» за него, и объявил Казанское ханство «юртом» Сулеймана I⁹.

Установление вассальной зависимости Казанского ханства от Турции означало для России серьёзное осложнение в её борьбе с Казанью, ибо посылка русского войска на Казань могла теперь рассматриваться турецким султаном как враждебный акт, направленный против Турецкой империи. Установление вассальных отношений Казанского ханства в Турции знаменовало собой поворот в русско-турецких отношениях от дружественных к враждебным. Поворот этот определялся активизацией восточноевропейской политики Турции, которая провозглашением своего протектората над Казанью выражала стремление выступить в роли гегемона в системе татарских государств Восточной Европы. Эта политика Турции неизбежно должна была привести её к столкновению с Русским государством, одной из важнейших задач которого являлось уничтожение татарских государств, возникших на развалинах Золотой Орды и постоянно угрожавших России своими набегами.

Такова была обстановка, в которой вёл свои переговоры в Москве Скиндер. Не удивительно, что эти переговоры были обречены на неудачу. Поэтому, когда Скиндер заявил, что «Сагиб-Гирей царь прислал ко государю нашему сее весны, а заложились за государя нашего: и то юрт государя нашего, и князь бы великий к Казани рати не посылал», то ведший с ним переговоры от имени Василия III Шигона Поджегин с полным спокойствием ответил ему: «Посылал Сагиб-Гирей царь к салтану, — ино то он ведаёт, а то изначала юрт государя нашего»¹⁰. Спокойствие московского дипломата имело тем большее основание, что к моменту переговоров со Скиндером вопрос о Сагиб-Гирее носил уже в значительной мере академический характер, ибо поход, предпринятый Василием III летом 1524 г., привёл к бегству Сагиб-Гирея из Казани в Крым.

Отчёт Скиндера о его переговорах в Москве должен был показать, что Россия решительно будет бороться против агрессивных намерений Турции. Деятельность Скиндера в Москве, однако, не ограничивалась

¹ Дунаев В. Приложение, стр. 77.

² Там же, стр. 82.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Малиновский А. «Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1573 г.». Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V, стр. 240, 1863.

⁶ Там же, стр. 240.

⁷ Там же, стр. 241.

⁸ Дунаев В. Приложение, стр. 76.

⁹ Там же, стр. 77.

¹⁰ Там же.

одними дипломатическими переговорами с представителями Русского правительства. Своё пребывание в Москве он, повидимому, использовал для собирания материалов о внутреннем положении Русского государства и для установления связей с враждебными правительству Василия III княжеско-боярскими кругами. Эта сторона деятельности Скиндера в Москве, естественно, была наиболее конспиративной и поэтому труднее всего поддаётся учёту и характеристике. Тем не менее вряд ли можно сомневаться в наличии связей Скиндера с княжеско-боярской оппозицией в Москве и в его осведомлённости о позиции княжеско-боярских кругов по отношению к восточной политике Василия III. Княжеско-боярские круги были недовольны активной политикой Василия III на Востоке. Это недовольство находило выражение в резкой критике внешней политики и в других, более острых формах борьбы.

Наблюдения Скиндера за внутренней обстановкой в Русском государстве, несомненно, вошли в его отчёт о поездке в Москву. Таким образом, из отчёта Скиндера складывалось впечатление, что налицо была исключительно благоприятная обстановка для нападения на Русское государство, ослабленное походом на Казань и острой внутривнутриполитической борьбой.

В свете полученной от Скиндера информации решение крымского правительства о походе на Русское государство, равно как и решение Турции о поддержке этого похода были попыткой использовать благоприятную конъюнктуру для нанесения решительного удара России.

Широко задуманный крымско-турецкий план нападения на Русское государство был, однако, сорван новым взрывом феодальных усобиц в Крыму, в результате которых Сеадет-Гирей, уже начавший свой поход на «украины» Русского государства, оказался перед необходимостью сменить завоевательные планы против России на борьбу за сохранение собственной власти, что надолго парализовало агрессивную политику Крыма.

Такова была та внешнеполитическая и внутривнутриполитическая обстановка, на фоне которой разыгралась события, связанные с делом М. Грека.

III

Судебный процесс Максима Грека происходил в один год с другим крупнейшим политическим процессом времени Василия III — судом над И. Н. Берсенем-Беклемишевым.

Трудности изучения этих процессов заключаются в том, что оба они известны лишь по сохранившимся отрывкам следственных дел¹ и по кратким записям некоторых

летописей. Суд над М. Греком стоял в непосредственной связи с судом над Берсенем-Беклемишевым. Повидимому, дело началось с ареста М. Грека и Саввы — другого монаха-грека, архимандрита Новоспасского монастыря, — в начале декабря 1524 года. Затем последовал арест, суд над Берсенем-Беклемишевым и Ф. Жареным, следствие же по делу М. Грека затянулось и закончилось лишь к лету 1525 г. осуждением его на соборах в апреле и мае этого года.

Датировка событий, связанных с процессами М. Грека и Берсеня-Беклемишева, затрудняется противоречивыми показаниями источников. Начало дела М. Грека (декабрь 1524 г.) устанавливается из показаний Берсеня-Беклемишева. Ф. Жареный опрашивал его о том, какие показания следует давать о М. Греке «против Николы, а Максима уже изымали»². Иными словами, М. Грек был арестован ещё до «зимнего Николы», т. е. до 6 декабря 1524 года. Что касается времени суда над Берсенем-Беклемишевым и М. Греком, то летописные данные находятся в противоречии с данными судного списка по делу М. Грека.

По Типографской летописи, суд над обоими обвиняемыми был в одном месяце (без указания в каком, но между январём и июлем 1525 г.), причём собор, на котором обсуждался вопрос о М. Греке, предшествовал суду над Берсенем-Беклемишевым: «Того же месяца быть у великого князя собор... на Максима Грека... и послать Максима в Осифов монастырь в заточение... Того же месяца князь великий ополелся на Ивана на Берсеня на Никитина сына на Беклемишева в том же деле и велел его казнити смертною казнию»³. Если можно не придавать особого значения формуле «того же месяца», то во всяком случае известие Типографской летописи вполне определённо устанавливает, что суд над М. Греком был до суда над Берсенем-Беклемишевым и последний был осуждён «в том же деле», что и М. Грек. Но летописец Синодальной библиотеки № 365, цитированный Карамзиным, относит казнь Берсеня-Беклемишева к зиме 1525 г.: «Тоя же зимы велел князь великий казнити боярина своего Берсеня-Беклемишева»⁴. Показания Синодального летописца находятся в соответствии с данными следственного дела о Берсене-Беклемишеве, допрос которого происходил в феврале 1525 года. Таким образом, все вышеприведённые данные заставляют отнести суд над М. Греком к самому началу 1525 года. С этим выводом, однако, находится в противоречии датировка соборов, на которых обсуждался вопрос о М. Греке. В судном списке эти соборы относятся к апрелю и маю 1525 года. Если верить судным спискам, то придётся

погрешностей издания Бодянского и поправки к нему см. в статье С. Н. Чернова «К учёным несогласиям о суде над Максимом Греком».

² ААЭ. Т. I. № 172.

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXIV, стр. 222.

⁴ Карамзин Н. «История государства российского». Т. VII, прим. 335.

¹ Отрывок следственного дела И. Н. Берсеня-Беклемишева напечатан в томе I Актов Археографической экспедиции (ААЭ № 172). Материалы о суде над М. Греком были опубликованы О. Бодянским в «Чтениях Общества истории и древностей российских» № 7 за 1847 г. под заглавием «Список с судного списка. Прэние Даниила, митрополита московского и всея Руси, со иноком Максимом Святогорцем». Характеристику

допустить, что весенние соборы, на которых стоял вопрос о М. Греке, имели место уже после его осуждения и заточения. Впрочем, текст судного списка позволяет именно так рассматривать его даты, говоря сначала о «взыскании и соборах на Максима и на Савву у великого князя на дворе в полате» (это, повидимому, и был тот собор в начале 1525 г., о котором говорится в Типографской летописи), а затем указывал на то, что «также потом соборы многие были у митрополита в полате его лета 7033, на того Максима о тех хулах, которые прибыли и взыскавшиеся, месяца апреля и месяца мая»¹. Таким образом, апрельские и майские соборы явились результатом обвинения М. Грека в новых преступлениях, которые были установлены позднее («прибыли») и, повидимому, касались по преимуществу церковных дел («хулы»), так как в отличие от первого процесса эти соборы происходили не в великокняжеских палатах, а у митрополита.

Для понимания характера обоих процессов 1525 г. исключительное значение имеет известие Типографской летописи о том, что Берсень-Беклемишев был привлечён к суду «в том же деле», что и М. Грек. Это сообщение летописи подтверждает и основной источник по делу Берсения-Беклемишева — следственное дело о нём и его сообщниках. По словам самого Берсения, после ареста М. Грека к нему (Берсеню) обращались его единомышленники за указаниями о том, как следует давать показания по делу М. Грека. Наконец, главное внимание следственных властей в суде над Берсением-Беклемишевым было обращено на установление характера взаимоотношений между Берсением-Беклемишевым и М. Греком. Из того, что Берсень-Беклемишев и М. Грек были привлечены к ответственности по одному и тому же делу (Опись царского архива XVI в. прямо объединяет материалы суда над М. Греком и Берсением-Беклемишевым в одно дело: «Списки старца Максима и Саввы Греков и Берсени и Федка Жаренова»²), следуют весьма важные выводы как для понимания существа дела Берсения-Беклемишева, так и для выяснения характера обвинений против М. Грека. Последнее обстоятельство особенно важно, ибо единство обвинений как Берсения-Беклемишева, так и М. Грека, при очевидном политическом характере дела Берсения, не позволяет трактовать дело М. Грека как церковное по преимуществу, к которому лишь в порядке «клеветы» были присоединены и обвинения политического порядка. Казнь такого видного политика, как И. Н. Берсень-Беклемишев, и жестокое наказание его единомышленников, осуждённых «в том же деле», что и М. Грек, и привлечённых к ответственности по материалам следствия над М. Греком, показывают, сколь серьёзно расценивало правительство характер политических обвинений, предъявленных Берсеню-Беклемишеву в одном деле с М. Греком. Это заставляет со всей серьёзностью

отнестись к политическим обвинениям, предъявленным М. Греку, и разобрать их по существу.

IV

С. Н. Чернов в своём исследовании о судном списке дела М. Грека убедительно доказал, что относившиеся обычно ко второму суду над М. Греком в 1531 г. политические обвинения против него в действительности были предъявлены ему на соборе 1525 года³. Однако перечень этих обвинений сохранился лишь в составе речи митрополита Даниила, произнесённой на соборе 1531 года.

Обвинения эти следующие: «Митрополит Максиму говорил: пошли естя от Святых Горы и от Турского державы ко благочестивому и христоролюбивому государю царю и великому князю Василью Ивановичу милостыни для, и государь вас жаловал милостынями и всем изобилем, и многия дары посылал в ваши монастыри и честию великою почел: а вам было за государя бога молити и за всю его благочестивую державу о здравии и о спасении и о одолении на враги его. И вы с Савою, вместо благих, великому князю злая умышляли, и совещали и посылали грамоты к Турским пашам и к самому Турскому царю, подымая его на благочестивого и христоролюбивого государя и великого князя Василья Ивановича всен Руси и на всю его благочестивую державу. Да вы же говорили: ратует князь великий Казань да неколи ему будет и сором: Турскому ему не молчати. Да вы же ведали Искандеря Турского посла советы и похвалы, что хотел подымати Турского царя на государя великого князя и на всю его державу. Да ты, Максим, то ведал, а государю великому князю и боярлом его не сказал. Да ты же говорил многим людем: быти на той земле Рустей султану Турскому, занеже салтан не любит сродников Царегородских царей, а князь великий весь (!) Василей внук Фомы Амарейского. Да ты же, Максим, великого князя называл гонителем и мучителем нечестивым, как и прежние гонители и мучители нечестивые были. Да ты же, Максим, говорил: князь великий Василей выдал землю крымскому царю, а сам изробев победил — от Турского. Ему как не бежати? Пойдет Турской, и ему либо карачь дати, или бежати»⁴.

Рассмотрению содержания обвинений, предъявленных М. Греку, следует предположить два замечания текстологического характера. В речи митрополита Даниила греческим монахам инкриминируются враждебные разговоры, в частности такая речь: «Ратует князь великий Казань да неколи ему будет и сором: Турскому ему не молчати». Это не вполне ясное место по-разному толковалось исследователями. В. С. Иконников

¹ «Чтения Общества истории и древностей российских» № 7 за 1847 г., стр. 11.

² ААЭ, Т. I, № 289 («Ящик 27»).

³ Следует заметить, что В. Ф. Ржигя продолжает стоять на традиционной точке зрения отнесения политических обвинений против М. Грека к собору 1531 г. (Ржигя, Указ. соч., стр. 90).

⁴ «Чтения Общества истории и древностей российских» № 7 за 1847 г., стр. 4—5.

переводит его словами: «Рагует великий князь Казань, да его не будет и турецкий царь сраму не потерпит»¹. Этот перевод, однако, не может быть признан удовлетворительным прежде всего потому, что текст остаётся логически непонятным. Кроме того слово «неколи» нельзя перевести как «не будет». С. Н. Чернов передаёт данный текст следующим образом: «Турской» не будет следовать «сором» казанских «ратей» великого князя². Я не вижу возможным согласиться и с интерпретацией С. Н. Чернова. В тексте источника «сором» безусловно относится не к султану, а к великому князю. Мне представляется правильным нижеследующая расшифровка текста. Слово «неколи» = некогда, когда-нибудь. Местоимение «ему», дважды содержащееся в рассматриваемой фразе, в первом случае, безусловно, относится к великому князю; очевидно, и второе «ему» подразумевает великого князя. Тогда вторая половина фразы может быть переведена так: турецкий султан не будет молчать великому князю, иными словами, не смолчит на действия великого князя, ответит на них; в результате, так может быть понята первая половина фразы: великого князя когда-нибудь ждёт сором.

Специального текстологического разбора требует и последнее по счёту обвинение, предъявленное М. Греку. В издании Бодянского, опубликовавшего судный список по делу М. Грека, интересующий нас текст передан следующим образом: «Князь великий Василий выдал землю крымскому царю, а сам изробев побежал от Турского. Ему как не бежати? Пойдёт Турской, и ему либо карать дати, или бежати».

Все исследователи (включая С. Н. Чернова и В. Ф. Ржигу) брали этот текст именно так, как он напечатан Бодянским. Между тем в таком виде он логически непонятен и исторически неясен. Непонятно, как мог великий князь, отдав землю крымскому хану, бежать от турецкого султана. Неясно, какое событие имеется здесь в виду, так как случаи бегства Василия III от турецкого султана неизвестны. Голубинский поэтому, исходя из неясности текста обвинения, пытался доказать его необоснованность: «Обвинение это непонятно, а именно — не видно в нём, к кому относится, «а сам, испугавшись, побежал», — к великому князю или хану. Если к великому князю, то мы вовсе не можем указать случая, который бы разумелся. Если к хану, то обвинение нужно понимать так: Максим смеялся над великим князем, что он выдал свою землю крымскому хану, а, напротив, последнего, когда этот побежал от султана, старался оправдывать» и т. д.³ Комментарий Голубинского может служить примером того, что даже очень крупный учёный может стать жертвой ошибки, вытекающей из пользования недостаточно тщательно изданным текстом. В самом деле, «неясность» рассматриваемого текста — ре-

зультат неверной пунктуации, употреблённой в издании Бодянского, разбившего не на месте поставленной точкой единное предложение на два. При устранении ошибочной пунктуации Бодянского текст примет следующий вид: «Князь великий Василий выдал землю крымскому царю, а сам, изробев, побежал — от Турского ему как не бежати» и т. д. При таком чтении текст обвинения делается понятным логически и достоверным исторически. По утверждению обвинения, М. Грек говорил, что если великий князь выдал свою землю крымскому хану и бежал от него (имеется в виду 1521 г., когда Василий вынужден был дать хану Сагиб-Гирею грамоту с обязательством платить дань), то тем более следует ожидать этого в случае нашествия более сильного противника — турецкого султана.

Обращаясь теперь к рассмотрению содержания обвинений, предъявленных М. Греку, их существо можно формулировать так: М. Грек обвинялся в том, что он, находясь в Москве, был тайным турецким агентом и стремился вызвать войну между Турцией и Россией, что он посылал грамоты султану и турецким властям, что он поддерживал враждебную деятельность в Москве турецкого посла Скандера и способствовал его намерениям «поднять» султана на Русское государство своими заявлениями о вероятности нашествия турецкого султана на Россию и об исключительно благоприятной для такого нападения обстановке в Русском государстве, которая могла гарантировать успех туркам в их походе на Русскую землю.

Вопреки мнению ряда историков, считавших обвинения М. Грека в сношениях с Турцией клеветой, следует признать вполне вероятным, что такие сношения имели место. Сделанный выше обзор русско-турецких отношений показывает достаточно ясно, насколько далека от действительности идилическая картина, нарисованная Голубинским, объявлявшим абсурдной самую мысль о возможности войны Турции против России и допускаям, что султан выдал русскому правительству секретные письма из России (в случае, если кому-нибудь пришла в голову идея сообщить султану что-либо предосудительное о России). На самом деле события, связанные с именем М. Грека, развернулись именно в канун войны, готовой вспыхнуть между Турцией и Россией. Столь же решительно должна быть пересмотрена и характеристика Голубинского, касающаяся деятельности М. Грека и его друзей в Москве.

Политические связи М. Грека с враждебными правительству Василия III княжеско-боярскими кругами, вскрытые процессом Берсена-Беклмишева, свидетельствуют о неправильности трактовки М. Грека как учёного-богослова, далёкого от мирской суеты и стоящего вне политики. Наконец, принадлежность М. Грека к греческой национальности сама по себе вовсе не являлась иммунитетом против возможности службы его у турок. Грек Скандер в роли турецкого посла и одновременно секретного агента султана — достаточно яркий пример того, что греки-христиане могли быть должностными лицами у «неверного» султана.

¹ Иконников В. Указ. соч., стр. 465.

² Статья в сборнике в честь Платонова, стр. 59.

³ Голубинский Е. Указ. соч., стр. 717.

Таким образом, реальная действительность XVI в. исключает возможность априорного провозглашения клеветой обвинений, предъявленных М. Греку. Напротив, можно привести ряд соображений и данных, если и не дающих возможности полностью проверить каждое из обвинений, во всей их конкретности, то, во всяком случае, позволяющих перенести бремя доказательств с плеч сторонников виновности М. Грека на плечи его апологетов.

Ещё В. И. Дунаев привёл значительную аргументацию, обосновывающую обвинения, предъявленные М. Греку. В частности им было обращено внимание на данные, содержащиеся в описи царского архива XVI века¹. В описи отмечено, что в архиве хранились «грамоты греческие посольные», взятые «у Савы, архимандрита Спасского бывшего». Трудно сказать, что представляли собой эти «грамоты греческие посольные», изъятые у Саввы, но самый факт их обнаружения у единомышленника М. Грека свидетельствует о том, что греческие монахи из Москвы вели политическую переписку с границей, и, следовательно, правительство Василия III могло узнать содержание этой переписки через своих агентов или путём захвата писем.

Б. И. Дунаев привёл и другой важнейший материал в пользу доказательства наличия связей М. Грека с турецким правительством. В число дел, которыми должен был заниматься в Москве Скиндер, входили также и переговоры о греке-лекаре Марке, отпустить которого в Турцию Сулейман I просил Василия III². Турецкое правительство, таким образом, было прекрасно осведомлено о греках, живших в Москве, и имело с ними сношения. В этой связи особый интерес приобретает показание Поссевино о том, что Максим Грек, «несмотря даже на энергичные настояния турецкого императора, так и не мог освободиться от заключения, где, говорят, и окончил дни»³.

Принимая во внимание исключительную осведомлённость Поссевино в московских делах, в том числе и секретного порядка, — напомним известный рассказ Поссевино об обстоятельствах убийства Иваном Грозным сына — следует с большим вниманием отнестись к его свидетельству о настойчивых требованиях турецкого султана освободить М. Грека. Эта настойчивость свидетельствует о заинтересованности турецкого правительства в судьбе М. Грека.

Таким образом, наличие связей М. Грека и Саввы с турецким правительством представляется несомненным. Конечно, эти связи могли быть только враждебного характера для Русского государства хотя бы уже потому, что они были связями конспиративными. Обвинения, предъявленные М. Греку в

1525 г., свидетельствуют о том, что М. Грек в своих сношениях с турецким правительством занимал активно враждебную позицию по отношению к Русскому государству, сообщал, повидимому, о благоприятной обстановке для похода на Россию. Это и было квалифицировано в обвинительных материалах как стремление М. Грека «поднять» султана на Русскую землю.

Что касается второго обвинения, предъявленного М. Греку — о связях со Скиндером, — то эти связи несомненны. С особой наглядностью они вырисовываются из показаний самого М. Грека о том, что Берсень Беклемишев именно у него пытался узнать «почто сюда Турецкого посол Искиндер пришёл». Правда, М. Грек, по его словам, ответил, что не знает целей посольства Скиндера, но тут же сообщил: «Слышу, что с ним деньги султановы, купить что будет потребная»⁴. Он совершенно точно передал официальную цель приезда Скиндера.

Не менее обоснованно выглядят и обвинения, предъявленные М. Греку по поводу его враждебной оценки существовавшего в тот момент положения в Русском государстве. Расценивая эту обстановку как благоприятную для нападения султана на Русскую землю, М. Грек исходил прежде всего из факта наличия войны между Русским государством и Казанью. По мнению М. Грека, турецкий султан не мог молча смотреть на военные действия московского великого князя против Казани. Из этого М. Грек делал вывод, что московского великого князя в его войне с Казанью рано или поздно ожидает «сором» от вмешавшегося в эту войну султана. Возможность же успешного отпора нашествию турецкого султана М. Грек отрицал, ссылаясь на события, имевшие место в 1521 году.

По мнению М. Грека, если Василий III в 1521 г. «выдал землю крымскому царю, а сам изробе побегал», то это тем более будет иметь место при походе на Россию султана: «от Турского ему как не бежати? Пойдёт Турской, и ему либо карач дати, или бежати». Если учесть, что эти высказывания М. Грека имели место в 1524 г., в момент подведения итогов неудачного в военном отношении похода на Казань и всего три года спустя после разрушительного похода крымцев и казанцев на Москву, то следует признать, во-первых, что М. Грек правильно оценил момент как исключительно благоприятный для нападения Турции на Русское государство; во-вторых, совершенно очевидно, насколько вредна была такая деятельность М. Грека для интересов Русского государства и каким серьёзным политическим преступлением должно было считать правительство Василия III подобного рода высказывания М. Грека.

Особо опасной с точки зрения правительства Василия III была деятельность М. Грека, заключающаяся в его связях с враждебными Василию III княжеско-боярскими кругами. В свете установленных фактов сношений М. Грека с турецким правительством и его близости с турецким послом эти связи

¹ См. Дунаев В. Указ. соч., стр. 16.

² Там же, стр. 13—14.

³ Поссевино А. «Московия», стр. 1. Перевод С. А. Аннинского. Благодаря любезному разрешению покойного С. А. Аннинского, я имел возможность использовать в рукописи его ещё не вышедшую в свет работу.

становились особенно криминальными, так как давали возможность Турции ознакомиться с внутренней борьбой в Русском государстве, наличие которой всегда тщательно скрывалось московскими государями от иноземных государств. Опасность связей М. Грека с княжеско-боярской оппозицией усиливалась тем, что недовольство княжеско-боярских кругов правительством Василия III в особо резкой форме проявлялось именно в вопросах внешней политики, и в первую очередь — восточной политики: «Ныне отястуды брани, ни с кем нам миру нет, ни с Литовским, ни с Крымским, ни с Казанью, все нам недрузи, а за наше нестроение»¹.

Боярские политики, резко осуждая правительство Василия III, весьма сочувственно относились к некоторым сторонам политики турецкого султана. Следственные материалы по делу Берсеня-Беклемишева сохранили такой диалог между М. Греком и Берсеном-Беклемишевым, в изложении М. Грека: М. Грек, по его словам, дал резко отрицательную характеристику турок: «Цари у нас злостивые, а у патрярхов и митрополитов в суд не вступаются». На что Берсень-Беклемишев ему заметил: «хоти у вас цари злостивые, а ходят так, ино у вас еще бог есть»². Само собой разумеется, что ортодоксальная позиция М. Грека, какой она выступает в процитированном отрывке из его показаний на следствии, может свидетельствовать лишь о стремлении М. Грека всеми средствами оправдаться от возведённых на него обвинений — и только. Но из показаний М. Грека вопреки его желаниям с несомненностью выступает, что вопросы внешней политики, и в частности турецкий вопрос, были предметом бесед в его келье.

Борьба княжеско-боярской оппозиции против внешней политики Василия III была расценена московским правительством как тяжчайшее преступление, и виновные в нём подверглись карам. На первый взгляд, однако, может показаться, что форма наказания М. Грека (заключение в монастырь) находится в несоответствии с тяжестью предъявленных ему обвинений. Голубинский даже видит в этом доказательство того, что само правительство Василия III не верило в серьёзность обвинений против М. Грека: «Если бы до такой степени тяжёлое обвинение имело бы хоть тень правды, то вместо заточения в монастырях, которым подверглись Максим и Савва, не случилось ли бы того, чтобы они осуждены были на самую ужаснейшую и позорнейшую смертную казнь, какую только можно выдумать»³.

С такой оценкой приговора по делу М. Грека, однако, согласиться никак нельзя. Прежде всего казнь М. Грека и Саввы была бы чревата для московского правительства весьма серьёзными осложнениями внешнеполитического порядка, ибо оба монаха были турецкими подданными и их казнь могла бы вызвать протест со стороны турецкого пра-

вительства. Кроме того применение такого наказания, как смертная казнь, к представителям церкви было вообще весьма сложным и нежелательным делом. Но, отказавшись от применения к обвиняемому грекам смертной казни, которой были подвергнуты русские участники процессов 1525 г., правительство Василия III постаралось надёжно изолировать М. Грека от каких бы то ни было связей с внешним миром, покрыв его дальнейшую судьбу строжайшей тайной для современников. В насколько секретной обстановке проходил процесс М. Грека и как тщательно скрывало правительство Василия III место его заключения, можно видеть из того, что даже столь осведомлённый наблюдатель, как Герберштейн, бывший в Москве на другой год после суда над М. Греком и специально интересовавшийся его делом и судьбой, рассказывает совершенно фантастические вещи и о процессе М. Грека и о его исходе. По словам Герберштейна, вина М. Грека состояла в том, что он после проверки русских богослужебных книг, «заметив много весьма тяжких заблуждений, объявил лично государю, что тот является совершенным схизматиком... когда он сказал это, то (хотя государь оказывал ему великое благорасположение) он, говоря, исчез и, по мнению многих, его утопили»⁴. Таким образом, Герберштейн превратил М. Грека из обвиняемого в еретических поступках в обвинителя и кроме того оказался в полном заблуждении в вопросе о действительной судьбе М. Грека. Рассказ Герберштейна может служить лишним доказательством того, насколько серьёзно рассматривало правительство Василия III дело М. Грека.

В свете всего изложенного выше особое значение и ценность приобретают новые материалы о суде над Максимом Греком, содержащиеся в опубликованном М. Н. Тихомировым летописном отрывке. Делу Максима Грека у этого летописца посвящена специальная статья. Необходимо привести её целиком: «О греках. Того же лета (7033).— И. С.) князь великий Василей Иванович всеа Руси довел на Спасского архимандрита на Саву на Грека да на Максима на философа измену, посылала грамоту да и поминки железца стрелные к паше к туретцкому, а велели ему итти воевати украин великого князя. А Даниил Митрополит всеа Руси с священным собором довел на них ересь. Да с ними же были в совете Иван Берсень Беклемишев да Петр Муха Карпов да Федко Жареной. И сказали на соборе во всем виноваты. Государь же над греки показал милость, Саву послал в заточенье в обитель Пречистыя на Возмища, а Максима в Сифов (т. е. Иосифов Волоколамский монастырь—И. С.), а кельяника их в Афонсая в Пафнутьево. А Берсеня велел казнити главноу казнию, а Муху велел в темнице заключити, а Жарену велел язык вырезати»⁵.

⁴ Герберштейн С. «Записки о московских делах», стр. 85. Перевод А. И. Маленна. 1908.

⁵ Тихомиров М. «Новый памятник московской политической литературы XVI в.». Сборник «Московский край в его

¹ Слова Берсеня-Беклемишева. ААЭ. Т. I, № 172.

² Там же.

³ Голубинский Е. Указ. соч., стр. 716.

Прежде чем перейти к рассмотрению приведённого текста по существу, следует остановиться на вопросе о происхождении данного известия. Сделать это тем более необходимо, что выяснение происхождения летописца, в котором содержится приведённая статья о М. Греке, объясняет и содержание этого известия. Касаясь вопроса о происхождении опубликованного им летописца, М. Н. Тихомиров приходит к выводу, что он составлен в Пафнутиевом Боровском монастыре, относя время его написания к периоду между 1526—1530 годами¹.

Мнение М. Н. Тихомирова о происхождении данного летописца следует признать верным, причём доказательства в его пользу можно усилить. Дело в том, что как раз в Пафнутиевом Боровском монастыре был заключён один из участников дела Максима Грека, его келейник Афанасий. Именно от него и мог получить автор летописца сведения о суде над М. Греком, содержащиеся в данном летописце. Если признать правильным предположение, что источником для рассказа о деле М. Грека в летописце Боровского монастыря послужил рассказ Афанасия, то это, во-первых, объясняет исключительную подробность и конкретность данного рассказа по сравнению с рассказами других летописей, а, во-вторых, заставляет признать высокую степень достоверности известия, содержащегося в данном летописце. Лаконичные записи Типографской летописи и Синодального летописца, глухо упоминающие о суде над М. Греком и Берсением-Беклемишевым, не раскрывая содержания процесса, объясняются, конечно, секретным характером суда над М. Греком. Напротив, летописатель Пафнутиева Боровского монастыря имел возможность получить сведения о процессе М. Грека, можно сказать, из первых рук — от одного из непосредственных его участников. Вместе с тем по самому своему характеру монастырский летописец — источник несравненно менее тенденциозный, чем официальные летописные своды, в которых изложение событий подчинено определённой политической схеме. Тем достовернее, сле-

прошлом». Ч. 2 я, стр. 112. 1930. Как указывает М. Н. Тихомиров, честь открытия данного памятника принадлежит М. Н. Сперанскому.

¹ Тихомиров М. «Новый памятник московской политической литературы XVI в.». Сборник «Московский край в его прошлом». Ч. 2-я, стр. 106—107. Эта датировка — лишнее подтверждение правильности выводов С. Н. Чернова о времени, к которому следует относить политические обвинения против М. Грека.

довательно, данные рассматриваемого текста. Эти данные целиком подтверждают правдоподобность обвинений против М. Грека. Они в полном соответствии с содержанием речи Даниила, в которой он обвиняет М. Грека и Савву в том, что они «посылали грамоты к турским пашам и к самому турецкому царю, подымая его» на «державу» Василия III. Летописец Боровского монастыря также сообщает, что М. Грек и Савва «посылали грамоту к паше турецкому, а велели ему ити воевати украин великого князя». Упоминание о каких-то «железах стрелных», посылавшихся в качестве «поминок» турецкому паше, своей конкретностью ведёт прямо к живому свидетелю этих сношений греческих монахов с Турцией. Рассказ Боровского летописца подтверждает и непосредственную замешанность в турецких делах Берсения-Беклемишева, прямо говоря о том, что Берсень-Беклемишев был «в совете» с греками. Заключение М. Грека и Саввы в монастырских тюрьмах летописец определяет как «милость» государя по отношению к грекам-монахам. Реальные мотивы этой «милости» отмечены выше. Самое же столкновение тюремного заключения М. Грека и Саввы как «милости» подчёркивает, что по тяжести предъявленных им обвинений им могла угрожать та же «главная казнь», что и Берсеню-Беклемишеву.

Самым важным, однако, известием, содержащимся в летописце Боровского монастыря, является сообщение о том, что М. Грек и другие участники процесса признали себя виновными, «сказали на соборе во всем виноваты». Если это известие соответствует действительности, то оно лишний раз убеждает в реальном характере обвинений М. Грека.

Таким образом, опубликованный М. Н. Тихомировым текст окончательно решает вопрос о суде над М. Греком, устраняя возможность трактовки «Судного списка» как недостоверного источника².

² Пересмотр вопроса о суде над М. Греком должен, конечно, в какой-то степени отразиться и на общей характеристике и оценке личности и деятельности М. Грека. Это, однако, отнюдь не означает, что вся деятельность М. Грека должна рассматриваться в плане выполнения им тайных поручений турецкого правительства. Вопрос, конечно, гораздо сложнее. И если даже допустить, что до 1525 г. определяющим фактором в поведении М. Грека были его константинопольские связи (как со двором патриарха, так и с турецким правительством), то последующая деятельность М. Грека может быть понята лишь на фоне политической борьбы внутри русского общества XVI в. и, в частности, борьбы идеологической.

ИЗ ИСТОРИИ МЕТАЛЛУРГИИ ПОМОРЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Н. Устюгов

Одним из важнейших вопросов изучения прошлого русского народа является изучение истории русской промышленности, в частности металлургии. Историки большое внимание уделяли изучению этих проблем. П. Г. Любомиров в своей работе «Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России», вышедшей в 1937 г., даёт общую сводку по истории промышленности, причём главное внимание он обращает на её географическое размещение. Свой обзор металлопромышленности он начинает с первых крупных заводов XVII в., основанных в районе Тулы, затем переходит к другим крупным заводам страны, построенным иностранцами, и, наконец, останавливается на кустарном производстве железа в ручных домищах, разбросанных по всей территории России. Его обзор далеко не полон. П. Г. Любомиров незаслуженно мало внимания уделил восточной половине Поморья. Правда, ссылаясь на работу К. В. Базилиевича о торговле Великого Устюга в середине XVII в.¹, он отмечает наличие железорудных разработок в Белослудском стане, Устюжского уезда, но это беглое замечание не даёт надлежащего представления о металлургии восточного Поморья. Между тем этот вопрос заслуживает более пристального внимания. Поморье было одним из важнейших экономических районов Московского государства в XVII веке. В восточном Поморье был свой центр добычи железной руды, были свои пункты обработки железа, были и рынки сбыта железных изделий. Следует обратить внимание и ещё на одно обстоятельство. Во второй половине XVII в., особенно в конце его и в первые годы XVIII в., зарождалась металлургия Урала. Квалифицированная рабочая сила для уральских заводов вербовалась не только на тульских, каширских и павловских заводах, но и в Поморье.

Настоящая статья не претендует на исчерпывающую характеристику металлургии Поморья. Автор ставит себе более скромную задачу — определить крупнейшие центры металлообработки в восточном Поморье в первой половине XVII в., охарактеризовать условия труда поморских кузнецов, указать рынки сбыта железных изделий.

Наиболее крупными центрами металлообработки в восточной части Поморья в первой половине XVII в. являлись Устюг Великий, Соль Вычегодская и Тотма. По писцовым книгам 20-х годов XVII в., в Устюге Великом было 47 кузниц, в Соли Вычегод-

ской — 21, в Тотмье — 8². Железо эти кузницы получали главным образом из Белослудского стана, Устюжского уезда, где добывалась болотная руда и плавилась в устроенных на месте горнах. По устюжской писцовой книге 1623—1626 гг., в этом стане было 32 горна, которые распределялись по отдельным волостям следующим образом: в Нижней Мошкурье было 6 горнов, в Бучаевой слободке — 4, в Давыдовой слободке — 8, в Цывозерской волости — 14³. Имелись горны и в соседних волостях, прилегающих к Белослудскому стану. Так, в Уфтоужской волости было 4 горна, в Лябельской — 1, причём владелец одного из горнов Уфтоужской волости Д. И. Лобанов брал руду «на Ратчине болоте под Харверрежу Цывозерской волости за слободкою»⁴, т. е. тоже в Белослудском стане.

Железо, добываемое в этих горнах, шло на устюжский и сольвычегодский рынки как в виде полуфабриката (кричное железо), так и в изделиях (сохи-ральники). Количество железа, поступавшего на эти рынки, было довольно значительно⁵. Главными потребителями металла являлись судостроение и солеваренная промышленность. Суда делались из дерева, но сколачивались и скреплялись железными скобами и гвоздями. В соляных варницах железо шло на изготовление црена, главной части варницы⁶.

Таким образом, наличие сырья и потребности судостроения и солеваренной промышленности обусловили развитие металлообработки в Поморье.

² Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Писцовые книги, № 506, л. 97, № 446, л. 55, 56; № 480, л. 34.

³ ЦГАДА. Писцовая книга № 506, л. 517; 523; 529—530, 538, 539.

⁴ Там же, л. 594, 664.

⁵ Так, в 7142 (1633—1634) г. в Устюг Великий было доставлено 2602 п. 6 ф. кричного железа и 578 сох, в том числе из одной Цывозерской волости 951 п. 10 ф. кричного железа и 38 сох; в 7143 (1634—1635) г. — 2183 п. 30 ф. кричного железа и 458 сох, причём на долю Цывозерской волости приходится 681 п. 10 ф. железа; в 7145 (1636—1637) г. — 1577 п. кричного железа и 356 сох, из них из Цывозерской волости 852 п. 10 ф. железа и 35 сох (ЦГАДА, Городовые книги по Устюгу Великому №№ 24, 30 и 34). В Соль Вычегодскую в 1638 г. было привезено 558 п. кричного железа и 334 сохи; за январь—август 1639 г. — 843 п. железа и 955 сох (ЦГАДА, Городовые книги по Соли Вычегодской №№ 9, 10).

⁶ Црен — квадратная железная сковорода площадью до 16 кв. саженей и глубиной до 8 вершков. На црен требовалось 140—150 пудов железа и около трёх пудов гвоздей.

¹ Базилиевич К. «Торговля Великого Устюга в середине XVII в.». «Учёные записки Института истории РАН ИОН». Т. IV, стр. 95. М. 1929.

По писцовым книгам 20-х годов XVII в., в Устюге Великом значится 46 кузнецов, в Соли Вычегодской — 20, в Тотьме — 10. Несомненно, их было больше. 13 посадских людей Устюга Великого, не названных кузнецами, владели кузницами. Некоторые кузнецы не имели собственных кузниц. Сопоставление этих данных позволяет сделать вывод, что в Устюге Великом было не менее 53 кузнецов. Большинство кузнецов имело по одной кузнице, двое — по 2, а один — даже 3. 10 кузнецов вовсе не имели кузниц. Повидимому, они работали молотобойцами у владельцев кузниц. Да есть и прямые указания источников, что некоторые из посадских людей время от времени работали молотобойцами. Так, носник¹ Сидор Петров Катаев, наряду с работой на судах, «в кузницах робит молотом»².

Из 20 посадских людей Соли Вычегодской, имевших, по писцовой книге, кузнечный промысел как постоянное занятие, 10 человек владели кузницами, 11 кузниц принадлежали посадским людям, не названным в писцовой книге кузнецами. Наличие у них кузниц свидетельствует о том, что они занимались кузнечным промыслом.

Из 10 тотемских кузнецов 8 имели кузницы. Некоторые из тотемских кузнецов специализировались на изготовлении железных частей к соляным варницам: «Делает в кузнице к варницам црены и всякие варничные запасы»³.

Поморские кузнецы специализировались главным образом на изготовлении тех изделий, на которые был наибольший спрос: оборудование для соляных варниц, судовые скобы и гвозди, якоря, предметы, нужные в сельском хозяйстве и бытовом обиходе (сошники, топоры, ножи, гвозди).

Квалификация кузнецов, специалистов своего дела, была достаточно высокой. Так, кузнец Комарицкой волости, Устюжского уезда, смежной с Белослудским станом, Шумило Жданов Вырачев, взятый впоследствии в Москву делать часы на Фроловской башне, славился у себя на родине как искусный мастер: работая кузнецом, он в то же время умел делать «боевые часы»⁴. Другой поморский кузнец, устюжский посадский человек Фёдор Юдин, сосланный за какие-то провинности в Симбирск, посылался в 1652 г. с места ссылки в Корсунь для устройства «боевых часов»⁵.

Кузнецы, производившие работу в собственных кузницах, работали и на рынок и на заказ. В таможенных книгах постоянно встречаются записи о продаже кузнецами продуктов своего труда. Например устюжский кузнец Родион Кириллов продал 7 мая 1643 г. устюжским ямским старостам «1000

скоб да 40 гвоздей больших и малых для починки судов»⁶. Тотемский кузнец Терентий Ерзмеев 5 октября 1627 г. продал солдату Ивану Фирсову 20 полниц железа⁷. Иногда кузнецы выступают и как продавцы полуфабриката — кричного железа⁸. Судовые скобы и гвозди требовались в огромном количестве для обслуживания местного судостроения. Но поморские кузнецы работали не только на местные рынки. В XVII в. было большое судостроение в Верхотурье, где строились суда для перевозки главным образом хлебных запасов на жалованье сибирским служилым людям, так как Сибирь в то время ещё не имела достаточно развитого земледелия. Судовые скобы и гвозди обычно закупались на сольвычегодском и устюжском рынках. Так, в 1624—1625 гг. верхотурский таможенный подьячий Пётр Третьяков и стрелец Иван Разум купили в Соли Вычегодской 22 тыс. скоб судовых, 4500 гвоздей малых и тысячу гвоздей больших. В Устюге Великом они же купили 3 тыс. скоб судовых и 1500 гвоздей малых⁹.

При работе на заказ заказчиками являлись главным образом местные посадские люди и уездные крестьяне. Иногда поступали правительственные заказы из Москвы. Готовясь к Смоленскому походу 1632—1634 гг., московское правительство рассыло заказы на кузнечные работы по городам, где было достаточно развитое кузнечное ремесло. В 1632—1634 гг. поступили такие заказы и в три поморских посада: Устюг Великий, Соль Вычегодскую и Тотьму. Кузнецы этих городов должны были изготовить несколько сот ломов, кирок, заступов и оковать железом такое же количество деревянных лопат¹⁰.

Принимая заказ на кузнечную работу, кузнец давал своему заказчику запись, где излагались условия работы и гарантировалась добросовестность её выполнения в форме поручительства третьего лица. В случае невыполнения заказа эта запись предъявлялась земским судейкам для взыскания убытков, понесённых заказчиком. Так, в июне 1627 г. устюжский посадский человек Иван Емельянов Ходутин искал перед земскими судейками своих убытков на кузнице Богдане Никифорове Прянишникове по записи за недоделку судовых скоб и гвоздей

⁶ ЦГАДА. Город. кн. по Устюгу Великому № 58, л. 181—182. Ср. Писцовая книга № 508, л. 53.

⁷ ЦГАДА. Город. кн. по Тотьме, № 4, л. 378, ср. Писцовая книга № 480, л. 11.

⁸ ЦГАДА. Город. кн. по Тотьме, № 2, л. 415; № 4, л. 420, 530; ср. Писцовая книга № 480, л. 6—7, 121—122.

⁹ Дмитриев А. «Пермская старина». Вып. VII. «Верхотурский край в XVII в.», стр. 184. Пермь. 1897.

¹⁰ ЦГАДА. Прик. дела старых лет. 1630 г., д. № 37, л. 170—172, 208—212, 214—220; Прик. дела новой разборки, д. № 1198, л. 1—2.

¹ Носники — лоцманы, проводившие суда по Сухоне и Северной Двине.

² ЦГАДА. Стлб. Оружейной палаты № 41663, л. 357—358.

³ ЦГАДА. Писцовая книга № 480, л. 16, 121—122, 123.

⁴ ЦГАДА. Приказные дела старых лет. 1631 г., д. № 30, л. 369.

⁵ Там же. 1652 г., д. № 80, л. 73—74.

и невозвращение железного лома, данного кузнецу¹.

Что касается условий труда кузнецов, его оплаты и общего размера заработка лиц, занимавшихся кузнечным промыслом, то приведенные в известность источники позволяют сделать лишь некоторые наблюдения общего характера и не дают возможности нарисовать полную картину условий труда кузнецов. Можно с несомненностью утверждать, что была известная дифференциация труда: в кузницах работали кузнецы и молотобойцы. Даже в пределах одной профессии при выполнении общей работы наблюдается некоторое различие в оплате труда, обусловленное, повидимому, разницей квалификации и размером ответственности. Так, в Тотьме на выполнении правительственного заказа 1634 г. на кирки, заступы и лопаты было занято 13 посадских кузнецов, 2 кузнеца Толшемской волости, Тотемского уезда, и 26 молотобойцев. Посадские кузнецы и молотобойцы работали в течение 12 дней, причём троем кузнецам платили по 3 алтына в день, остальным десятку — по 2 алтына. Молотобойцы получили по 1 алтыну в день. Повидимому, трое первых кузнецов были более высокой квалификации и несли главную ответственность за выполнение работы. Молотобойцы получили вдвое меньше рядовых кузнецов. Толшемские кузнецы производили лишь оковку лопат, и им за 30 лопат было уплачено 16 алтын и 4 деньги². Тотемский воевода М. В. Головачёв оплачивал работу подённо и фолько толшемским кузнецам заплатил сдельно. Сольвычегодский воевода В. Ф. Янов применил полностью сдельную оплату труда при расчёте за выполнение подобного же заказа сольвычегодскими кузнецами. Последние получили по 8 алтын и 2 деньги за каждый сделанный лом, по 10 денег за кирку, по 6 денег за оковку лопаты и по 10 денег за оковку заступа³.

Кузнечная работа у соляных варниц оплачивалась и сдельно и аккордно («подъёмом»). Например, варничный приказчик тотемского солеваря Гостя Гаврилова — Иов Киприанов Кубасов — платил сдельно за изготовление запасных частей к црену и за его ремонт. За ковку крюков и двух лапок цренных он уплатил 5 алтын. За 400 гвоздей и 90 нагвоздей (заклёпок) — 13 алтын 2 деньги. За самый ремонт — в одном случае, когда он был очень незначительным, и потребовалось лишь 40 цренных гвоздей, кузнец получил 16 денег. В другом случае за работу, потребовавшую замены нескольких полиц црена и употребления 400 гвоздей и 90 нагвоздей, кузнецу был уплачен рубль⁴. Голова (управляющий) казённого соляного промысла в Тотьме Естифей Кашников произвёл в 1675 г. капитальный ре-

монт варницы, причём он нанял Петра Жигулёва «цырен делать подъёмом» и уплатил ему за работу 5 рублей⁵. По окончании капитального ремонта и возобновлении работы варницы цренным мастерам и варничным поварам полагалось угощение. Тот же Естифей Кашников в ноябре 1675 г. поставил «в почесть цренным мастером, как затопили варницу и поваром вина и пива и колачей на 20 на 6 алтын»⁶.

Были ли обеспечены поморские кузнецы работой? Надо полагать, что были. Соляные варницы требовали постоянного ремонта не только текущего, но и капитального. При интенсивной работе варницы срок службы црена был очень короток — не более года. Голова тотемского казённого соляного промысла 7182 (1673—1674) г. Фёдор Кусков сдал голове 7183 (1674—1675) г. Григорию Анфалову «цырен ветх». Григорий Анфалов делал новый црен, а своему преемнику голове 7184 (1675—1676) г. Естифею Кашникову он сдал «цырен ветхой», и потребовалось произвести капитальный ремонт⁷. Не менее интенсивно шла работа и по изготовлению судовых скоб и гвоздей и других кузнечных изделий.

Устюг Великий кроме того был важным транзитным пунктом, и когда замерзали реки, много товаров провозилось через него на лошадях, которых нужно было ковать. А. Е. Мерцалов был склонен даже именно этим обстоятельством объяснять обилие кузниц в Устюге Великом⁸. На основании всех этих данных можно прийти к выводу, что недостатка в работе поморские кузнецы не имели.

Оплата труда кузнецов была достаточно высокой по сравнению с оплатой труда других ремесленников и лиц, работавших из найма: не каждый ремесленник зарабатывал 2 алтына в день. А при постоянном обеспечении работой это создавало и определённый материальный достаток. Вот почему большая часть кузнецов значится, по писцовым книгам, в разряде средних и молодых людей. Так, по тотемской писцовой книге 1624—1625 гг., из 10 посадских кузнецов 2 средних, 5 молодых и только 3 худых⁹. Но, конечно, были и исключения. 10 посадских кузнецов Устюга Великого не имели собственных кузниц, а об одном из них — Богдане Некрасове — писцовая книга прямо говорит, что он «бродит по миру», т. е. кормится случайной работой¹⁰.

Некоторые кузнецы наряду со своим основным промыслом имели и побочные занятия. Уже упоминавшийся устюжский кузнец Богдан Никифоров Прианишников имел до-

⁵ ЦГАДА. Город. кн. по Тотьме, № 61-6, л. 24.

⁶ Там же, л. 25.

⁷ ЦГАДА. Прик. дела старых лет. 1675 г., д. № 300, л. 8; 1676 г., д. № 50, л. 4, 14; Город. кн. по Тотьме № 61-6, л. 24—25.

⁸ Мерцалов А. «Вологодская старина. Материалы для истории Северной России», стр. 95. СПб, 1889.

⁹ ЦГАДА. Писц. кн. № 480, л. 6—7, 11, 14, 16, 121—123.

¹⁰ Там же, № 506, л. 55.

¹ Русская историческая библиотека (РИБ). Т. XXV, № 49.

² ЦГАДА. Прик. дела новой разборки, д. № 1198, л. 2.

³ ЦГАДА. Прик. дела старых лет, 1630 г., д. № 37, л. 219.

⁴ Там же. 1651 г., д. № 33, л. 11, 13—14.

шаник и в летнее время работал судовым извозчиком, т. е. нанимался для перевозки чужих товаров по реке¹. Некоторые, более состоятельные кузнецы занимались торговлей, причём настолько интенсивно, что возникает мысль: не оставили ли они совершенно кузнечный промысел? Например устюжанин Фёдор Лукьянов Мазлык, названный в писцевой книге кузнецом и имевший кузницу, ведёт обширные торговые операции как в Устюге Великом, так и в Холмогорах. В Устюге и в волостях Устюжского уезда он скупает хлеб и направляет его к Холмогорам, а оттуда везёт соль, рыбу, ворвань сало, уклад (сталь)². Устюжские кузнецы Кондратий Сидоров с сыновьями Никитой и Максимом ведут операции меньшего масштаба. Они скупают по волостям хмель и продают его либо на устюжском рынке либо отвозят в Соль Вычегодскую и в Туглим (торговое село на Выми, Яренского уезда), а оттуда привозят солёную рыбу и коровье масло³. Тотемские кузнецы Иван Лукин Тютя и Иван Матвеев торгуют хмелем и барышнячают скотом⁴.

Однако хорошо зарабатывавший поморский кузнец не был свободен от притеснений и насилий со стороны более влиятельной и богатой части посадского населения. Устюжский посадский человек Иван Емельянов Ходутин вместо того, чтобы произвести окончательный расчёт с кузнецом Богданом Никифоровым Принишниковым, делающим по его заказу судовые скобы и гвозди, и возвратит ему поручную запись, так как кузнец выполнил свои обязательства, возбудил иск против поручителя Принишникова, требуя от него возмещения своих убытков в сумме 7 р. 10 алтын. Чтобы не подводить своего поручителя, Принишников заплатил требуемые деньги, и при этом ему самому «убытка учинилось 13 рублей в беспромыслие и что товар всякой метал за бесценок»⁵. Кузнец Шумило Жданов Вирачев, бывший впоследствии часовщиком у Фроловской башни в Москве, жаловался, что в 1622 г. комаридский таможенный и кабацкий деловальник, устюжский посадский человек Фёдор Матвеев Печацын велел схватить его, когда Вирачев пришёл к нему по делу, и кинуть в голбец и при этом потребовал: «Сделай мне боевые часы и я де тебя выпущу вон»⁶.

Если такой искусный мастер, как Вирачев, не был свободен от притеснений сильных

людей, то что же говорить о менее заметных кузнецах? Юридически независимые, кузнецы фактически подвергались эксплуатации со стороны посадской верхушки.

Положение молотобойцев, на основании тех источников, которые приведены в известности, остаётся недостаточно выясненным. Повидимому, они были наёмными людьми по записи «до урочного году», которую они давали кузнецам, т. е. они вступали во временно зависимые отношения к своим нанимателям, как и другие лица, работавшие из найма.

На поморские посады ложилась обязанность снабжать кузнецами далёкую Сибирь, где ощущался острый недостаток в квалифицированной кузнечной работе. Так, в 1645 г. в Кетский острог был направлен устюжский кузнец. В 1648 г. было велено послать на житьё в Берёзов «для всякого кузнешного и оружейного дела с Устюга Великого кузнеца доброго»⁷.

Какие же можно сделать выводы о состоянии кузнечного дела в восточном Поморье в первой половине XVII века? В Поморье был район, где добывалась болотная железная руда в количестве, достаточном для обеспечения поморских кузнецов работой. Наличие местного сырья обеспечивало развитие кузнечного дела в крупнейших посадах восточного Поморья. Железные изделия, изготовлявшиеся поморскими кузнецами, находили сбыт на местных рынках и вывозились в Сибирь. Главными потребителями продуктов кузнечного труда были судостроение и солеваренная промышленность. Поморские кузнецы работали и на рынок и на заказ. Принимая заказ, кузнец давал своему заказчику запись, где излагались условия заказа и давалась гарантия его добросовестного выполнения в форме поручительства третьих лиц. Можно отметить наличие дифференциации кузнечного труда: различались кузнецы и молотобойцы. Среди кузнецов были мастера высокой квалификации, способные выполнять и тонкую работу — делать «боевые часы». Заработную плату кузнецы получали и подённо и сдельно. Общий размер заработка кузнецов был достаточно велик по сравнению с представителями других видов ремесленного труда. Хороший заработок и более или менее устойчивое положение кузнецов в посадском обществе не освобождал их от притеснений и насилий со стороны посадской верхушки. На поморские посады ложилась обязанность снабжать квалифицированными кузнецами Сибирь и зарождающуюся уральскую металлургическую промышленность.

Из других видов металлургии следует остановиться на добыче и обработке меди. Обработка меди не имела большого развития в Поморье. Но в XVII в. велась усиленная поиски медной руды в Предуралье и на Урале и квалифицированная рабочая сила, нужная для этих розысков и разработок, вер-

¹ РИБ. Т. XXV, № 188.

² ЦГАДА. Писц. кн. № 506, л. 54, 96; Город. кн. по Устюгу Великому № 24, л. 120, 154, 155, 213, 216; № 30, л. 154, 202, 213, 221; № 34, л. 232—233.

³ ЦГАДА. Писц. кн. № 506, л. 55, 97; Город. кн. по Устюгу Великому № 21, л. 135, 210—211, 214; № 30, л. 134; № 34, л. 211, 218, 271, 297.

⁴ Там же. Писц. кн. № 480, л. 11, 16, 114; Город. кн. по Тотмье № 2, л. 379, 403, 506; № 4, л. 387, 391, 458, 407, 476, 505.

⁵ РИБ. Т. XXV, № 49.

⁶ ЦГАДА. Прик. дела старых лет. 1631 г., д. № 30, л. 369.

⁷ Там же. 1644 г., л. № 19, л. 167—169; 1647 г., л. № 127, л. 190—191.

бывалась в поморских посадах. Московское государство первой половины XVII в. почти не имело своей меди и испытывало в ней острую нужду. «Медные доски» ввозились из-за границы через Архангельский порт и направлялись в Москву. Часть их оставалась в Поморье и служила сырьём для работы мастеров-медников. Использовался для этой цели и разный медный лом.

Одним из первых медеплавильных заводов был казённый Пыскорский завод близ Соли Камской. Московское правительство вело работу на этом заводе хозяйственным способом, включив её в разряд «служеб», отбываемых торговыми людьми в пользу государства. Во главе завода ставился гостинной сотни торговый человек, который в течение года им и управлял. На следующий год на смену ему посылался другой. Торговый человек, стоявший во главе завода, получал из Приказа Большой казны наказ, где точно определялись его обязанности. Так, по наказу, данному 25 января 1643 г. гостинной сотни торговому человеку Ивану Онофриеву, сменившему на Пыскорском заводе Кирилла Босого, управляющий разработкой должен был ку старых мест, где медная руда сыскана, велеть руду копать и в иных местах искать и из тех руд, где объявится, опыт чинить¹. Результаты опытов следовало сообщать в Москву, а равным образом давать сведения и о стоимости работ. Квалифицированная рабочая сила присылалась из Москвы и других городов. В частности использовались провиннившиеся мастера денежного дела, которые в наказание ссылались на такие разработки. Под руководством этих опытных мастеров работали чернорабочие, нанимаемые на месте. Оплата труда производилась и подённо и помесячно. Управляющий заводом был свободен в выборе условий расчёта. Он должен был заботиться лишь о том, чтобы этот расчёт был произведён «как государеве казне прибыльнее». Торговый человек осуществлял общее наблюдение за состоянием завода. Фактически работой руководили плавильщики, т. е. наиболее квалифицированные мастера медного дела. Они вместе с управляющим должны были следить, чтобы мастера и рабочие люди «делали неоплошно». За недобросовестную работу полагалось «чинить наказание, кто чего доведётца», т. е. в зависимости от размера провинности².

Квалифицированные мастера плавильного дела получали довольно высокую плату за свой труд. Когда в 1645 г. была обнаружена медная руда в Верхотурском уезде, вверх по реке Тагилу, туда были посланы из Соли Камской плавильщики, и им было назначено следующее жалование: «Олександрю Иванову корму на месяц по 4 рубли, Сеньке Колокольнику — по 3 рубли с полтиною, а подплавильщиком по рублю по 20-ти по 5-ти алтын на месяц»³. Приведённые в известность источники не дают оснований для

определения размеров заработка рабочих более низкой квалификации.

Среди плавильщиков были и поморские посадские люди. Так, упомянутый Семён Колокольник некоторое время был устюжским посадским человеком. Родом вологжанин, Семён Тотский поселился на Устюге Великом, занимался колокольным делом и имел учеников, которых обучал своему мастерству. Один из учеников — Никифор Иванов Кузнецов — жил у него во дворе за его тяглом. В 7133 (1624—1625) г. Семён Колокольник «по государеву указу послан в Пермь к медному делу» и выбыл из устюжского посадского тягла. Во время сыска посадских людей в 1639—1641 гг. устюжские посадские люди пытались вернуть его в тягло, но успеха не имели. Сыскной приказ определил Семёна Колокольника в тягло «не имать». Семён Колокольник работал плавильщиком на Пыскорском медном заводе до 1645 года. В этом году он был послан на новые разработки меди в Верхотурский уезд на реку Тагил, а в 1646 г., во время поездки в Москву, умер⁴.

Ученик Семёна Колокольника — Никифор Иванов Кузнецов — приобрёл в Устюге Великом на посаде двор своего учителя и продолжал заниматься его ремеслом⁵. Он скупал медный лом, отливал из него новые колокола и продавал их. Следы этих его операций сохранились в устюжских таможенных книгах. Так, 22 декабря 1636 г. он приехал в Устюг из Холмогор «на лошади, привёз меди ломаной колокольной полтора пуда»⁶. 24 сентября 1634 г. он «продал з Двину черному попу (церомонаху, — *И. У.*) Кирилу колокол медной, весом 3 пуда, ценз 10 рублей»⁷. Он тоже некоторое время работал на Пыскорских медных разработках, а затем вернулся в Устюг Великий на посаде. Иногда он выступает экспертом по медному делу. Например в 1644 г. крестьянин починка Молютина, Уфтяжской волости, Устюжского уезда, Василий Евдокимов Расторгуй, бывавший в Пыскоре ку медного дела в работниках и выдавший медную руду, обнаружил подобную же руду в Уфтяжской волости, по реке Уфтяге. Устюжский воевода Андрей Вольтский послал специальных лиц, которые осмотрели место и привезли образцы. Никифор Иванов Колокольник (Кузнецов) определил, что «то каменные колцедан, к медному делу не годитца»⁸.

Приведённые в известность источники не дают надлежащего представления об условиях труда поморских колокольников и размерах их заработка.

⁴ ЦГАДА. Стлб. Оружейной палаты № 41663, л. 363—364, 453; № 3031, л. 1; АИ. Т. IV, № 7; Шишонко В. «Пермская летопись». Т. III, стр. 73. Пермь. 1884.

⁵ ЦГАДА. Стлб. Оружейной палаты № 41663, л. 363—364.

⁶ Там же. Город. кп. по Устюгу Великому № 34, л. 255.

⁷ Там же, № 30, л. 150.

⁸ ЦГАДА. Прик. дела старых лет. 1644 г., д. № 58, л. 422—423.

¹ Берх В. «Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей», стр. 48—49. СПб. 1821.

² Берх В. Указ. соч., стр. 48—50.

³ «Акты исторические» (АИ). Т. IV, № 7.

Медным делом, кроме колокольников, в поморских посадах занимались котельники. По устюжской писцовой книге 1623—1626 гг., в Устюге Великом на посаде значится 4 котельника, двое из которых имеют кузницы. В Соли Вычегодской в те же годы писцовая книга отмечает одного котельника. В Тотме, по писцовой книге, нет котельников, имеется лишь один медник. Главным потребителем труда котельников являлась винокуренная промышленность — казённая и частная. Иногда котельники при казённых винных и пивных поварнях получали годовое жалованье. Например в 1619—1620 гг. чердынский котельник Кузьма Осипов получал 6 руб. годового жалованья. Московское правительство нашло такой порядок неудобным и 1 июля 1621 г. предписало чердынскому воеводе Василию Фёдоровичу Вугурлину не давать котельнику жалованья ни на 1620, ни на последующие годы, «а коли будет лучится какая поделка, и ты б к тому делу велел его наймовать и поделывать велел всякое поваренное дело из могорцу, по уговору»¹. Поскольку ремонт котлов носил временный характер, иметь постоянного мастера было нецелесообразно.

Котельный промысел не имел широкого распространения. Среди поморских посадов были и такие, где в нужную минуту не оказывалось котельного мастера. Так, 15 ноября 1629 г. тотемский таможенный и кабацкий голова Иван Завалин, сообщая в Устюжскую четверть о том, что котлы и кубы на тотемской винной поварне пришли в ветхость и что необходим срочный ремонт,

¹ АИ. Т. III, № 101.

отметил, что «починивати на Тотме некому, мастеров нет». Приказ Устюжской четверти распорядился отправить оборудование поварни в Устюг Великий и там произвести необходимый ремонт².

Правда, в Тотме, по писцовой книге 1624—1625 гг., имеется молодой посадский человек Иван Михайлов Медной, о котором книга замечает: «Промысл его — делает медное»³. Но, повидимому, он не был квалифицированным мастером и к 1646 г. дошёл до крайней степени разорения. По переписной книге этого года, в Тотме на посаде значится «нищей Ивашка Михайлов Медной, скитаецца в мире христовым именем»⁴. Возможно, что причиной обнищания медника была не слабость квалификации, а недостаток сырья.

Обработка меди не имела широкого распространения в поморских посадах: она не являлась их специфической особенностью, и о ней можно было бы не говорить. Но поскольку в непосредственном соседстве с Поморьем, на Урале в первой половине XVII в. начинало развиваться медное дело в достаточно крупном масштабе, на Поморье ложилась обязанность поставлять на медные разработки рабочую силу как квалифицированную (Семён Колокольник, Никифор Иванов Кузнецов), так и чернорабочих (Василий Евдокимов Расторгуй). Отметим это новое явление в жизни поморских посадов совершенно необходимо.

² ЦГАДА. Прик. дела старых лет. 1630 г., д. № 70, л. 258—260.

³ ЦГАДА, Писц. кн. № 480, л. 69.

⁴ Там же, № 15049, л. 10.

БОГАТСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА КАЗАХСКОЙ ССР

(Алма-Ата)

Н. Зинин и Ф. Киреев

Документальные материалы Центрального государственного исторического архива Казахской ССР охватывают период с конца XVIII в. до 1919 г. включительно. В архиве сосредоточены все основные документальные материалы дореволюционного Казахстана: областных правлений, пограничных комиссий, приказов, канцелярий губернаторов, областного правления сибирскими киргизами, Букеевского ханства, переселенческих управлений, военных и казачьих управлений и частей, учреждений министерства земледелия, промышленности, финансов, народного образования и здравоохранения, религиозного культа, почтовых и других административных ведомств, общественных, культурно-просветительных и научных учреждений.

Исторический архив в Казахстане начал своё существование с момента образования областей в Казахской степи (1867—1868 гг.).

Архивные материалы, отложившиеся до реформы 1867—1868 гг., были сконцентрированы в архиве Тургайского областного правления (Оренбург) — самый полный из архивов, содержащий исторические документы по управлению казахами с 1731 года.

Архив с 1890 г. был подчинён Оренбургской учёной архивной комиссии и просуществовал в ведении последней до 1918 года. В 1924 г. Тургайский архив был переименован в Центральный краевой архив Киргизской АССР, в который влились новые архивные фонды из бывшей ханской ставки (г. Урда). С переводом столицы Казахской АССР в Алма-Ата Исторический архив пополнился новыми фондами учреждений бывшей Семиреченской области (1848—1917). В дальнейшем Исторический архив пополнился фондами дореволюцион-

ных учреждений и из других государственных архивов (Чкалова, Омска и т. д.), территориально и исторически принадлежащих Казахстану. Концентрация документальных материалов в основном к 1940 г. была закончена.

В настоящее время в архиве хранятся материалы 365 дореволюционных учреждений с общим количеством более 200 тыс. единиц. Все материалы обработаны и вполне доступны для исследователей. При архиве имеется библиотека, читальный зал и научно-справочный аппарат.

Наиболее ранними материалами являются документы Оренбургской пограничной комиссии (свыше 7 тыс. ед.), освещающие все стороны жизни казахского народа. Среди них имеются документы о восстаниях казахского народа против кокандских и хивинских ханов; о движениях под руководством батыра Срыма Датова, султана Арынгазы и Каипгали Ишимова; о восстаниях Жолман Теленши и Исатая Тайманова.

Значительное количество документальных материалов имеется о дипломатических и торговых сношениях Казахстана с Россией, Китаем, Бухарой и Хивой. Среди них наибольший интерес представляют документы о посылке ханом Ширгазием посланников в Петербург; о поездке посланников и дипломатических миссий в Хиву и Бухару; статистические сведения о торговых оборотах; об импорте и экспорте скота, сахара, чая и других товаров; об организации в степи ярмарок и торговых пунктов, о скотопрогонных путях и торговых трактах; торговые договоры с Китаем и другими странами.

Большое количество дел и отдельных документов имеется в архивных фондах о переходе казахов в подданство России. Наиболее ценными из них являются прошения ханов, султанов и казахских родов Большого и Среднего жузов о желании перейти под покровительство России и их клятвенные обещания верности могущественной своей покровительнице.

Сохранились также ценные материалы о взаимоотношениях казахских жузов с Россией и восточными странами; деловые и личные письма ханов и султанов, в том числе Кенисары Касымова, Иликеев, Донходжа, Исета, Суранчи и бия Чиген Мусина, характеризующие общественную и политическую деятельность их. Особенную ценность представляют документы султанов Каратая и Есата Котибарова, игравших двойственную политическую роль в отношении казахского шариата, России и Хивы.

Почти во всех фондах Исторического архива ярко и богато отражен социальный и политический строй, классовые противоречия и классовая борьба внутри казахского общества. Особенно ценные материалы хранятся в фондах «Начальника Алатавского округа и киргизов Большой орды».

Обширный документальный материал сохранился по истории городов и других населенных пунктов Казахской степи, о переходе казахов от кочевого образа жизни к оседлому, о переселенцах в Казахскую степь из

Центральной России и из Китая—дунган, уйгур и других народов.

В фондах горных ревизоров имеются ценные материалы о возникновении и развитии горнозаводской промышленности, о проникновении в Казахскую степь иностранного капитала и о формировании казахского пролетариата. Особо ценной группой материалов являются документы о революционном движении; о забастовках на фабриках и заводах в горной промышленности; о восстании казахов в 1916 г., охватившем всю Казахскую степь; о либеральном и религиозном движении среди казахов, киргизов и других народов Востока; о политических ссыльных и о деятельности социал-демократической партии в Казахстане. Исключительно богатый материал по истории казахского права и быта представляют фонды судебных учреждений: записи казиев и биев и съезды мировых судей.

Большую ценность представляют в фонде Семиреченского областного правления материалы канцелярий по пограничным делам и канцелярий по Кульджинским делам, в которых имеются ценные документы о дунганском восстании во второй половине XIX в., о переселении уйгур и дунган в Семиречье.

Богатые источники по истории дунган, узбеков, уйгур, татар и других национальностей сохранились в фондах областных и уездных правлений и в канцеляриях военных губернаторов.

Ценную группу составляют документы о взаимоотношениях России с Китаем. Здесь имеются копии торговых трактатов и договоров; материалы об обмене посланниками; о поездке торговых представителей в Китай и из Китая в Россию. Исключительно важными документами являются решения междунаrodnых съездов по разбору взаимных претензий между Россией и Китаем с участием представителей от казахского народа.

Богатые источники имеются по народному просвещению: о создании русско-казахских школ, о влиянии русской культуры на развитие Казахстана, о создании русско-китайских школ переводчиков. По истории народного образования в Казахстане имеются ценные материалы в фондах инспекторов народных училищ, гимназий и высших начальных школ и училищ.

В делах Оренбургской пограничной комиссии имеются уникальные печатные материалы, представляющие исключительный интерес, как продукт полиграфического производства в первой половине XIX века.

Почти во всех фондах Исторического архива сохранилось большое количество документов, относящихся к концу XVIII и к XIX вв. на казахском, уйгурском, татарском, узбекском и частично арабском языках.

Документы фондов Оренбургской пограничной комиссии, оренбургских губернаторов, областных правлений, Букеевского ханства исполнены переводчиками и толмачами указанных учреждений на татарском языке (арабским алфавитом), книжном, принятом в то время среди мусульманских учёных бывшей Европейской России.

Самую ценную группу документов в историческом, бытовом и языковом отношении представляют рукописи лиц, не причастных к управленческому аппарату Казахской степи. Таковы рукописи султанов Кенисары Касымова, Илекея; батыров Джанходжа, Исета, Суранчи и правнука известного батыра Джаныбека, бия Чигень Мусина и других. В этих документах встречаются отдельные казахские изречения, которые раскрывают глубокую индивидуальность их авторов. В этом отношении наиболее характерны письма бия Чигена Мусина, батыра Суранчи и других.

В фондах архива имеется большое количество документов на китайском, манчжурском и западномонгольском языках, написанных подлинным иероглифическим и алфавитным письмом, свойственным этим языкам. Наибольшее число таких документов, охватывающих многочисленные дела, характеризующие взаимоотношения дореволюционного Казахстана с Китаем, находится в фондах военного губернатора по Кульджинским делам, Семиреченского областного

правления, Верненского уездного управления.

Китайские документы представляют обычные образцы китайского официального слога, манчжурские же документы обращают на себя внимание языковедов во многих отношениях, а некоторые из них оказываются в своем роде единичными и возбуждают исключительный интерес.

В фондах имеются родовые знаки — тамга, — именные печати ханов, султанов, восточных правителей, аульных старшин и «выборных» биев, которые также представляют ценную категорию в общем комплексе архивных материалов для изучения истории генеалогии казахских родов.

Данный краткий обзор документальных материалов далеко не исчерпывает всех богатств Исторического архива. Наиболее полно они освещены в Путеводителе по Историческому архиву и в отдельных, имеющих в архиве обзорах и справочниках. Документальные материалы являются ценными не только для Казахстана, но в равной степени и для соседней с нами республики — Киргизии.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. А. ВОСКРЕСЕНСКИЙ. *Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях. Том I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Под редакцией и с предисловием Б. И. Сыромятникова (Академия наук Союза ССР. Институт права). Издательство Академии наук Союза ССР. М. и Л. 1945. XI. IV + 602 + 4 вклейки. Тираж 3000. Цена 50 руб.*

Издание источников по истории России XVIII в. велось довольно слабо в дореволюционные годы; в советские годы оно тоже не получило развития, исключением явились крестьянские восстания XVIII в. (Булавинское и Пугачёвское) и географические открытия и экспедиции, о которых именно в советские годы издано довольно много новых и ценных источников. Издания источников об эпохе Петра Великого за эти годы также не было. Начатое ещё в 1872 г. издание «Писем и бумаг императора Петра Великого», доведённое до седьмого тома (письма и бумаги за первую половину 1708 г.), было приостановлено в 1918 г. и возобновилось только в 1943 г., когда Институт истории образовал особую группу по изучению эпохи Петра Великого, которая довольно быстро закончила подготовку переписки Петра Великого за вторую половину 1708 г. (VII том), предполагая в 1946 г. начать подготовку VIII тома (переписка за 1709 г.).

Н. А. Воскресенский, составитель рецензируемого сборника «Законодательные акты Петра I», вёл всю работу индивидуально, но потом его труды вошли в план Института права. «Законодательные акты Петра I» были уже подготовлены Н. А. Воскресенским ещё до начала Отечественной войны, но том вышел из печати только в июне 1945 года. Прекрасно оформленный издательством Академии наук, напечатанный на очень хорошей бумаге, сборник был выпущен в дни празднования 220-летия Академии наук. Позволю себе высказать несколько замечаний по поводу этой книги.

Труд Н. А. Воскресенского открывается статьёй редактора сборника Б. И. Сыромятникова (стр. XXXIII—XLIV), в которой отмечается, что этот труд «представляет выдающееся, можно сказать, исключительное явление в области публикации исторических памятников». Б. И. Сыромятников находит, что «в практике подобного рода изданий утвердилась довольно прочная археографическая традиция, которая, по его мнению, «сводится к изданию одних текстов, с небольшими дипломатическими аннотациями и подстрочными вариантами слов или отдельных выражений...». Б. И. Сыромятников приводит длинный перечень русских изданий

XIX—XX вв., в которых эта «традиция» им обнаружена. Этот список можно бы продолжить, включив в него все русские издания «исторических памятников и актового материала», появившиеся не только в России XVIII—XX вв. и в СССР, но также и за границей, так как среди изданий, предшествующих появлению «Законодательных актов Петра I», было, по мнению Б. И. Сыромятникова, только два «удачных исключения»: это «издание текстов «Русской Правды» (т. I), выпущенное Институтом истории АН СССР, и им же составленное учебное пособие той же «Русской Правды» (стр. XXXIV). Мне кажется, что Б. И. Сыромятников не точно и неправильно изобразил открытую им «археографическую традицию»; он упустил из виду, что принципы издания повествовательных источников (например летописей, сказаний, житий и т. п.) отличались от изданий документальных источников (грамот, записей, актов) и что изданию первых очень часто предшествовала большая предварительная работа по установлению различных редакций текста, их происхождения и т. п. Появлению некоторых томов «Полного собрания русских летописей» предшествовала большая предварительная работа по изучению происхождения списков памятников, о которой редакторы отдельных томов давали весьма подробный отчёт; они печатали его в начале издаваемых ими памятников или отдельно, в виде особого исследования. Можно назвать много подобных работ XIX—XX вв., в которых эта археографическая традиция нашла такое же применение, как и в том издании, которое, по мнению Б. И. Сыромятникова, является «удачным исключением». Правда, при издании документальных памятников эта «традиция» меньше применялась, но в ней при простоте текстов не было нужды: если акт (грамма) сохранился в оригинале или в единственном списке, то едва ли требуется при издании его давать что-либо другое, кроме того, что Б. И. Сыромятников называет «небольшими дипломатическими аннотациями и подстрочными вариантами слов или отдельных выражений».

Неправильно представив «археографическую традицию», Б. И. Сыромятников утвер-

ждает далее, что публикация Н. А. Воскресенского по сравнению со всеми предшествующими изданиями исторических источников «идёт по совершенно другому пути». В основе труда названного автора также лежит публикация текстов законодательных актов Петра I, но Н. А. Воскресенский подаёт их в таком виде, в таком ансамбле актового материала, что его «издание» превращается в настоящее исследование (разрядка здесь и далее Б. И. Сыромятникова. — А. А.), вскрывающее перед читателем и историю рождения каждого законодательного акта петровской эпохи в последовательных стадиях, которые данный акт прошёл в процессе своего генезиса, разработки и, наконец, окончательного оформления и «высочайшей «санкции» (стр. XXXIV). В основе соображений Б. И. Сыромятникова лежит неправильное предположение, что издание источника может заменить его предварительное исследование: «традиция» же не только нашей, но и западноевропейской археологии говорит определённо, что даже совершенное издание источника требует его предварительного исследования в археографическом отношении, а результаты его следует представить и при издании источника.

Вопреки Б. И. Сыромятникову позволяю себе утверждать, что задача, которую поставил себе Н. А. Воскресенский, вовсе не новая; и до него занимались изданием законодательных актов петровской эпохи, но его предшественники, например В. И. Веретенников, П. В. Верховский и другие, не смешивали двух разных задач: исследование происхождения акта и его издание. Возможно, конечно, в одном сборнике представить результат той или другой работы, но заменить первую тему «ансамблями» документов, которые даёт Н. А. Воскресенский, например, в начале издаваемых им «Актов о Сенате и государственных коллегиях» (стр. 195—277), или краткими, но решительными общими заявлениями, что «всех последовательных редакций (закона о Должности Сената) следует установить шесть» (стр. 281, 319, 371), ещё не достаточно: необходимо и «ансамбль» дать более полный (см., например, примечание к стр. 333), притом его следует дополнить (стр. 379) комментариями к «ансамблю» (без соответствующих пояснений непонятно отношение, например, №№ 344 и 345 к №№ 342, 343 и 346), а заявления о редакциях, их числе требуют серьёзного исследовательского подхода, которого в книге Н. А. Воскресенского нет и без которого все эти многочисленные «редакции» пока остаются произвольными построениями Н. А. Воскресенского, так как и самое понятие «редакции» им нигде не объяснено; не связывая себя с существующей традицией и принятыми в археологии понятиями, он должен был дать своё собственное определение редакций. Н. А. Воскресенский, несомненно, ставил перед собой (см. его «Постановку задачи», стр. 1—2) соответствующие «темы», которые были, по его скромному мнению, «вне интересов исследователей» и были впервые поставлены им. Однако подробностей своей работы по истории законодательства Петра Великого

он в первом томе не даёт; вероятно, рано или поздно в особом исследовании он даст обоснование результатов, т. е. проделает тот «первый путь», о котором говорит в своём введении: «...собрать архивный материал по законодательству Петра I в выписках, систематизировать его, сделать научный анализ и результаты изучения представить в виде учёного исследования». По этому пути шли многие предшественники Н. А. Воскресенского и достигли результатов, прочно вошедших в историческую науку. Н. А. Воскресенский избрал второй способ изучения законодательства Петра Великого: «...обследовать архивные фонды, разыскать в них по возможности все материалы, относящиеся к законодательству Петра I, установить на основании их историю текстов и воспроизвести все последовательные редакции важнейших законодательных актов с сохранением особенностей дипломатики публичного акта» (стр. 3). Признавая преимущества первого способа, Н. А. Воскресенский видит в нём и «большие недостатки», которых можно избежать при втором способе. При первом способе «самый выбор материала может оказаться в зависимости от субъективного усмотрения исследователя, его воззрений, точки зрения, а в связи с этим его выводы могут иметь тот или другой характер. При этом для проверки наблюдений и заключений автора такой работы в распоряжении исследователей и критиков не будет других материалов без дополнительных поисков в архивах» (стр. 3). Сообщая о числе «редакций» различных печатаемых в сборнике законодательных актов, Н. А. Воскресенский, видимо, избег опасности «субъективного усмотрения» исследователя и, кажется, убеждён, что его отбор документов не имеет случайного субъективного характера, отличается предельной полнотой и не потребует от пользующегося его трудом «дополнительных поисков в архивах». Попробуем проверить выполнение взятых им на себя обязательств.

Помещённый в предисловии на стр. 3—10 «Обзор архивных источников по законодательству Петра I» говорит о той громадной работе по пересмотру сохранившихся архивных материалов о петровской эпохе, которая выполнена единолично Н. А. Воскресенским. Им просмотрены фонды Кабинета, Сената и Синода, а также фонды некоторых коллегий — Военной, Адмиралтейской, Берг и отчасти Иностранной (последнюю в той части, которая попала в б. Государственный архив). Этот перечень архивных фондов, приведённый в обзоре, неполон: в тексте сборника имеются ссылки на архивные фонды, которые не упомянуты в «Обзоре»; значит, Н. А. Воскресенским проделана большая работа, чем та, о которой он сказал (см., например, легенды при №№ 414, 426 и др.).

В перечне просмотренных фондов имеются, однако, ошибки: упоминаемый на стр. 9—10 «Гос. архив Мин. Ин. дел» — в полном не один архив, а два: фонды, упомянутые на стр. 9—10, входили в б. Государственный архив Российской империи, а названные на стр. 10 «Дела, касающиеся до образования различных государственных учрежде-

ний» и упоминаемые на той же странице 12 книг, собранные в 1755 г. из документов коллегии Иностранных дел, входили не в «тот же Государственный архив Мин. Ин. дел», а в б. Московский главный архив Мин. Иностранных дел (эта ошибка повторена на стр. 529 и др.).

Вместе с тем следует уточнить наименование части фонда Сената в Москве (в ЦГАДА), которую просматривал Н. А. Воскресенский и которая, по его мнению, «представляет интерес»: он обозрел только незначительную часть (отдельные книги) громадного фонда Сената, относящегося к переписке его с коллегией петровской эпохи, но им не просмотрены, однако, те книги «переписки Сената» (№№ 534—537, 604—607, 810—814, 1273—1282, 1344, 1728—1770), которые имеют непосредственное отношение к тем коллегиям, законодательным актам которых посвящён первый том «Законодательных актов Петра I», а именно: Адмиралтейской коллегии, Штатс-контроллерии, Камер-коллегии, Рекетмейстерской конторы, Юстиц-коллегии и Иностранной коллегии. В этих книгах Сената можно найти документы, которые объяснили бы полнее и лучше процесс создания законодательных актов, о которых говорится в «Законодательных актах Петра I», в разделах: 4-м («Должность прокурора Адмиралтейской коллегии»), «Указа и инструкции рекетмейстеру», 5-м («Об устройстве судебных учреждений в России»), 8-м («Определение коллегии Иностранных дел»), 9-м («Регламент Камер-коллегии») и 10-м («Регламент Штатс-контроллерии»). Не только переписка Сената с этими коллегиями должна бы привлечь внимание Н. А. Воскресенского, но и фонды этих коллегий нельзя было оставить без просмотра. Между тем из архивов петровских коллегий, хранящихся в ЦГАДА в Москве, не использованы Н. А. Воскресенским архивы: Камер-коллегии (с 1704 г., ф. 272), Штатс-контроллерии (с 1718 г., ф. 278), Юстиц-коллегии (с 1701 г., ф. 282) и Иностранной коллегии (с 1720 г. — «внутренние коллежские дела», ф. 169). Это привело к тому, что Н. А. Воскресенским не включены в его первый том многие документы, которые были известны составителям «Полного собрания законов» и которые они, несомненно, извлекли из фонда Сената и из фондов самих этих коллегий. Стоит сравнить то, что даёт, например, Н. А. Воскресенский в разделах 4 (по Адмиралтейской коллегии, о фискалах, о рекетмейстере), 5, 8, 9 и 10 с соответствующими томами и номерами «Полного собрания законов», посвящёнными законодательным актам, относящимся к тем же коллегиям, чтобы убедиться в том, что первый том «Законодательных актов Петра I» не только не заменяет в этом отношении «Полное собрание законов», но требует постоянного обращения к нему, когда речь идёт, например, о материалах, необходимых для понимания того, как создавались регламенты коллегий: Юстиц-, Иностранной, Камер- и Штатс-контроль. Не доведя просмотр архивных фондов коллегий и о коллегиях до конца, Н. А. Воскре-

сенский мог дать о коллегиях лишь то, что он нашёл в фондах Кабинета, в части фонда Сената и в тех коллекциях материалов, которые представляют разряды б. Государственного архива и б. Московского главного архива Министерства Иностранных дел. Поставленная им себе задача — «обследовать архивные фонды, разыскать в них по возможности все материалы, относящиеся к законодательству Петра I», — судя по опубликованному первому тому, оказалась невыполненной.

В перечне просмотренных Н. А. Воскресенским фондов отсутствуют два таких фонда, к которым естественно было обратиться, — я имею в виду архивы А. Д. Меншикова и Я. В. Брюса. Меншиковский архив, оказавшийся к настоящему времени не только в Ленинграде (в Ленинградском отделении Института истории), но и в Москве (в ЦГАДА и в Библиотеке Союза ССР), странным образом не привлёк к себе внимания Н. А. Воскресенского. Я. В. Брюс заинтересовал Н. А. Воскресенского (стр. 9) только его деятельностью в Мануфактур- и Берг-коллегиях, но ведь прочие виды многообразной деятельности Я. В. Брюса нашли ещё более яркое отражение в фонде Брюса, хранящемся в Артиллерийском музее в Ленинграде; об этом фонде уже давно известно в литературе. Почему Н. А. Воскресенский прошёл мимо этих двух архивов, остаётся непонятным.

Не располагая всеми нужными ему материалами, относящимися к законодательству Петра I, Н. А. Воскресенский лишь отчасти мог выполнить свою вторую задачу: «...установить на основании их историю текстов и воспроизвести все последовательные редакции важнейших законодательных актов...» Для «истории текстов» он привлёк те документы, которые нашёл главным образом в фондах Кабинета и Сената, но уже выше пришлось отметить их неполноту. В отношении регламента, например Юстиц-коллегии 1718 г., Н. А. Воскресенский мог найти в своих материалах только те 7 документов, которые он и приводит под №№ 50, 51, 377—381; лица, просматривавшие в своё время (перед 1830 г.) фонды Сената по Юстиц-коллегии и фонд самой Юстиц-коллегии, могли дать для «Полного собрания законов» значительно большее количество документов, которые в той или иной мере объясняют «правотворчество», связанное с устройством в 1718—1719 гг. Юстиц-коллегии и судебных учреждений. В других случаях (в отношении регламентов Иностранной коллегии, Камер-коллегии и др.) получились та же картина: стоит сравнить документы, например разделов 9 и 10 «Законодательных актов Петра I», с тем, что даёт «Полное собрание законов», чтобы прийти к выводу, что «история текстов» законодательных памятников не получилось, а вся она свелась к подаче разнообразных редакций законов, объяснение происхождения которых — ещё дело будущего. В подаче «последовательных редакций» текстов (в разделах 3—10) таких законодательных актов петровского времени, как указы: о Сенате

1711 г., «Должность Сената», «Должность генерал-прокурора», «Должность прокурора Адмиралтейской коллегии», «Указ о фискалах», «Инструкция рекетмейстеру», «Указы об Юстиц-коллегии», «Указ о форме суда», «Генеральный Регламент государственных коллегий», «Регламент Иностранной коллегии, Камер-коллегии и Штатс-контор коллегии», — надо видеть пока основной итог многолетней работы Н. А. Воскресенского по просмотру некоторых архивных фондов петровской эпохи. Усилиями одного человека, собраны очень ценные материалы о законодательстве петровской эпохи; тексты многих напечатанных здесь законов были уже известны ранее, но Н. А. Воскресенский впервые собрал и отчасти напечатал последовательные редакции этих законов; дав тем самым исследователям много новых материалов о законодательстве того времени. К сожалению, судить о правильности установления Н. А. Воскресенским тех или иных этапов в создании отдельных законов, по указанным выше причинам, пока невозможно, а некоторые из установленных им редакций не подходят под обычное понимание «редакции» (см., например, далее о редакциях «Стата» Иностранной коллегии).

В книге Н. А. Воскресенского имеются ещё два раздела, которые названы им: первый — «Акты о законе и правотворчестве» (№№ 1—211 за 1699—1724 гг.), второй — «Акты о верховной власти» (№№ 212—229, 1721—1723 гг.) и приложения (№№ 230—235, 1697—1724 гг.); они занимают в книге около трети её и должны, видимо, иметь характер введения ко всем прочим актам. Просматривая акты разделов первого и второго (№№ 1—235), нельзя не обратить внимания прежде всего на неравномерность их в хронологическом отношении: актов до 1709 г. в обоих разделах всего семь (№№ 1—5, 230 и 231), все прочие (т. е. 228 номеров) относятся ко времени более позднему, преимущественно к 1718 и следующим годам; впрочем, к «Актам о законе и правотворчестве» раннего периода следует отнести и те, которые случайно попали в раздел 3 (№№ 236—239), но они не изменят общего впечатления, что «Актов о законе и правотворчестве» и «Актов о верховной власти» за период до 1709 г. в распоряжении Н. А. Воскресенского оказалось очень мало, а те, которые у него были, носят, несомненно, случайный характер. Его поиски в архивных фондах были, повидному, обращены главным образом на акты последних лет¹. Такое

ограничение вполне понятно и законно, но об этом надо было заявить, скажем, в предисловии, а не давать читателю совершенно неправильного представления о том, что «правотворчество» Петра и его сотрудников началось, в сущности, только после Полтавы... Между тем, уже из трудов М. М. Богословского, посвящённых этому раннему петровскому «правотворчеству», хорошо известно, что изучение его — одна из наших очередных задач, без разрешения которых всё последующее «правотворчество» иногда непонятно и неожиданно... Н. А. Воскресенский уклонился от этой работы по выявлению материалов по истории петровского законодательства периода до 1709 и даже до 1718 года. И исследователь, изучающий этот период, должен обращаться попрежнему к «Полному собранию законов» и вновь искать нужные материалы в архивных фондах.

Но что же даёт сборник Н. А. Воскресенского нового для историка петровской эпохи?

Остановлюсь прежде всего на актах, напечатанных в первом и втором разделах. Из 235 номеров актов большая часть, около 200 номеров, относится к 1718—1725 гг., из них 35 напечатаны ранее в «Полном Собрании Законов», в томах V, VI и VII; около десяти—пятнадцати — в «Сборнике Русского Исторического Общества», т. XI, в «Собрании постановлений по ведомству православного исповедания» и др. Таким образом, большая часть актов в этих разделах впервые введена в научный оборот. Трудно объяснить, чем руководствовался Н. А. Воскресенский, печатая снова то, что уже ранее было издано в «Полном Собрании Законов» или в других сборниках актов петровского времени. В нескольких случаях (№№ 124, 164, 191 и др.) текст «Полного Собрания Законов» является более полным, чем в труде Н. А. Воскресенского, где даётся лишь его часть. Некоторые вновь изданные акты не могут быть поняты без обращения к «Полному Собранию Законов», таковы, например, №№ 128, 129, 136, которые требуют обращения к №№ 3963 и 4010 «Полного Собрания Законов»; многие акты, касающиеся Синода (№№ 143, 144, 158—160 и др.), для их понимания требуют просмотра «Собрания постановлений по ведомству православного исповедания» (за 1720—1724 гг.), где напечатаны аналогичные распоряжения Петра.

Акты 1712 и следующих годов даны в разделах первом и втором впервые, однако приходится отметить их пестроту и случайность; те из них, которые относятся к Сенату, Синоду, определённой коллегии и т. п., следовало бы включить в следующие разделы книги или отложить их до следующих томов; в нескольких случаях, печатая случайные акты, относящиеся к тем или иным петровским коллегиям, Н. А. Воскре-

¹ Кажется, Н. А. Воскресенский руководствовался при этом теми представлениями о вышедших томах «Писем и бумаг императора Петра Великого», которые он изложил на стр. 20 своего сборника: вопреки утверждению Н. А. Воскресенского издание «Писем» не закончилось, и его приостановка в 1918 г. неправильно истолкована Н. А. Воскресенским. По поводу его претензии заменить своими сборниками будто бы законченное издание «Писем и бумаг императора Петра Великого» приходится только удивляться. Сведения об окончании издания «Писем» были неверны и в годы, когда он

начинал свою работу, неправильны и в 30—40-е годы и, в особенности, с 1943 г., когда Институт истории возобновил работу по изданию «Писем и бумаг императора Петра Великого».

тенский обещает полный текст их дать в томах II и III «Законодательных актов». Отмеченные факты говорят о том, что у Н. А. Воскресенского не было системы в отборе актов для первых двух разделов книги.

Раздел третий — «Акты о Сенате и государственных коллегиях» — начинается указом Петра 1702 г. о ведении делопроизводства в учреждениях и в войсках на листовой бумаге, с воспрещением писать на столбах, но ведь это не первый указ, касающийся тех же вопросов. Если эти вопросы отнести к теме о Сенате и коллегиях, то надо было привести и многие другие указы до 1711 г., а не только те четыре случайных, которые Н. А. Воскресенский напечатал под №№ 236—239 и которые были уже отчасти напечатаны. Главнейшие «Указы» 1711 и следующих годов, которые читаем под №№ 240—332, во многих случаях были изданы ранее, прежде всего в ПСЗ, а те акты (из указов 1713—1724 гг.), которые напечатаны здесь впервые, оставляют то же впечатление, которое получается и при чтении актов первых двух разделов. Вместе с тем и здесь трудно понять, почему, например, № 340 попал в раздел четвёртый, когда он относится не только к «Должностям Сената», но касается и Синода, и, конечно, канцелярии, и «всех судебных мест»...

Случайный подбор актов можно найти и в других разделах книги: под №№ 347—354 напечатаны «Указы о фискалах, их должности и действиях», семь из них относятся к периоду до 1714 г., и лишь один акт — к 1721 г.; между тем стоит просматривать соответствующие томы ПСЗ, чтобы убедиться в наличии многочисленных актов 1714—1721 гг., касающихся «должности и действия фискалов». Как в этом, 4-м разделе, так и в следующих внимание Н. А. Воскресенского главным образом устремлено на регламенты, инструкции и т. п., а весьма важные для понимания их «остальные акты приводятся им случайно и весьма неполно. Среди этих случайно подобранных актов имеется, конечно, и много таких, которые, как например «Заметки» из записных книжек Петра (№№ 78, 97—99, 122, 151—153, 155—157, 159, 179, 185—197, 292 и др.), представляют большой интерес, но, к сожалению, они часто напечатаны так, что требуют, в сущности, нового издания.

Нельзя же обратить внимания на необычную квалификацию этих документов: к «Актам о законе и правотворчестве» Н. А. Воскресенский относит «доношения» генералов Вейде и Брюса (№№ 1—2), «Проект указа о введении в действие Соборного уложения» (№ 3), «Изложение речи Петра I...» (№ 4), «Заметки из записной книжки Петра I...» (№ 5), «Указ Петра I» (№ 6 и сл.), «Отрывок из Журнала К. Н. Зотова» (№ 19), «Титульный лист к русскому переводу «Ордоннанса Людовика XIV...» (№ 20), «Письмо Я. В. Брюса кабинет-секретарю Макарову...» (№ 21), «Заметки законодательного характера... написанные Петром I» (№ 30), «Исправление Петром I проекта «Артикулов Воинских» (№ 33), «Объявление Петра I к Уставу Воинскому» (№ 37), «Мемория Петра I адм. Ф. М. Апраксину...» (№ 41), «Про-

токольную запись о передаче датских морских законов... морскому офицеру Конону Зотову для сведения их по указу Петра I в одно целое» (№ 46), «Законопроект об органах местного управления...» (№ 52), «Пункты Петра I законодательного характера...» (№ 56), «Введение к Ордоннансу Людовика XIV...» (№ 76) и др. Принято думать, что именно историки права отличаются точностью в юридических определениях, а потому историк просто стоит в недоумении, когда под понятие «акта» подводятся Н. А. Воскресенским столь разнообразные по форме и содержанию документы, под которыми обычно разумеют нечто отличное от актов, или законодательных актов... Столь пёстрыми по содержанию «Законодательные акты Петра I» представляются при ознакомлении с первым и вторым разделами; но на деле эта пестрота, конечно, не законодательных актов, а материалов к ним, которые печатает Н. А. Воскресенский. В сущности, заглавие сборника не отражает его содержания: оно значительно шире — перед нами «Материалы для истории эпохи Петра I», а не только «Законодательные акты Петра I» (так, видимо, понимал свою задачу и Н. А. Воскресенский, когда на титульном листе своей книги дал и второе заглавие её: «Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья (челобитные?)—А. А.) и иностранные источники». Странно, что Институт права Академии наук, под маркой которого вышел данный труд, санкционировал такое толкование «законодательного акта», когда под него подводят «заметки, челобитья, иностранные источники». Здесь, как и во многих других местах этой книги, составителем сборника Н. А. Воскресенским допущена неточная терминология, которая не исправлена и редактором книги Б. И. Сыромятниковым.

Среди материалов, напечатанных в книге, много, конечно, интересных, впервые публикуемых. Н. А. Воскресенский не утруждает себя выяснением вопроса, был или не был опубликован ранее издаваемый им документ. Изучая материалы сборника, приходишь, однако, к выводу, что всё же подбор документов случайный: сборник не может претендовать на какую-либо полноту, и нередко включение того или иного документа в сборник зависело, повидимому, от того, что он казался Н. А. Воскресенскому «интересным» и имел какое-то, иногда далёкое, отношение к теме сборника. Например такие документы, как «Изложение речи Петра I, сказанной при посещении им больного патриарха Адриана, о необходимости просвещения для России, о целях и способах организации школ для борьбы с невежеством», или «Прошение сенаторов царю Петру I о принятии им титула «Отца отечества, Императора Всероссийского Петра Великого», или «Наставление Петра I племяннице своей, царевне, выходящей замуж за границу» и др., в известном смысле интересны, но случайны и прямого отношения к теме «Акты о верховной власти» не имеют... Вывод из просмотра этой части сборника ясен: в нём много интересных материалов, частью уже напечатанных до появления их в сборнике Н. А. Воскресен-

ского, но едва ли их следовало именовать «Актами верховной власти» и издавать в сборнике, носящем название «Законодательные акты Петра I».

Приёмы издания документов усиленно обсуждались и разрабатывались в XIX—XX вв. у нас и на Западе; специальная дисциплина — археография — привлекала и привлекает к себе внимание историков и литературоведов, которым приходится заниматься изданием исторических источников. В советские годы сделано довольно много по выработке правил издания документов, и последние по времени появления их заслуживали бы внимания Н. А. Воскресенского и редактора его труда Б. И. Сыромятникова (имею в виду «Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда Союза ССР». М. 1945). И тот и другой держатся, однако, мнения, что «...до настоящего времени специальных правил и приёмов издания публичного акта в нашей археографии не было выработано...» (стр. 18) и что приёмы научного издания памятников законодательства Петра Великого, которые были предложены Н. А. Воскресенским, являются более совершенными¹.

На меня правила Н. А. Воскресенского и теперь, когда они дополнены и изменены им на основании его собственного опыта, производят впечатление весьма общих и элементарных: в них смешиваются мысли о технике первоначальной архивной работы с вопросами изучения происхождения текстов, выяснение задач издания законодательных актов с необходимыми условиями работы над ними.

Н. А. Воскресенский утверждает, что «кафедры университетов и специально исторические исследовательские институты», как можно судить из опубликованных ими сборников источников и курсов, продолжают твёрдо стоять на старых позициях неkritического отношения к источникам по реформе Петра I, рекомендуя и перепечатывая обветшалые страницы монументального издания «Полного собрания законов». Эти резкие строки вызваны, однако, всего лишь одним учебным изданием «Реформы Петра I», печатая которое его составитель В. И. Лебедев сделал весьма полезное дело; он, конечно, не ставил себе каких-либо исследовательских задач и не собирав, конечно, нарушить какие-либо традиции исторической критики, к восстановлению которых призывает теперь Н. А. Воскресенский. Без всяких серьёзных оснований, а всего лишь на основании одного неправильно понятого факта — перепечатки в упомянутом сборнике из «Полного собрания законов» некоторых документов петровской эпохи — Н. А. Воскресенский утверждает затем, что неkritическое отношение к источникам является «господствующим

в настоящее время в исторической науке», и несмотря на это Н. А. Воскресенский выступает со своим сборником, в котором ставит своей задачей «приложить практически правила исторической критики к памятникам публичного права». После такого шумного вступления автор предлагает несколько общих мыслей о том, что давно уже известно — о систематически-хронологическом расположении документов, которое и должно, между прочим, выгодно отличать его издание от «пользовавшегося всеобщим признанием как образцовое» издания тех же документов в 1850 г. в «Полном собрании законов».

Замечания Н. А. Воскресенского по поводу «Полного собрания законов» (стр. 11—17 его введения) уже вызвали возражения у редактора сборника Б. И. Сыромятникова, отметившего, что они «являются некоторым недоразумением», и в силу этого Б. И. Сыромятников считает данную Н. А. Воскресенским оценку монументального труда М. М. Сперанского неправильной. Отсылая к этим возражениям Б. И. Сыромятникова, отмечу лишь, что о приёмах и методах издания документов в «Полном собрании законов» весьма обстоятельно и правильно писал покойный А. Н. Филиппов в своей статье, напечатанной в «Отчёте Московского университета» за 1915 г.; в ней отмечено многое из того, что будто бы впервые замечено в отношении «Полного собрания законов» Н. А. Воскресенским. И после появления сборника Н. А. Воскресенского ценность «Полного собрания законов» ничуть не уменьшилась: Б. И. Сыромятников правильно отметил, что оно не преследовало тех задач, которые Н. А. Воскресенский по недоразумению или неведению приписал М. М. Сперанскому и его сотрудникам.

Редактор издания Б. И. Сыромятников оставил, однако, без замечаний утверждение Н. А. Воскресенского, что со своим сборником он выступает тогда, когда «кафедры университетов и специально исторические исследовательские институты... продолжают твёрдо стоять на старых позициях неkritического отношения к источникам по реформе Петра I».

Странно то, что это необоснованное заявление по адресу советской исторической науки напечатано в издании, которое вышло под маркой академического института — Института права, — а ответственный редактор сборника Б. И. Сыромятников санкционировал эти неправильные утверждения и самый труд Н. А. Воскресенского возвёл в своём предисловии на недостижимую высоту.

Незнакомство Н. А. Воскресенского с работой советских историков, касающейся выработки правил издания исторических источников (а такие правила появились в 1919—1945 гг.), привело к тому, что Н. А. Воскресенский применяет свои собственные правила. Не зная или не считаясь с тем, что до него по этому же вопросу выработали его предшественники, Н. А. Воскресенский учит их тому, как надо издавать. Свои поучения, изложенные на страницах 21—24, он преподносит так, будто до Н. А. Воскресен-

¹ В 1925 г. Н. А. Воскресенский впервые сделал доклад об издании «Памятников Законодательства Петра в Археографической комиссии Академии наук». Тезисы его доклада позднее были напечатаны в «Летописи занятий Археографической комиссии» (вып. XXXIII). Однако комиссия не присоединилась к точке зрения Воскресенского.

ского об «открытиях» его никогда не слышали и только теперь о них узнают...

В легенде документов принято указывать более ранние их издания (если они были), — Н. А. Воскресенский этого не делает и, боясь обвинения «в игнорировании трудов своих предшественников», приводит свои основания (стр. 23—24). Не входя в подробности, позволю себе не согласиться с мнением Н. А. Воскресенского и буду попрежнему настаивать на необходимости указания в легенде предшествующих изданий источников. В «основаниях» Н. А. Воскресенского имеется указание на «независимость» его работы над документами от работ его предшественников. Очень жаль, что он так мало считался с их работой: они сделали много и, в частности, по вопросам, связанным с передачей текстов тех памятников, которые печатает Н. А. Воскресенский. То, что Н. А. Воскресенский считает своими «специально выработанными правилами и приёмами воспроизведения первоисточников», как произведение его личного творчества, нередко относит нас к таким моментам развития нашей археографии, которые уже давно изжиты. «В настоящем издании законодательные акты приведены с сохранением всех поправок и с полной точностью орфографии подлинника», но от этой «полной точности» пришлось сделать, как ему кажется, два отступления: ввести прописные буквы и расставить знаки препинания согласно требованиям современной грамматики. «Для историков русского языка эти два отступления не составят особого пробела, зато они значительно облегчат трудности чтения текста...» Но, кроме этих двух, сделаны ещё два отступления, не отмеченные Н. А. Воскресенским: надстрочные буквы введены в строку, а текст разделён на слова, — ведь этого же нет в рукописях. Все эти отступления давно уже, свыше полутора столетий тому назад, сделаны нашими археографами, которые также различают приёмы воспроизведения текстов в интересах филологов и историков. Для работ последних лет нет надобности в той буквальной точности воспроизведения текста, к которой стремится Н. А. Воскресенский.

Удалось ли Н. А. Воскресенскому добиться почти буквального воспроизведения всяких текстов, независимо от того, являются ли они оригиналами Петра или других лиц или черновиками и копиями их, современными или более поздними, судить без сверки с подлинниками трудно, но беглый просмотр сборника даёт основания для сомнений в точности и правильности передачи некоторых документов. Вот, например, на стр. 104 — «бубликоват» (в № 132), стр. 363 — «какаком» (в № 374) и др. Иногда, впрочем, Н. А. Воскресенский не буквально передаёт текст, а вставляет от себя буквы и слоги (стр. 231, 233). Явные опiski в документах не исправляются, и потому в № 238, например, читаем: «иволь обявить». Трудно входить в подробности по поводу пунктуации Н. А. Воскресенского, но во многих случаях она мало понятна, для примера назову № 405.

Нет в сборнике единства в применении тех или иных типографских шрифтов: на стр. 222—224 разрядкой напечатаны резолюции Петра, но на стр. 32 той же разрядкой — текст, приписанный А. В. Макаровым, а на стр. 229 — приписанный «другой рукой», но на стр. 236 и др. резолюция Петра (в № 282 и др.) печатается корпусом. Тексты, писанные писцом и только подписанные Петром, передаются одним и тем же корпусом; текст, писанный целиком Петром, передаётся тем же корпусом, как и текст, писанный писцом и только подписанный Петром. Такой разницей в передаче «писаний» Петра и других лиц опять-таки ведёт к тому, что исследователь должен внимательно перечитывать не только тексты, но и легенды к ним, чтобы добраться до текстов, писанных самим Петром.

Н. А. Воскресенский довольно систематически в легендах актов даёт их описание: «Подлинной написан Петром I, подписи его не имеет. Дата секретарская» — это «указы» под № 181—183, но в том же стиле и характере написанное Петром под № 185 уже носит далее название «Заметок из записной книжки Петра I, имеющих законодательный характер...» и ничем от них не отличающиеся в № 186 получают новое название — «Наброски указов Петра I об устройении монастырей, установлении при них учреждений для служения обществу, о мерах к поднятию религиозного просвещения и др.» (то же в № 187). Все эти и другие определения разнovidностей актов, печатаемых Н. А. Воскресенским, появились потому, что строгого понимания указа у него нет, обстоятельство для историка явно недопустимое. Считать «указами» отдельные заметки Петра, из которых могли выйти позднее законодательные акты, — значит, вносить путаницу в установленное понимание указа петровского времени... По недостатку места я не остановился на многих неточностях заголовков актов, которые даёт Н. А. Воскресенский; стремление втиснуть богатое и разнообразное содержание некоторых актов в краткий заголовок во многих случаях приводит к неудаче и к использованию в заголовке таинственной приписки — «и др.», что и ведёт к необходимости читать весь документ в целом.

Черновики и беловики документов печатаются обычно один за другим (см., например, №№ 241—244), хотя иногда они отличаются только мелочами, которые можно бы отметить в построчных примечаниях. Но различные «редакции» актов печатаются уже сокращённо: обычно целиком приводятся только первая и последняя, а средние — только «во всех изменениях текста как со стороны содержания, так и стиля», Н. А. Воскресенский здесь проделал громадную работу по сравнению различных «редакций», например Генерального регламента, но полученные им результаты не заставят ли исследователя вновь идти к рукописи, и не правильнее ли с его точки зрения было печатать все редакции одну за другой, предоставляя исследователю все возможности делать из этих текстов свои выводы?

Ведь тут кроется опасность, на которую он сам указывал: «для проверки наблюдений и заключений автора... в распоряжении исследователей и критиков не будет других материалов без дополнительных поисков в архивах». В № 408 Н. А. Воскресенский определенно стал на субъективную точку зрения, так как, печатая «Стат Иностранной коллегии», Н. А. Воскресенский из четырёх установленных им редакций берёт в качестве основной третью, с дополнениями к текстам, сделанными канцлером Г. И. Головкиным, т. е. печатает 4-ю редакцию (см. описание 4-й редакции на стр. 529), но в примечании к ней даёт варианты из «первой» и «четвёртой», потому что они «интересны». Не говоря о происшедшей путанице с редакциями, следует обратить внимание на то, что и здесь Н. А. Воскресенский не выполняет свои же собственные правила.

Приняв систематически хронологическое распределение актов в своём издании, Н. А. Воскресенский очень часто не соблюдает его: за датированными документами часто (в разделах 1 и 2) следуют документы без даты (№№ 2, 4 и др.), и Н. А. Воскресенский не делает даже слабых попыток установить их даты, хотя почему-то помещает их между датированными (например № 2 между № 1 (1699) и № 3 (1700)). В результате получается, что хронологического распределения актов в сборнике нет, и за актами 1721 г. следуют в том же втором разделе акты 1702 г., без даты, 1715—1718 гг., вновь 1721 г., и опять 1679, 1708, 1718 гг. и т. д. И это—отступление не только от правил «археографической традиции», но и от того, что принято самим Н. А. Воскресенским.

При пёстром содержании документов, особенно первого и второго разделов, отсутствие реальных примечаний к документам особенно заметно, и ценность многих из них пропадает даже для читателя-специалиста. Перекрёстные ссылки кое-где сделаны, но большая часть документов подана вне связи с другими.

ВОРОНИН Н. Древнерусские города. Академия наук Союза ССР. Научно-популярная серия. Издательство Академии наук СССР. М. и Л. 1945. 106 стр. Тираж 3000. Цена 18 руб.

Древнерусские города с каждым днём привлекают всё большее внимание не только учёных и исследователей, но и рядовых советских граждан. Последние десятилетия были особенно богаты археологическими находками, исследованиями историков и реставрационными работами, вскрывшими такие ценности, которые заставляют нас часто совершенно по-новому взглянуть на культуру и искусство древней Руси.

Н. Н. Воронин в рецензируемой работе поставил себе целью дать читателю картину общественной, культурной и художественной жизни древнерусских городов. Но он выполнил только часть этой задачи. Являясь исто-

В книге нет указателей, которые, конечно, не может заменить оглавление в начале книги; отсутствие их снижает научную ценность издания.

В заключение повторяю лишь сказанное ранее: громадный труд Н. А. Воскресенского по просмотру архивных фондов по истории эпохи Петра Великого не был доведён до естественного конца и не дал пока тех результатов, которые получились бы при планомерном просмотре фондов. Выбранная для первого тома часть собранных материалов не отвечает тем задачам, которые Н. А. Воскресенский поставил перед собой, направив свой труд по пути, который не привёл его к цели: картины «правотворчества» Петра Великого не получилось, а налицо лишь случайные, иногда интересные материалы для того, чтобы дальше работать над той же темой. Поставив себя в изолированное положение по отношению к давним нашим археографическим учреждениям и к нашей археографической традиции и пойдя по пути поисков новых методов и приёмов работы в области публикации документов XVIII в., Н. А. Воскресенский дал пока сборник документов, который своими археографическими приёмами вызывает серьёзные возражения.

Считаем также необходимым отметить, что в своём предисловии к рецензируемой книге Н. А. Воскресенского Б. И. Сыромятников повторяет оценку и характеристику деятельности Петра I, которую он дал в своей работе «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология». Мы не согласны с этой характеристикой, считаем её глубоко ошибочной, но в данном случае не находим нужным останавливаться на этом вопросе, во-первых, потому, что в настоящей статье мы разбираем книгу Н. А. Воскресенского, и, во-вторых, потому, что в исторической литературе («Исторический журнал» № 10—11 за 1944 г.) уже была дана развёрнутая критика взглядов Б. И. Сыромятникова, с которой мы согласны.

А. Андреев

риком русского зодчества и археологом, автор привёл ценные сведения главным образом об архитектурных памятниках важнейших городов древней Руси. Перед читателем, сменяя друг друга, проходят Киев, Чернигов, Смоленск, Новгород, Псков, Владимир, Боголюбво, Суздаль, Переяславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль и Москва.

В предисловии автор пишет: «Эти очерки, конечно, не похожи ни на путеводитель по памятникам, дающих их подробное описание, ни на историю города, раскрывающую шаг за шагом его прошлое. Всякие обобщения неизбежно таят в себе опасность известного

отступления от действительности, которая всегда сложнее и богаче». Н. Н. Воронин счастливо избег последнего, справедливо назвав свои очерки «портретами городов».

Заслуга автора состоит в том, что действительно, не преследуя цели дать историю или путеводитель по художественным и культурным сокровищам того или иного города, он достиг того, к чему стремился, а именно: наряду с беглыми сведениями по истории города дана его зарисовка в наиболее существенный момент его культурного расцвета и значения для русского искусства. Умело расположив один «портрет» города за другим, Н. Н. Воронин заставляет прочитать читателя путь от киевской Софии до церкви в Филях под Московской. Древнерусская культура и искусство XI — XVII вв. проходят перед взором подобно небольшому, но умело составленному кинофильму.

Несмотря на то что каждому городу уделено всего по несколько страниц, читатель получает яркое впечатление о его памятниках, о его художественных сокровищах, о его значении в жизни древней Руси. Можно с уверенностью сказать, что многие, прочтя книжку Н. Н. Воронина, захотят подробнее ознакомиться с описанными городами как по имеющейся литературе (её список приложен в конце работы), так и в натуре.

Несмотря на положительную оценку книги, всё же хочется сделать ряд замечаний, которые, возможно, окажут некоторую помощь при необходимом переиздании этой ценной работы.

Н. Н. Воронин уделил большое внимание литературной стороне книги. Автор дал читателю исторические факты и описания памятников в увлекательной форме и живым, образным языком.

Однако можно сказать, что все двенадцать «портретов городов» написаны одними и теми же красками, в то время как хотелось бы провести определённую границу между Киевом и Новгородом, Новгородом и Владимиром, Ростовом и Ярославем. Ведь расположение городов в книге не случайно. Не случайно, что главное внимание автора при описании Владимира уделено XII в. в истории и культуре города, а в описании Ростова — XVII столетию. Язык же и образы автора остаются почти одними и теми же на протяжении всей книги. Чтобы не быть голословным, приведём следующие места из книги.

Об Успенском соборе Владимира (стр. 56): «Летописец не мог найти нужных слов для описания его внутреннего убранства, он сравнивал Успенский собор со сказочным храмом Соломона. Серебряные хоросы и паникадила были чудом ювелирного искусства. Поток цветных тканей сливался с нежной гаммой росписи, исполненной греческими иконографами. Пол из цветных майоликовых плиток отражал снопы солнечного света, лавдавшие из узких окон, или трепетание пламени свечей в многочисленных хоросах, опускавшихся на цепях со сводов».

О храмах Ростова (стр. 78): «Через залитые светом галереи папертей богомольцы по-

падали в широкий зал надвратного храма, украшенного яркой живописью. Площадки перед алтарём были, подобно сцене, приподняты на уровень глаз молящихся. Здесь в ослепительной парче облачений плавно двигались священнослужители и звенели песнопения митрополитского хора. В домово́й церкви Ионы «Спасе на сених» эту храмовую «сцену» ограничивала аркада на вызолоченных столбах».

Несмотря на различие описываемой внутренней архитектуры, образ в обоих случаях остаётся почти одним и тем же. Двенадцать древнерусских городов как бы тонут в изумительном блеске того древнерусского узора, которое действительно было его особенностью, но менялось от эпохи к эпохе.

Автору больше удались описания городов с богатой домонгольской культурой — Киев, Чернигов, Новгород, Псков, Владимир. Однако в жанре «портрета» хотелось бы видеть каждый город в более конкретном окружении и с присущими ему природными условиями.

Уделив основное внимание памятникам архитектуры, Н. Н. Воронин, к сожалению, более бегло остановился на памятниках изобразительного и декоративного искусства, в то время как их роль в «портрете» города не менее важна, чем роль архитектуры. Особенно это бросается в глаза в главах, посвящённых Новгороду, Пскову, Владимиру, Ростову и Ярославлю. Описания фресковых росписей многих памятников этих городов (а Н. Н. Воронин сжато, но выразительно умеет это делать) не только могут дополнить картину их художественной культуры, но и послужить вдохновенной темой, не менее яркой, чем описание храмов Покрова на Нерли, собора Юрьева монастыря под Новгородом или Василия Блаженного. Особенно досадно за «обеднённый» Ярославль и Ростов, которые незаслуженно умалены и в области архитектуры. Исключительно яркая и своеобразная архитектура и росписи Ярославля представлены, по существу, лишь бегло описанными памятниками — церквями Ильи Пророка, «Коровникова» и «Толчкова». Нет необходимости подкашивать автору обойдённые произведения, среди которых не последнее место занимают и гражданские здания. Также отсутствует изумительная резьба иконостасов Ярославля, о чём можно лишь пожалеть. Не позвело и Суздалью XVI — XVII вв., в то время когда эта эпоха составляет его вторую жизнь, не менее богатую и своеобразную, чем время XI — XII веков. Н. Н. Воронин бегло отметил монастырские трапезные Покровского и Спас-Евфимиева монастырей (между прочим, трёхшатровая церковь последнего пристроена позднее к трапезной 1525 г.), в то время как обе заслуживали бы большего внимания. Уникальная входная башня монастырской ограды Спас-Евфимиева монастыря, хотя и дана в иллюстрации, обойдена полным молчанием. Она же одна заслуживает не меньшего внимания (доля XVII в.), чем церковь Вознесения в Коломенском. Исключительно оригинальные рядовые приходские храмы Суздаля рубежа XVII — XVIII вв. лишь бегло

перечислены, в то время как они создают лицо Суздаля, ныне, кажется, единственного города в СССР, дающего наиболее полное впечатление о древнерусском городе XVII века.

Очерк о Москве, безусловно, являлся наиболее трудным. История Москвы как города с его памятниками не только многообразна, но и противоречива. «Портрет» Москвы как бы распадается на четыре картины: ранняя Москва, Москва Ивана III, Москва XVI в. и Москва XVII века. Думается, что Н. Н. Воронину надо было идти по этому пути, максимально сжимая промежуточные этапы. Это более выпукло обрисовало бы особенности города в важнейшие моменты его историко-художественной жизни. В настоящем же виде очерк получил характер истории города на памятниках архитектуры, т. е. того, чего стремился избежать автор. Главы, посвященные Киеву, Новгороду, Владимиру и другим городам, дают убедительный пример того, как надо было писать о Москве. Благодаря тому что автор несколько изменил себе, Москва XVI и XVII вв. проиграла. Исчезли и сгладились её специфические осо-

бенности, столь для неё характерные и красочные.

Существенное возражение вызывают оформление книги и её иллюстрационная часть. Абсолютно невозможно сочетать фото и графическую реконструкцию памятников. Что можно делать в академической работе, то совершенно недопустимо в книге, пропагандирующей сокровища нашего искусства. Издательство могло бы пойти на то, чтобы выполнить реконструкции, раз они необходимы, в свето-теневой манере. Расположение иллюстраций без соответствия тексту также вызывает возражения, как и качество отдельных клише. Обложка и титул, выполненные в каком-то псевдорусском стиле конца XIX в., не соответствуют содержанию книги. Удивляет и до смешного малый тираж — 3000!

Несмотря на отмеченные отдельные недостатки книга Н. Н. Воронина — интересный и нужный опыт пропаганды наших художественных сокровищ, особенно необходимый в наше время, время обостренного внимания к нашему прошлому и его искусству.

М. Ильин

РАЙНОВ Т., проф. Великие учёные Узбекистана (IX—XI вв.). Академия наук СССР. Узбекистанский филиал. Институт языка, литературы и истории. Издательство УзФАН. Ташкент. 1943. 66 стр. Тираж 2000 экз. Цена 2 р. 80 к.

Автор книги поставил перед собой благородную задачу, сформулированную им самим в заключительной главе: «...воскresить из забвения историю знаний... на территории Средней Азии». До недавнего времени средневековую Среднюю Азию склонны были считать периферией, отдалённой окраиной «арабского» культурного мира, всецело зависящей от Ирана и Месопотамии. Достижения народов Средней Азии в области литературы, изобразительного искусства, архитектуры часто безоговорочно приписывались европейской наукой Ирану или же обезличенным «мусульманским» или «арабским» культуре и искусству. То же самое относится и к науке.

Только советская наука начала углублённое изучение вкладов отдельных народов Востока в общечеловеческую сокровищницу. Работы советских археологов и историков показали нам всё своеобразие и древность культуры народов Средней Азии и их огромное влияние на культуру соседних народов. Говоря словами автора разбираемой книги, «на наших глазах Средняя Азия приобретает значение одной из основных провинций мировой истории» (стр. 65).

В этих условиях нужно всячески приветствовать работы типа разбираемой нами, ставящие своей целью популяризацию культурных достижений народов Советского Союза и их передовой роли во всемирной истории. Имена таких людей, как аль-Фараби, ибн-Сина, аль-Хорезми и аль-Бируни, вполне заслуживают того, чтобы стоять рядом с именами Аристотеля, Галена, Эвклида и Птоломея. Давно пора заговорить об этом полным голосом и сделать их научные до-

стижения достоянием всякого культурного человека.

Рецензируемая книга «Великие учёные Узбекистана» открывается введением, где даётся общий историко-культурный фон, на котором развивалась наука народов Средней Азии. Автор правильно характеризует культуру халифата как арабскую лишь по языку, а на деле созданную многими народами, входившими в состав этого обширного государства. Оспаривая тенденциозное и неправильное положение покойного акад. В. В. Бартольда о том, что Средняя Азия не имела своей местной научной традиции, автор, конечно, глубоко прав; однако вряд ли можно согласиться с его утверждением, что феодальный «арабский» Восток имел только одну «общую традицию, связанную с внутренним единством науки, с единством основного научного (арабского) языка, с единством сходной везде общественной базы науки» (стр. 9). Конечно, в феодальную эпоху рано ещё говорить о национальной науке, но всё же локальные школы и направления существовали и на феодальном Востоке, как, впрочем, и в феодальной Европе. В рассматриваемое автором время (IX—XI вв.) Средняя Азия являлась важнейшим культурным центром феодального Востока; там впервые складывалась большая литература на языке дарий — одном из предков таджикского языка, — явившаяся родоначальницей всемирно прославленной «персидской литературы»; там создавались и научные школы. Ведущую в научном отношении роль играл, пожалуй, Хорезм.

В заключении вводной главы проф. Райнов проводит деление между двумя группа-

ми учёных средневекового Переднего Востока: одни, по мнению автора, являлись в основном философами, попутно занимавшимися разработкой той или иной специальной страсти знания; другие же, «не испытывая потребности в специальной философской работе, трудились над разработкой отдельных научных дисциплин...» (стр. 12). Согласно такому делению, автор относит из четырёх рассматриваемых им в последующих главах учёных двоих — аль-Фараби и ибн-Сину — к первой группе, а двух других — аль-Хорезми и аль-Бируни — ко второй. Не вступая в спор с автором по поводу целесообразности такого деления, должен отметить недостаточную обоснованность включения ибн-Сины в первую группу: достижения этого учёного в разработке специальной дисциплины — медицины — гораздо существеннее для мировой культуры, чем его философские труды.

Основные главы книги посвящены жизни и деятельности указанных выше учёных. Сначала даётся жизнь аль-Фараби и ибн-Сины (гл. 2-я, стр. 12—20), затем — их научно-философские идеи (гл. 3-я, стр. 20—25), а в следующих двух главах (4-я, 5-я, стр. 25—65), по тому же плану, — жизнь и научная деятельность аль-Хорезми и аль-Бируни. Заключается книга кратким заключением (стр. 65—66).

Бальзак говорит, что основные вехи его жизни — это названия его произведений. С гораздо большим правом, как кажется, мы можем это сказать о великих людях далёкого прошлого, внешние факты жизни которых нам плохо известны, а порой (Хорезми, Фараби) почти вовсе не знакомы. Не лучше ли было бы дать творческую биографию этих великих учёных, базируясь в основном на их произведениях, и не выделять в отдельные главы скучных и потому невольно дополняемых недостаточно оправданными догадками внешнебиографических данных.

Приведённая выше классификация учёных заставила Т. И. Райнова рассматривать в разных главах современников, одно время даже живших в одном городе и вступавших в научное общение (ибн-Сина и Бируни), и в одной и той же главе — людей, разделённых во времени двумя столетиями (Хорезми и Бируни). Это, как нам кажется, вредит историчности изложения. Ведь ибн-Сина и Бируни жили в один и тот же исторический период, их жизнь и деятельность протекали примерно в тех же самых условиях, да и общественная жизнь на рубеже X—XI вв., когда Передняя Азия переходила к стадии развитого феодализма, существенно отличается от времени расцвета халифата при Мамуне и его преемниках, когда жил и работал Хорезми.

Жаль, что научной деятельности Фараби и ибн-Сины уделено так мало места (всего неполных шесть страниц). Хотелось бы в этой главе увидеть более подробное изложение «Справедливого града» Фараби, в котором несмотря на всю его схоластичность и рационалистическую сухость есть немало

идей, оказавшихся плодотворными для развития человеческой мысли. Мало сказано и о знаменитом медицинском «Каноне» ибн-Сины, а в истории средневековой науки нет, пожалуй, книги, которая пользовалась бы такой поистине мировой известностью, как «Канон» ибн-Сины.

Гораздо полнее, интересно и увлекательно, с привлечением большого сравнительно-исторического материала, изложена научная деятельность Хорезми и особенно Бируни. Для характеристики широты научных интересов, огромной эрудиции и светлого ума гениального хорезмийца привлечено много его трудов, иногда мало известных и специалисту. В результате получается яркая и убедительная картина значения деятельности Бируни для человечества. Хотелось бы только, чтобы более развёрнуто была показана деятельность Бируни в области гуманитарных знаний и больше было бы уделено внимания значению сочинений Бируни для историка Востока и Средней Азии в частности.

Книга Т. И. Райнова будет прочтена с интересом и пользой самым широким кругом читателей. К сожалению, она вышла в трудное, военное время маленьким тиражом — 2 тыс. экземпляров. Весьма желателен был бы выпуск аналогичных книжек по истории культуры других народов СССР, рассчитанных также на самые широкие круги советской интеллигенции.

В надежде на переиздание книги укажу на некоторые мелкие, легко устранимые недостатки. Во-первых, самое название книги. Можно ли так уж безоговорочно относить всех этих учёных к Узбекистану? Не являются ли ибн-Сина и Бируни в равной мере достойным как узбеков, так и таджиков? Не лучше ли было бы говорить для столь ранней эпохи об «учёных Средней Азии», как, впрочем, и делает автор в целом ряде мест. Тем более досадным анахронизмом звучит термин «Узбекистан» на стр. 10, 12 и ещё в нескольких случаях.

Трудно ставить в заслугу Фараби тот факт, что он пошёл в учение к христианину (стр. 13). Христиане-учёные — не редкость в средневековых городах Передней Азии; вспомним хотя бы Хунайна ибн-Исхака, руководителя своеобразной академии, созданной по приказу халифа Мамуна.

На стр. 36 сельджуки названы народом, в то время как это — название туркменского рода, захватившего власть в начале XI в. и возглавившего затем огромное государство, получившее впоследствии от него своё название.

Следует исправить и другие мелкие погрешности и внимательно просмотреть транскрипцию собственных имён, в которой местами есть непоследовательность и неточность.

Всё вышесказанное ни в какой мере не должно умалять общей высокой оценки этой полезной и передовой по проводимости в ней мыслям книги.

М. Дьяконов

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Иностранные книги по истории второй мировой войны

Общие работы

The British war blue book. Documents concerning German-Polish relations and the outbreak of hostilities between Great Britain and Germany on September 3, 1939. New York. Farrar & Rinehart. 1939. XXXIV, 251 p. (Miscellaneous N 9, 1939).

Британская военная синяя книга. Документы, касающиеся немецко-польских отношений.

HENDERSON N. *Final report... on the circumstances leading to the termination of his mission to Berlin.* September 20, 1939. London. H. M. Stat. office. 1939. 27 p.

Заключительный отчет Невилля Гендерсона об обстоятельствах, приведших к окончанию его миссии в Берлине, 20 сентября 1939 г.

Documents on American foreign relations Edited by S. S. Jones and D. P. Myers. Vol. 1—2. Boston, Mass. 1940—1941. Vol. 1. January 1938—June 1939. 1940. 875 p. Vol. 2. July 1939—June 1940. 582 p.

Документы об американских внешних сношениях. Под ред. С. С. Джонса и Д. П. Мейерса. Т. 1—2. Т. I. Январь 1938 — июнь 1939 г. Т. II. Июль 1939 — июнь 1940 г.

MORTON H. *Atlantic meeting.* An account of Mr. Churchill's voyage in H. M. S. Prince of Wales in August 1941 and the conference with President Roosevelt which resulted in the Atlantic charter... 2d ed. London. Methuen 1943. 160 p.

МОРТОН Х. *Встреча в Атлантике.* Описание путешествия мистера Черчилля на «Принце Уэльском» в августе 1941 г. и результаты совещания с президентом Рузвельтом, выразившиеся в Атлантической хартии. 2-е изд.

The atlantic charter. London. 1942. League of nations union

Атлантическая хартия.

Agreement between the governments of the United Kingdom and the States of America relating to the bases leased to the United States of America (and exchanges of notes) together with protocol between the government of the United Kingdom, Canada and the United States of America concerning the defence of Newfoundland. London. League of nations union H.M. Stat office. 1941. 43 p. (Treaty series N 2. 1941. United States).

Соглашение между правительствами Соединенного королевства и Соединенных Штатов Америки, касающееся баз, отданных в аренду США (и обмен нотами)

The Uruguayan blue book. The documents relating to the sinking of the „Admiral Graf

Spee“ and the internment of the merchant vessel „Tacoma“. London and Melbourne. Hutchinson. 1940. 95 p. (The Oriental republic of Uruguay. Ministry of foreign affairs).

Уругвайская синяя книга. Документы, относящиеся к потоплению «Адмирала графа Шпее» и интернированию торгового судна «Такома».

War and peace aims. Extracts from statements of United Nations leaders. New York. United nations information office. 1944. 127 p.

Цели войны и мира. Выдержки из высказываний лидеров Объединенных наций.

Comments on the eight-point declaration of president Roosevelt and prime minister Churchill. August 14, 1941. With study questions and suggested references. New York. Commission to study the organization of peace. 1941. 19 p.

Комментарии к восьми пунктам декларации президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля. Август 14, 1941 г.

The war of 1939. A history dealing with every phase of the war on land, sea and in the air, including the events which led up to the outbreak of hostilities. Vol. 1—6 London. Caxton. 1940—1943.

Война 1939 г. История военных действий на земле, на море и в воздухе.

MACINNIS E. *The war. Second year.* London—Toronto—New York. Oxford university press, 1941. IX; 318 p. Contents: 1. September to December 1940. 2. January to March 1941. 3. April to June 1941. 4. July to September. 1941. Documentary appendix. Chronology index.

МАК-ИННИС Е. Второй год войны.

EINZIG P. *Economic warfare 1939—1940.* London. Macmillan. 1941. X, 150 p.

ЭЙНЦИГ П. Экономика войны 1939 — 1940 гг.

BOURNE q. *Starvation in Europe...* London Allen & Unwin. 1943. 144 p.

БУРН Д. Голод в Европе.

SHUB B. *Starvation over Europe (Made in Germany).* A documented record, 1943. Written by Shub. On the basis of research by Z. Warhaftig. N. Y. Institute of Jewish affairs. 1942. 110 p.

ШАБ Б. *Голод над Европой (сделано в Германии).* Документированные записи 1943 г., составленные на основе исследований. З. Варгафтига.

Conditions in occupied territories. A series of reports issued by the United Nations information organization. London. 1—8. New York. United Nations information office

1942—1944. 1. The Axis sistem of hostages. 1942. 2. Rationing under Axis rule. 1942. 3. Religions persecution. 1942. 4. Axis oppression of education. 1942. 5. The penetration of German capital into Europe. 6. Persecution of the Jews. 1942. 7. Axis treatment of women. 1943. 8. Slave labour and deportation. 1944.

Условия жизни в оккупированных территориях. Серия докладов, изданных информационными органами Объединённых наций. Лондон. 1—8. 1. Система заложничества у держав оси. 2. Нормы снабжения при власти держав оси. 3. Преследование религии. 4. Притеснение просвещения. 5. Проникновение германского капитала в Европу. 6. Преследование евреев. 7. Угнетение женщин. 8. Рабский труд и ссылка.

KUCZYNSKI J. *300 million slaves and serfs. Labor under the fascist new economic order.* New York. International publ. 1943. 48 p.

КУЧИНСКИЙ Ю. *Триста миллионов рабов и крепостных. Труд при новом фашистском экономическом строе.*

Europe in bondage. Report of the London international assembly. Ed. by J. Armitage. With a pref. by V. Cecil. London. Drummond. 1943. 98 p.

Европа в рабстве. Отчёты Лондонской международной ассамблеи. Под ред. Ж. Эрмитеджа, с предисловием В. Сесилия.

CARSE R. *The unconquered. Europe fights back.* New York. McBride. 1942. 225 p.

КЕРЗ Р. *Непобедимый. Европа сражается.*

MOWRER E. and RACHMAN M. *Global war. An atlas of world strategy.* With an introd. by F. Knox. New York. Morrow. 1943. 128 p.

МАУРЕР И. и РАХМАН М. *Война на всем земном шаре.* Атлас мировой стратегии. С введением Ф. Нокса.

An atlas of the war. 15 maps with explanatory text. N. p. N. d. 32 p. including maps.

Атлас мировой войны. 15 карт с объяснительными текстами.

CASEY R. *I can't forget.* Personal experiences of a war correspondent in France, Luxemburg, Germany, Belgium, Spain and England. Indianapolis—New York, Bobbs—Merrill Co. 1941. 398 p.

КЭСИ Р. *Я не могу забыть.* Личные впечатления военного корреспондента во Франции, Люксембурге, Германии, Бельгии, Испании и Англии.

MACMILLAN R. *Mediterranean assignment. Garden city—New York.* Doubleday, Doran. 1943. X, 332 p.

МАКМИЛЛАН Р. *Моя миссия на Средиземном море.*

BAKER A. *Mediterranean Odyssey.* An amazing true story of adventure and heroism. New York. Liveright. 1942. 300 p.

БЕКЕР Э. *Средиземноморская Одиссея.* Удивительная история приключений и героизма.

MARSHALL S. *Armies on wheels.* New York. Morrow. 1941. 251 p.

МАРШАЛЛ С. *Армии на колесах.*

DIVINE A. *Behind the fleets.* A first-hand account of the duties and exploits of the convoys, the Dover Patrol, the minesweepers and the other subsidiary. London. Murray 1941. VIII. 140 p.

ДИВЕЙН А. *Вслед за флотом.* Рассказ очевидца об обязанностях и эксплуатации конвоев, дуврского патруля, тралящиков и других вспомогательных судов.

CANT G. *The war at sea.* New York. Day 1942. XII, 340 p.

КЕНТ ДЖ. *Война на море.*

SPRIGHT J. M. *Blockade by air. The campaign against axis shipping.* London. Bles. 1942. 159 p.

СПЭЙТ И. *Воздушная блокада. Кампания против судов держав оси.*

CALDWELL C. *Air power and total war.* New York. Coward - McCann. 1943. VI, 244 p.

КОЛДУЭЛЛ, С. *Воздушные силы и тотальная война.*

Великобритания

The British Commonwealth at war. Ed W. Y. Elliot & H. D. Hall. New York. Knopf 1943. XIV, 515, X p. (Bureau of international research. Harvard university and Radcliffe college).

Британское содружество наций в войне. Под ред. У. Эллиот и Х. Холл.

The Penguin Hansard. Vol. 1—3. New York Penguin books. 1940. Vol. 1. From Chamberlain to Churchill (Autumn 1939 to spring 1940.) Vol. 2. The National effort (Autumn 1939 to summer 1940). Vol. 3. Britain gathers strength (Spring 1940 to autumn 1940).

ПЕНГУИН ХАНСАРД. Т. 1—3. Т. 1. От Чемберлена до Черчилля (с осени 1939 до весны 1940 г.). Т. 2. Усилия нации (с осени 1939 до лета 1940 г.). Т. 3. Великобритания собирается с силами. (С весны до осени 1940 г.)

Defence regulations. Vol. 1—3. London, H. M. Stat. off. 1942. Vol. 1. The defence (general regulations. 1939. XVII, 281 p. Vol. 2. Miscellaneous regulations (January 1942) 132p.

Организация обороны. Т. 1—2. Т. 1. Общие правила обороны, 1939 г. Т. 2. Разные правила (январь 1942).

CHURCHILL W. *Blood, sweat and tears.* With a preface and notes by R. S. Churchill London. Putnam. 1941. 462 p.

ЧЕРЧИЛЛЬ У. *Кровь, пот и слёзы.* С предисловием и примечаниями Р. С. Черчилля.

CHURCHILL W. *The end of the beginning.* War speeches. 1942. Comp. by Charles Eade. Boston. Little Brown. 1943. XIV, 332 p.

ЧЕРЧИЛЛЬ У. *Начало конца.* Речь 1942 г.

CHURCHILL W. *Into battle: speeches* London. Cassell. 1941. 324 p.

ЧЕРЧИЛЛЬ У. *В битву.* Речь.

CHURCHILL W. *Onwards to victory*. War speeches by W. S. Churchill 1943. Comp. by Ch. Eade. London. Cassell. 1944. X, 278 p. (4th vol. of Winston Churchill's war speeches).

ЧЕРЧИЛЛЬ У. *Вперёд к победе*. Речь 1943 года.

CHURCHILL W. *The unrelenting struggle*. War speeches by W. S. Churchill. Comp. by Ch. Eade. London. Cassell. 1943. X, 349 p.

ЧЕРЧИЛЛЬ У. *Непрекращающаяся борьба*. Военные речи.

GORDON K. *The king in peace and war*. London. Bodley Head. 1940. XIII, 272 p.

ГОРДОН К. *Король в период мира и войны*.

COWIE D. *The inner story of the Empire in action*. Pt. 1—2. London, Chapman & Hall. 1941—1942. Pt. I. September 1939 to September 1940. War for Britain. Pt. 2. September 1940 to September 1941. The campaign of Wavéi, 1942.

КОУИ Д. *Внутренняя история Британской империи во время войны*. Ч. 1-я. От сентября 1939 г. по сентябрь 1940 г. Ч. 2-я. От сентября 1940 г. до сентября 1941 г. Кампания Уэвеля.

Man power. The story of Britain's mobilization for war. Prepared for the Ministry of Labour and National service by the Ministry of Information. London. H. M. Stat. office 1944. 60 p.

Людская сила. История мобилизации населения для военных нужд в Великобритании. Подготовлено к печати для министерств труда и национальной обороны Министерством информации.

CLARKE R. *The economic effort of war*. London. Allen & Unwin. 1939. 240 p.

КЛАРК Р. *Экономические усилия в период войны*.

LE GROS, CLARKE F. and TITMUSS R. *Our food problem. A study of national security*. London, Penguin. 1939. 191 p.

ЛЕГРО К. и ТИТМЕС Р. Наш продовольственный вопрос. Проблема национальной безопасности.

WUNDERLICH F. *British labour and the war*. New York. New school for social research. 1941. V, 67 p. (Studies on war and peace. N 8 the graduate faculty of political and social science).

УОНДЕРЛИХ Ф. *Труд в Великобритании и война*.

KUCZYNSKI J. and HEINEMANN N. *British workers in the war*. New York. International publ. 1943. 64 p.

КУЧИНСКИЙ Ю. и ГЕЙНМАН Н. *Рабочие Великобритании в войне*.

GRAVES Ch. *The Home guard of Britain*. London. Hutchinson. 1943. 364 p.

ГРЕВС Ч. *Отряды гражданской обороны Великобритании*.

BILLINGHAM A. *Civil defence in war*. London. Murray & the Pilot press. 1941. 72 p. (Britain at war series).

БИЛЛИНГХЕМ А. *Гражданская оборона в войне*.

SUNDQUIST J. *British cities at war*. A report by J. L. Sundquist for the American municipal association. Chicago. Public administration service. 1944. VI, 110 p. (Public administration service, N 76).

САНДКВИСТ ДЖ. *Города Великобритании в войне*. Доклад Дж. Сандквиста в Американской муниципальной ассоциации.

CALDER R. *The lesson of London*. London Secker & Warburg. 1941. 128 p.

КОЛДЕР Р. *Урок Лондона*.

JESSE F. and HARWOOD H. *London front; letters written to America 1939—1940; with answers from Marion Balderston (and oth)*. New York. Doubleday. 1941. IX, 333 p.

ДЖЕССЕ Ф. и ХАРВУД Х. *Лондонский фронт: Письма, написанные в Америку в 1939—1940 гг.*

LINDSAY G. *The war on the civil and military fronts*. Cambridge. University press. New York, Macmillan. 1942. XII, 112 p. (The Lees Knowles lectures on military history for 1942).

ЛИНДСЕЙ Дж. *Война на гражданском и военном фронтах*.

INGERSOLL R. *Report on England. November 1940*. New York. Simon & Schuster. 1940. XIII, 202 p.

ИНГЕРСОЛЬ Р. *Отчёт об Англии. Ноябрь 1940 г.*

SPAIGHT J. *The battle of Britain 1940*. With a foreword by V. Trenchard. London Bles. 1941. 231 p.

СПЕЙТ ДЖ. *Битва за Великобританию в 1940 г.* С предисловием В. Тренчарда.

BRITAIN V. *England's hour*. London Macmillan. 1941. XVI, 301 p.

БРИТТЕН В. *Час испытания Англии*.

ROBERTSON B. *I saw England*. New York. Knopf. 1941. 213 p.

РОБЕРТСОН Б. *Я видел Англию*.

War letters from Britain. Ed. by D. Forbes Robertson and R. W. Straus. With a foreword by V. Shrean. New York. Putnam. 1941. IX, 240 p. (A „Current history“ book).

Военные письма из Великобритании. Под ред. Д. Ф. Робертсона и Р. У. Страуса. С предисловием В. Шпина.

BANNING M. *Letters from England. Summer 1942*. New York—London. Harper. 1943 315 p.

БАННИНГ М. *Письма из Англии. Лето 1942 г.*

PRIESTLEY J. *Britain at war*. New York—London. Harper. 1942. 118 p.

ПРИСТЛИ ДЖ. *Великобритания в войне*.

PRIESTLEY J. *Britain speaks*. New York—London. Harper. 1940. VII, 263 p.

ПРИСТЛИ ДЖ. *Говорит Великобритания*.

WASSEY M. *Ordeal by fire. The story and lesson of fire over Britain and the battle of the flames*. London. Secker & Warburg. 1941. 192 p.

УОССИ М. *Испытание огнём. История и уроки бомбардировок Великобритании. Огненные битвы.*

AUSTIN A. *Birth of an army.* London Gollancz. 1943. 160 p. 2 maps.

ОСТИН Е. *Рождение армии.*

CHATTERTON E. *The royal navy. From September 1939 to December 1940.* A complete record in text and pictures. London—New York. Melbourne. Hutchinson. 1946. 219 p. (Britain at war).

ЧАТТЕРТОН Е. *Королевский флот. С сентября 1939 по декабрь 1940 г.* Полный отчет: текст и рисунки.

KNOX C. *Atlantic battle.* With a foreword by P. Noble. 3-d ed. London. Methuen. 1941. VII. 104 p.

НОКС К. *Битва в Атлантике.* С предисловием П. Нобля. 3-е изд.

AYLING K. R. A. F. *The story of a British fighter pilot.* New York. Holt. 1941. XIV, 332 p.

ЭЙЛИНГ К. *Королевский воздушный флот. История британского лётчика-истребителя.*

Bomber command. The Air ministry account of bomber command's offensive against the axis. September 1939—July 1941. London. H. M. Stat. off. 1941. 125 p.

Командование бомбардировщиками. Отчет Министерства авиации о действиях командования против держав оси с сентября 1939 по июль 1941 г.

MACMILLAN N. *The Royal air force in the world war.* Vol. 1. 1939—1940. Aftermath of war. Prelude to the Blitzkrieg. The campaign in Norway. London. Harrap. 1942. 229 p.

МАКМИЛЛАН Н. *Королевский воздушный флот в мировой войне.*

CHARLTON L. *The Royal air force.* From January 1941 to March 1942. A complete record in text and pictures. London. Hutchinson. 1943. 312 p.

ЧАРЛЬТОН Л. *Королевский воздушный флот с января 1941 до марта 1942 г.*

CHARLTON L. *Deeds that held the Empire by air.* London. Murray. 1941. VIII, 280 p.

ЧАРЛЬТОН Л. *Дела, которые спасают империю. Воздушные операции.*

CHILDERS J. *War eagles. The story of the eagle squadron.* New York—London. Appleton-Century Co. 1943. XIII, 350 p.

ЧИЛЬДЕРС ДЖ. *Военные орлы. История орлиной эскадрильи.*

HALSTEAD I. *Wings of victory. A tribute to the R. A. F.* Written and compiled by I. Halstead. New York. Dutton. 1941. 221 p.

ХОЛСТИД И. *Крылья победы. Хвала королевским воздушным силам.*

Destruction of army. The first campaign in Libya, September 1940—February 1941. Issued for the War office by the Ministry of information. London. H. M. Stat. office. 1942. 63 p.

Уничтожение армии. Первая кампания в Ливии. Сентябрь 1940—февраль 1941 г.

Издано для Военного министерства Министерством информации.

SHEPPARD E. *The army. From January 1941 to March 1942.* A complete record in text and pictures. London. Hutchinson. 1943. 274 p. (Britain at war).

ШЕППАРД Е. *Армия. С января 1941 до марта 1942 г.*

FOSTER R. *Dover front.* London. Secker & Warburg. 1941. 158 p.

ФОСТЕР Р. *Дуврский фронт.*

We prisoners of war. Sixteen British officers and soldiers speak from a German prison camp. Ed. by T. Strong. New York. Association press. 1942. IV, 90 p.

Мы—военнопленные. Шестнадцать английских офицеров и солдат говорят из германского концентрационного лагеря. Под ред. Т. Стронг.

ALLINGHAM M. *The oaken heart.* Garden city—New York. Doubleday. Doran. 1941. 305 p.

ЭЛЛИНГХЕМ М. *Мужество.*

США

The neutrality of the United States. Laws proclamations, orders, regulations and inter American declarations applicable during the present war in Europe. Documents covering period September 3—December 14, 1939. Boston. World peace foundation. 1940. IV, 68 p.

Нейтралитет Соединённых Штатов. Законы, распоряжения, приказы, правила и декларации, касающиеся внутриамериканских взаимоотношений, предназначенные к применению во время настоящей войны в Европе. Документы охватывают период с 3 сентября по 14 декабря 1939 г.

Summary of congressional proceedings of general interest. Comp. from the congressional record of the United States of America. September 1943—January 1944. Issued under the authority of the Empire parliamentary association. Toronto. 1944. VI, 146 p. (United Kingdom and dominion of Canada Branches).

Сборник трудов Конгресса, представляющий общий интерес. Составлено по стенографическим отчетам Конгресса Соединённых Штатов Америки. Сентябрь 1943—январь 1944 г. Издано с санкции имперской парламентской ассоциации.

ROOSEVELT F. *The war messages of Franklin D. Roosevelt. The President's war addresses to the people of the United States, to the Congress of the United States and to other nations.* N. p. a. d. 71 p. (Suppl. Nov. 7 1942 to July 30, 1943).

РУЗВЕЛЬТ Ф. *Выступления Франклина Рузвельта во время войны. Послания президента о войне народам Соединённых Штатов, Конгрессу США и другим народам.*

JOHNSON G. *Roosevelt: an American study.* With an introduction and notes by D. W. Brogan. London. Hamilton. 1942. 228 p.

ДЖОНСОН ДЖ. *РУЗВЕЛЬТ. Исследование с американской точки зрения.*

STETTINIUS R. *Lend-Lease weapon for victory*. New York. Macmillan, 1944. XIV, 358 p.

СТЕТТИНИУС Р. *Ленд-лиз — оружие для победы*.

HINTON H. *Cordell Hull. A biography* With a foreword by S. Welles. Garden city—New York. Doubleday. 1942. X, 377 p.

ХИНТОН Х. Корделл Хелл. Биография. С предисл. С. Уэллеса.

WLLKIE W. *This is Wendell Willkie A collection of speeches and writings on present-day issues*. With a biographical introduction by S. Walker. New York. Dodd 1940. 280 p.

УИЛКИ У. Таков Уиндел Уилки. Собрание речей и сочинений по текущим вопросам. С введением-биографией С. Уокера.

BROWDER E. *Teheran and America. Perspectives and tasks*. New York. Workers library publ. 1944. 48 p.

БРАУДЕР Э. Тегеран и Америка. Перспективы и задачи.

BROWDER E. *Victory and after. The nature of the war. Program for war economy. Labour and the war. National unity. Republicans, democrats, communists. The fifth column. The United nations, Great Britain. The Soviet Union, China, India, Africa, Latin America. The post war world*. New York. International publ. 1942. 256 p.

БРАУДЕР Э. Победа и после неё. Природа войны. Прогресс военной экономики. Труд и война. Национальное единство. Республиканцы, демократы, коммунисты. «Пятая колонна». Объединённые нации. Великобритания, Советский Союз, Китай, Индия, Африка, Латинская Америка. Мир после войны.

BROWDER E. *The road to victory*. New York. Workers library publ. 1941. 46 p.

БРАУДЕР Э. Путь к победе.

The defense of the United States. A series of addresses and papers presented at the annual meeting of the Academy of political science. New York. Columbia university. 1941. III, 146 p. (Proceedings of the Academy of political science. Vol. 19, N 2, January 1941).

Оборона Соединённых Штатов. Сборник докладов и материалов, представленных на годовом собрании Академии политических наук.

America at war. A geographical analysis. Ed. by S. van Velkenburg. Foreword by W. W. Artwood. New York. Prentice Hall 1944. XIV, 296 p.

Америка в период войны с точки зрения географических факторов.

BROWN W. and oth. *America in a world at war*. New York. Burdett. 1943. VII, 341 p.

БРОУН У. и др. Америка в период мировой войны.

BARBER N. *How strong is America?* London. Harrap. 1942. 144 p.

БЕРБЕР Н. Как сильна Америка?

America organizes to win the war. A hand, book on the American war effort. New York. Harcourt, Brace & Co. 1942. X, 395 p.

Как организовывается Америка, чтобы выиграть войну. Справочник.

MOREHOUSE W. *American reveille. Tea United States at war*. New York. Putnam. 1942. 263 p.

МОРХАУЗ У. Пробуждение Америки. Соединённые Штаты в войне.

HERRING P. *The impact of war. Our American democracy under arms*. New York—Toronto. Farrar & Rinehart. 1941. IX, 306 p.

ГЕРРИНГ П. Удар войны. Наша американская демократия под ружьём.

America prepared for tomorrow. The story of the total defense effort by W. Dow Bontwail and oth. New York—London. 1941. 612 p.

Америка готовится к завтрашнему дню. История усилий тотальной защиты.

WALTER D. *American government at war*. Chicago. Irwin. 1942. X, 235 p.

УОЛТЕР Д. Американское правительство в военное время.

LI K. *American diplomacy in the Far East. 1941. Official press releases of the U. S. Department of state on the Sino-Japanese situation during the year 1941*. Comp. with a foreword by K. C. Li. New York. 1942. 503 p.

ЛИ К. Американская дипломатия на Дальнем Востоке: 1941. Официальные печатные отчёты Министерства иностранных дел Соединённых Штатов о состоянии китайско-японских отношений в течение 1941 года. Составлены с предисловием К. Ли.

GRAFTON S. *An American diary*. Garden city—N. Y. Doubleday Doren & Co. 1943. IX, 246 p.

ГРЕФТОН С. Американский дневник. Дневник мировой войны с 7 июля 1939 по 11 мая 1943.

HOWARD G. *America and a new world order*. With a foreword by James G. Harbord. New York. Scribner. 1940. 121 p.

ХОВАРД Г. Америка и новый порядок мира. С предисловием Дж. Харбор.

Economic problems of war. By J. F. Bell, S. E. Braden, R. A. Brady and oth. Ed. by G. A. Steiner. New York. Wiles; London. Chapman & Hall. 1942. XI, 488 p.

Экономические проблемы войны. Авторы Д. Белл, С. Браден, Р. Брэди. Под ред. Дж. Стейнера.

HUNGERFORD E. *Transport for war 1942—1943*. New York. Dutton. 1943. 272 p.

ХАНГЕРФОРД Э. Транспорт для войны в 1942—1943 гг.

AYLING K. *Calling all women*. 2-d edt New York—London. Harper. 1942. IX, 208 p.

ЭЙЛИНГ К. Призыв всех женщин. 2-е изд.

BILLINGHAM E. *America's first two years. The story of American volunteers in Britain 1939—1941*. Ipswich—London. Murray & the Pilot press. 1942. 64 p.

БИЛЛИНГХЕМ Е. *Америка в первые два года войны. История американских волонтеров в Великобритании в 1939—1941 гг.*

CANT G. *America's navy in world war II*. Revis. ed. New York. Day. 1944. XI, 433 p.

КЕНТ ДЖ. *Американский флот во Второй мировой войне*. Пересмотр. издание.

MINGOS H. *American heroes of the war in the air*. New York. Lancia publishers. 1943. 557 p.

МИНДЖОС Х. *Герои Америки в воздушной войне*.

JOHNSTONE W. *The United States and Japan's new order*. Rev. ed. London. Oxford university press. 1941. XII, 403 p.

ДЖОНСТОН У. *Соединённые Штаты и «новый порядок» в Японии*. Пересмотренное издание.

DRISCOLL J. *War discovers Alaska*. Philadelphia — New York — London. Lippincott. 1943. 352 p.

ДРИСКОЛ ДЖ. *Война открывает Аляску*.

POTTER J. *Alaska under arms*. New York-Macmillan. 1943. X, 200 p.

ПОТТЕР ДЖ. *Вооружённая Аляска*.

NICOLAY H. *Macarthur of Bataan*. New York. London. Appleton century Co. 1942. X, 188 p.

НИКОЛАИ Е. *Макартур из Батана*.

COALE G. *Victory at Midway*. New York—Toronto. Farrar & Rinehart. 1944. XII, 178 p.

КОЛЬ Г. *Победа на островах Мидуэй*.

(Продолжение в следующем номере)

*Сектор истории Фундаментальной библиотеки
общественных наук Академии наук СССР*

ХРОНИКА

125-летие со дня рождения Фридриха Энгельса. Сессия Отделения истории и философии АН СССР

28 ноября 1945 г. исполнилось 125 лет со дня рождения величайшего мыслителя и деятеля XIX в., неутомимого борца за освобождение рабочего класса, друга и соратника Маркса — Фридриха Энгельса. Этой исторической дате была посвящена ноябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР.

Во вступительном слове акад. В. П. Волгин указал, что многосторонняя деятельность Ф. Энгельса, революционера и философа, составляет весьма значительную страницу в развитии науки. Его изучают, в его произведениях черпают вдохновение и методологические указания учёные различных специальностей: физики и химики, геологи и биологи, историки и этнографы — все, кто стремится философски осмыслить данные своей науки.

С докладом на тему «Энгельс и классификация наук» выступил Б. М. Кедров. Доклад был построен в историческом плане: в первой части рассматривались классификационные системы, предложенные до работ Энгельса или независимо от них; вторая часть была посвящена анализу взглядов Энгельса; в заключительной части была сделана попытка применить выработанные Энгельсом принципы к современному естествознанию. Особенно интересна попытка применения этих общих принципов классификации наук к решению дискуссионного вопроса о соотношении современной физики и химии и к решению вопроса о месте переходных наук, как физикохимия, биохимия, геохимия и др.

Проф. С. А. Токарев сделал доклад о значении трудов Энгельса для современной этнографии. Докладчик отмечает, что Энгельс владел основным этнографическим материалом, известным науке в его время. Он внимательно следил за накоплением фактического материала и за появлявшимися новыми теоретическими построениями; при этом он всегда активно реагировал на них. Взгляды Энгельса по вопросам этнографии находились на уровне передовых научных знаний его времени. Наиболее глубокое влияние оказал на него Л. Г. Морган, которого, однако, Энгельс воспринял критически.

Этнографический материал интересовал Энгельса не сам по себе. Энгельс умело использовал этнографический материал для постановки и решения основных принципиальных вопросов науки, прежде всего исторической. Наряду с этим, указывает доклад-

чик, Энгельс с большим умением пользовался данными этнографии для ориентировки в актуальных политических вопросах, связанных с Индией, Ближним Востоком, славянскими странами и т. д.

Приведя богатый конкретный материал, полученный в результате многочисленных исследований как наших, так и зарубежных этнографов, подтверждающий основные положения Энгельса, С. А. Токарев дал обзор принципиальных исторических проблем, которые разрабатываются советскими этнографами в духе Энгельса. Это — проблема периодизации древнейшей истории человечества, проблема истории рода и семьи; проблема происхождения институтов классового общества, проблема развития мировоззрения, включая происхождение и развитие религии, и, наконец, проблема, имеющая в наши дни не только глубокое научное, но и острое политическое значение, а именно: проблема этногенеза отдельных народов.

Доклад на тему «Энгельс об особенностях развития Германии» сделал чл.-корр. АН СССР С. Д. Сказкин.

Докладчик начал с напоминания о том, что ещё в самом начале своей совместной с Энгельсом литературной деятельности Маркс отметил в истории Германии то особое, в борьбе с чем он и Энгельс видели задачу своей жизни, своей организационной и политической деятельности, то особое, чтоставляло их весьма скептически относиться к революционным возможностям немецкого общества и неустанно бичевать чванство, заносчивость, грубость реакционной юнкерской военщины, лакейство и трусость немецкой буржуазии, революционную беспомощность немецкого крестьянства. Дело идёт о роковой связи истории Германии со всеми реакционными движениями в Европе. В замечательной статье «К критике гегелевской философии права», написанной ещё в 1844 г., Маркс писал: «Да, немецкая история гордится движением, которого на историческом небе ни до неё не сделал, да и потом не делает ни один народ. А именно, мы разделили с новыми народами реставрации, не разделяя их революций... С нашими пастырями во главе, мы всегда находились в обществе свободы только в одном случае — в день её погребения»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. II, стр. 400.

Маркс и Энгельс всегда сомневались в революционных возможностях немецкой буржуазии. Это обстоятельство с самых ранних пор их деятельности заставило их поставить вопрос об особенностях исторического развития Германии.

Опыт революции 1848 — 1849 гг. подтвердил основательность их сомнений. В многочисленных высказываниях этого времени Энгельс — так как именно он по преимуществу интересовался историей Германии — указал причины невозможности для Германии якобинской революции по примеру Франции и дал в «Революции и контрреволюции в Германии» и в «Крестьянской войне в Германии» подробный анализ исторического развития Германии, подчеркивая своеобразное положение в общественной структуре и истории Германии её мелкой буржуазии.

Причины неудачи германской революции, по Энгельсу, лежат в своеобразном сочетании классовых сил в Германии в отличие от других стран. «В то время как в Англии и Франции феодализм был окончательно разрушен или, по крайней мере, низведен, как в первой, к немногим незначительным остаткам могущественной и богатой буржуазией, сосредоточенной в больших городах, в частности в столице, — в Германии феодальное дворянство сохранило значительную часть своих старых привилегий... Феодальное дворянство, крайне многочисленное и частью весьма богатое, официально считалось первым сословием страны. Оно составляло высших правительственных сановников, оно же почти исключительно давало офицеров для армии»¹. Настоящая буржуазия, — владельцы промышленных предприятий и крупных капиталов — появляется в Германии только после 1815 года. Характерной чертой и вместе с тем особенностью германского развития, подчёркивает докладчик мысль Энгельса, является многочисленная мелкая буржуазия. «Огромная масса населения, не принадлежащего ни к дворянству, ни к буржуазии, состояла в городах из мелких ремесленников и торговцев, с одной стороны, и рабочих, с другой, в деревнях — из крестьянства»². Энгельс очень подробно останавливается на характеристике этого слоя мелкой буржуазии. Именно этот слой во Франции был преимущественно носителем идей и представителем революционного якобинства.

«Класс мелких ремесленников и торговцев, — говорит далее Энгельс, — в Германии крайне многочислен благодаря хилому развитию в ней класса крупных капиталистов и промышленников. В более крупных городах он составляет почти большинство жителей, в более мелких — преобладает вполне в силу отсутствия более богатых и более влиятельных конкурентов... Его промежуточное положение между классами более крупных капиталистов, торговцев и промышленников, так называемой буржуазией

в собственном смысле слова, и пролетарским, или рабочим, классом определяет его характер... В монархических и феодальных странах этот класс нуждается для своего существования в заказах двора и аристократии, и потеря этих заказов может разорить значительную его часть. В более мелких городах военный гарнизон, окружная администрация, суд с его штатом очень часто образуют основу его благосостояния. Достаточно их перевести в другое место, — и все эти лавочники, портные, сапожники, столяры пойдут ко дну. Таким образом, вечно колеблется между надеждой войти в ряды более богатого класса и страхом опуститься до положения пролетариев или даже нищих, между надеждой получить возможность защищать свои интересы путём завоевания для себя участия в управлении общественными делами и страхом вызвать несвоевременной оппозицией гнев правительства, которое держит в руках их судьбу, ибо оно может удалить лучших их клиентов; обладая малыми средствами, небеспеченность обладания которыми тем больше, чем меньше эти средства, — этот класс крайне щаток в своих взглядах. Смирный и рабочий покорный при сильном феодальном или монархическом правительстве, он переходит на сторону либерализма, когда влияние буржуазии усиливается; когда буржуазия достигает господства, он отдаётся бурным демократическим порывам, но пятится назад в гнусном страхе, лишь только класс, стоящий ниже его, пролетариат, предпринимает самостоятельное движение. Мы не раз увидим дальше, как мелкая буржуазия в Германии поочередно переходила из одного из этих состояний в другое»³. Итак, говорит докладчик, Энгельс рисует перед нами печальную картину революционной импотентности немецкой буржуазии и объясняет её своеобразием исторического развития Германии. Значение этого объяснения станет понятным, если мы вспомним, каковы были политические цели Маркса и Энгельса во время революции 1848 года. «Разложение Прусского государства, развал Австрийского, действительное объединение Германии как республики, — только такой могла быть наша революционная программа на ближайшее время», — писал Энгельс в 1884 г., вспоминая о своей и Маркса деятельности в 1848—1849 годах⁴. Но уже и тогда, в феврале 1848 г., он чрезвычайно низко оценивал революционные возможности Германии. «Все народы идут вперёд, — писал он тогда. — Самые малые, слабые нации постоянно улавливают в сложных европейских отношениях удобные для себя моменты, чтобы, наперекор своим сильным реакционным соседям, вводить у себя всё новые современные учреждения. Лишь сорок миллионов немцев не двигаются с места... Немцы сначала должны основательно скомпрометировать себя перед всеми остальными нациями, они должны ещё в большей

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 17.

² Там же, стр. 19.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 19—20.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. соч. Т. II, стр. 26.

степени, чем в настоящее время, стать помещицей для всей Европы. Их надо принудить к революции. И тогда они действительно восстанут — не трусливые немецкие обыватели, а немецкие рабочие; они восстанут, чтобы положить конец всем неистоплотным, запутанным, официальным немецким порядкам, чтобы радикальной революцией восстановить немецкую честь»¹.

Энгельс впоследствии часто останавливался на этой роли немецкой мелкой буржуазии, немецкого мещанства. Оно продолжало существовать как весьма значительная прослойка немецкого общества и значительно позже, постепенно видоизменяясь внутренне, но сохраняя свою пагубную для революции роль. Для Германии было характерно сохранение сильных пережитков феодализма в лице феодальной по происхождению аристократии, многочисленного дворянства, наиболее полно выраженного в своей реакционной сущности в прусском юнкерстве, второй характерной чертой германского развития был союз этого постепенно обуржуазившегося юнкерства с промышленной буржуазией. Эти союзники, при всех разногласиях внутри, согласно выступали против рабочих как ярко выраженная реакционная сила. Мелкая буржуазия же, пополнявшаяся по мере капиталистического развития Германии кадрами буржуазно-технической интеллигенции и многочисленными служащими, так сказать чиновничеством промышленной буржуазии, и, наконец, верхушкой самого рабочего класса, говорит С. Д. Сказкин, эта мелкая буржуазия, назовём её в посленгельсовские времена немецким термином *Mittelstand* (среднее сословие), продолжала оставаться великой реакционной силой, дав в послеверсальский период основные кадры фашизма со всей его человеконенавистнической идеологией.

Одновременно с этим Энгельс подчёркивал реакционную роль немецкого дворянства и особенно Пруссии как юнкерского государства. Позже он занялся вопросом о «втором издании» крепостничества в остальной Германии и дал генезис прусского юнкерства, («К истории прусского крестьянства», «Марка» и др.), отметив его роль и своеобразное сочетание классовых сил в Германии по поводу конституционного конфликта, австро-прусской войны и франко-прусской войны. Единственной надеждой Маркса и Энгельса, говорит докладчик, от начала до конца оставался революционный немецкий пролетариат, страх перед которым толкнул немецкую буржуазию ещё в 1848 г. в объятия реакции.

Подводя итоги историческому развитию Германии после пресловутой «революции сверху» и объединения Германии под главенством Пруссии, Энгельс отмечал, что величайшее прогрессивное движение, каким явилось в немецкой истории национальное объединение Германии, свершилось в результате экономического союза крупной буржуазии с прусским юнкерством, однако при пол-

ном фактическом отказе от политической власти.

Энгельс, продолжает докладчик, всегда отмечал также, что революционная немощь немецкой буржуазии и подчинение её господствующему реакционному классу феодального дворянства, особенно прусскому юнкерству, имели своим результатом выражение революционной идеи национального объединения в узкий националистический шовинизм и идею национальной исключительности немцев. Шовинизм немцев, их националистическая нетерпимость, — давнего происхождения. Естественный народный подъём в борьбе с Наполеоном вследствие трусости немецкого мещанства, которое после похмелья освободительной войны проснулось снова у «старого верноподданного корыта», был использован реакцией для раздвигания знаменитого французства ещё в начале XIX века. В противовес передовым идеям классической немецкой философии, тоже, впрочем, не лишённой значительной доли политического филистерства и примиренчества к подлейшей реакционной действительности Германии этого времени, реакционная, особенно прусская, публицистика стала проповедывать зоологический национализм, вражду ко всему французскому, отрицание прогрессивных идей французской революции, загнала общественное мнение в «ступик германского красного патриотизма». «Всё это мирозерцание, — говорит Энгельс, — было философски несостоятельно, ибо под его углом зрения весь мир был создан ради немцев, а сами немцы давно достигли высшей ступени развития»². Дальнейшие слова Энгельса звучат настоящим пророчеством о нынешних днях: «Немецина была отрицанием, абстракцией в гегелевском смысле. Она создавала абстрактных немцев, отмечая всё то, что не было истинно немецким на шестьдесят четыре поколения назад и не выросло из народных корней. Даже видимо положительное в ней было отрицательно, ибо повести Германию к её идеалам можно было только путём отрицания целого тысячелетия и проделанной в нём эволюции; она хотела толкнуть нацию вспять в германское средневековье или даже в чистое древнее тевтонство из Тевтобургского леса»³. «Какое полное предвосхищение основных идеологических тенденций фашизма!» — восклицает докладчик.

Исключительный интерес представляет данный Энгельсом прогноз. Он указал в 1887 г., что Германия, как расширенная Пруссия, как «Священная германская империя прусской нации», после франко-прусской войны и захвата Эльзаса и Лотарингии обречена на ведение «политических войн», чуждых интересам народа, и рано или поздно должна стать причиной колоссальной мировой войны.

В наши дни, говорит докладчик, когда только что окончилась величайшая из войн, какую когда-либо видел мир, невольно воз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс «О реакционном пруссачестве», стр. 31—32, 1943.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II, стр. 70.

³ Там же.

никает вопрос об особенностях исторического развития выковницы этой войны — Германии. Каким образом страна поэтов и мыслителей могла превратиться в огромный и страшный в своей бесчеловечности механизм войны, как она могла терпеть правительством убийц и преступников, каким образом она, пережив одну горькую катастрофу, безудержно покатила к другой, безмерно горшей, чем первая, к катастрофе, подобную которой трудно найти в летописях истории?

Последним из заслушанных сессией докладов был доклад проф. А. И. Молока на тему «Энгельс как руководитель международного рабочего движения». Проф. Молок начал свой обзор и анализ деятельности Энгельса с осени 1870 г., когда после 20-летнего вынужденного пребывания в Манчестере Энгельс переехал в Лондон и был введён в состав Генерального совета Международного товарищества рабочих в качестве секретаря-корреспондента для Бельгии, а затем для Испании и Италии. С этого момента он активно включился в руководство международным рабочим движением и взял на себя почти всю переписку с социалистическими организациями различных стран, чтобы освободить Марксу время для доведения до конца его гениального труда — «Капитал». Вместе с Марксом Энгельс в этот период решительно выступил против волны шовинизма, захватившей немцев под влиянием побед прусского оружия в войне 1870—1871 годов. С тревогой отмечал Энгельс, что эта волна угрожает захватить и рабочий класс.

Во время Парижской коммуны 1871 г. Энгельс, как и Маркс, был всей душой на стороне коммунаров, разоблачал интервенционизм немецких оккупантов, клеймил жестокую расправу версальцев над побеждёнными, опровергал клеветнические вымыслы реакционной печати, разъяснял сущность и значение коммунизма.

В начале 1870-х годов Энгельс принял деятельное участие в борьбе против разлагающей деятельности анархистов-бакунистов. Памятником этой борьбы явилась брошюра «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих», написанная Энгельсом совместно с Лафаргом по поручению Гаагского конгресса 1872 года. Тому же вопросу посвятил Энгельс свою статью «Бакунисты за работой» (1874), в которой дал уничтожающую критику вредоносной тактики анархистов во время революционных событий 1873—1874 гг. в Испании.

В 1872—1876 гг., во время пребывания Генерального совета Международного товарищества рабочих в США, Энгельс осуществлял систематическое руководство его работой, инструктируя Зорге, который вплоть до 1874 г. стоял во главе Генерального совета.

После роспуска Интернационала (1876) в центре внимания Энгельса, как и Маркса, стало социалистическое движение в Германии. Германская социал-демократия была в то время самой сильной из рабочих партий в Европе и во всём мире. К тому же она действовала в стране, являвшейся одним из

главных оплотов милитаризма и реакции. Вместе с Марксом Энгельс вёл непримиримую борьбу со всеми антипролетарскими колебаниями и шатаниями среди немецких социалистов, резко критиковал «Готскую программу» и увлечение дюрингианством («Анти-Дюринг»).

В период исключительных законов против социалистов в Германии (1878—1890) Энгельс вместе с Марксом, а после смерти Маркса один направлял нелегальную работу германской социал-демократии, борясь на два фронта — против оппортунизма правого крыла партии (Эдуард Бернштейн и др.) и против полуанархистской тактики «леваков» (Мост и др.) — за боевую классовую тактику. Борьба эта не прошла бесследно: она способствовала выправлению тактики партийного руководства в эти годы.

Много внимания уделял Энгельс французскому социалистическому движению. Вместе с Марксом он принял участие в составлении программы «Французской рабочей партии», основанной под руководством Гада и Лафарга (1879—1880).

В 1883 г., после смерти Маркса, вся тяжесть руководства международным рабочим движением легла на плечи Энгельса. Энгельс являлся советником и руководителем социалистов всех европейских стран. «Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса»¹.

Замечательное свойство Энгельса как руководителя Международного рабочего движения состояло в том, что в своих тактических указаниях деятелям социалистических партий различных стран он всегда исходил из конкретных условий данной страны и данного периода, умело выдвигая главное, решающее. Он требовал беспощадной борьбы с анархизмом, с реформизмом и примиренческим отношением к ним. Он неустанно разоблачал оппортунизм лидеров английских тредюнионов и во многом способствовал полевению в рабочем движении Англии к концу 1880-х годов. Американских социалистов Энгельс резко критиковал за их сектантскую оторванность от массовой повседневной борьбы рабочего класса, за их нежелание работать в тредюнионах. Итальянских социалистов Энгельс настойчиво призывал к активному участию в назревавшем с начала 1890-х годов революционно-демократическом движении, но вместе с тем предостерегал их против слияния с буржуазными радикалами. Социалистам Австро-Венгрии, где огромную роль играл национальный вопрос, Энгельс доказывал необходимость сплочения рабочих различных областей этого многонационального государства. С горячим сочувствием следил Энгельс за героической борьбой русских революционеров против царизма. Он радостно приветствовал образование группы «Освобождение труда» (1883). Он поддерживал близкую связь с Плехановым, Верой Засулич и другими зачинателями марксизма в России.

Энгельс принял деятельное участие в борьбе, которая разразилась в 1889 г. вокруг

¹ Ленин. Соч. Т. I, стр. 41б.

созыва Международного конгресса социалистических партий и привела к основанию II Интернационала. Свои усилия Энгельс направил на то, чтобы помешать оппортунистическим элементам захватить руководство возрождающейся международной организацией. Эти усилия увенчались успехом.

В последние годы своей жизни (1891—1895) Энгельс опубликовал ряд работ, в которых резко критиковал оппортунистические настроения, чрезвычайно усилившиеся среди германской социал-демократии после отмены исключительных законов и под влиянием больших избирательных успехов (введение к 3-му изданию работы Маркса «Гражданская война во Франции», статья «Крестьянский вопрос во Франции и в Германии», предисловие к книге Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 до 1850 гг.» и др.). Он с тревогой отмечал рост филлистерства в рядах немецких социалистов, он требовал от партийного руководства классово-выдержанной тактики, он напоминал о боевых традициях Парижской коммуны.

Энгельс умер в момент, когда капитализм перерастал в свою новейшую и последнюю стадию — империализм. Особенности империализма не были вскрыты Энгельсом. Этим, между прочим, объясняются ошибки, допущенные им в статье «Внешняя политика русского царизма» (1890) и в письмах на имя Бебеля (1891), в которых он называл царскую Россию «последней твердыней общеевропейской реакции» и утверждал, что победа Германии в войне против России означала бы «победу революции». Ошибочность

этой статьи вскрыл товарищ Сталин в своём известном письме членам Политбюро ЦК от 19 июля 1934 года¹.

«После смерти Энгельса западноевропейские социал-демократические партии стали перерождаться из партий социальной революции в партии «социальных реформ»². Такую эволюцию проделала, в частности, германская социал-демократия. В дальнейшей реакционные лидеры этой партии, предав забвению заветы Маркса и Энгельса, капитулировали перед империалистической буржуазией своей страны и изменили делу рабочего класса, расчистив в 1914 г. путь полжигателям первой мировой войны, а в 1933 г. — гитлеровской фашистской банде, которая ввергла человечество в ужасы второй мировой войны и довела Германию до небывалой катастрофы.

Знамя революционного марксизма, закапчивает докладчик, выпавшее в 1895 г из рук Энгельса, высоко подняла партия Ленина — Сталина, под руководством которой трудящиеся нашей страны совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, построили новое, социалистическое общество, отстояли в Великой Отечественной войне против немецких захватчиков свободу и независимость своей родины и спасли цивилизацию от гитлеровских погромщиков.

В. Альтман

¹ «Большевик» № 9 за 1941 год.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 135.

Работа кафедры древней истории Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева

За последние два года (1944—1945) кафедра древней истории Томского государственного университета совместно с работниками кафедры истории народов СССР и кафедрой всеобщей истории Томского государственного педагогического и учительского институтов проделала большую работу по организации и проведению раскопок в окрестностях Томска с целью изучения культур древнейшей Сибири. Объектом раскопок была вышрана Басандайка, находящаяся в 8 км. к югу от Томска, вверх по р. Томи, на её правом, высокому берегу, представляющем древнюю террасу. Из старинных свидетельств начала XVII в. было видно, что Басандайка носит имя хана Басандая, «князца реки Томи», который имел большую силу и который в союзе с князьями, владельцами рек Оби, Чулыма и др., хотел уничтожить молодой город Томск. Здесь мы нашли хорошо заметные следы древнего городища с валами и рвом и с курганным могильником. Раскопки велись в течение двух лет. Одна партия, под руководством доц. Трухина, раскапывала городище, причём было исследовано почти всё городище, а другая партия, под руководством проф. Дульзона, исследовала курганы, и было раскопано из 95 — 16 курганов. Результаты были такие. На го-

родище обнаружены следы культуры каменного века. Особенно ярко был представлен неолит: многочисленными скребками, остроконечниками, ножичками и черепками посуды. Самым значительным было открытие здесь высокой бронзовой культуры типа позднего Карасука или Тагеры II. Было найдено четыре статуэтки диких баранов из бронзы высокохудожественной работы и около десяти каменных, китайского типа зеркал, из которых два имели ручки в виде диких баранов, тоже высокохудожественной работы. Здесь, на городище, отливали из бронзы мелкие предметы: были найдены льячка, формочка и масса шлака. Поразительны по разнообразию и красоте черепки посуды бронзового века. Здесь же были обнаружены следы высокой культуры железного века в виде керамики и изделий из железа.

Раскопки курганного могильника дали поразительные результаты. По внешнему виду курганы разделялись на плоские, расплывшиеся, и на курганы, имевшие довольно крутые откосы. Их величина была разной — от 0,5 до 2 м. высотой и до 14 м. диаметром. В курганах мы обнаружили как бы два слоя погребений. Нижний датируется XI—XIII вв. нашей эры (а может быть и раньше) и даёт

картину влияния китайского и урало-алтайских народов. Были найдены золотые бляшки с орнаментом, бляшки с изображением павлинов вокруг ромба и перевернутого сердца (китайская эмблема счастья), бронзовый талисман — «благожелательный» чох — с китайскими иероглифами, китайские зеркала с изображениями драконов эпохи династии Сунг (XI—XII вв. нашей эры), коралловые ветки, пронзая из сердолика, агата, лигнита, ляпис-лазури, яшмы и т. д., многочисленные пряжки, например в виде змей, с художественным орнаментом и т. д. Трупы то сжигались, то засыпались горящим углем, то про-

сто погребались. Большое значение имела береста, в которую трупы часто зашивались. Второй слой даёт погребения кочевников XIII—XV вв. с конём, мечами, саблями, панцирем и прочим вооружением. Имеются и более поздние мусульманские погребения в сидячем положении, без вещей.

К Октябрьским праздникам устраивалась выставка результатов раскопок по примеру прошлогодней. Готовится к изданию монография «Басандайка».

Проф. К. Гриневич

В школе восточных и африканских исследований в Лондоне

Школа восточных и африканских исследований при Лондонском университете (School of Oriental and African studies) является важным центром подготовки специальных востоковедных кадров в Англии. Школа имеет следующие факультеты: 1) языков и культур Индии, Бирмы и Цейлона, 2) языков и культур Дальнего Востока, 3) языков и культур Ближнего и Среднего Востока, 4) языков и культур Африки, 5) фонетики и лингвистики и 6) восточной истории и права. За исключением историко-правового факультета основное внимание в школе уделяется изучению восточных языков. Во время второй мировой войны наибольшее количество студентов изучало японский и китайский языки.

Наряду с языковой подготовкой школа обеспечивает своих слушателей эпизодическими лекциями или краткими циклами лекций (в среднем не более двух — трёх лекций по одной теме) по вопросам истории, истории культуры или экономики изучаемых стран. Примером такого рода тематических циклов могут служить лекции, читанные на факультете Дальнего Востока: «Международные связи Японии между двумя войнами», «Японские колонии», «Религия в Японии», «Экономическая история Японии с 1868 года». Студенты-африканисты прослушали в 1944 г. лекции на следующие темы: «Социальная антропология», «Американский взгляд на колониальную администрацию», «Африканская музыка».

Факультеты школы выполняют практическую консультационную работу для английского министерства колоний. Следует отметить, что в совете школы представлен целый ряд английских ведомств, заинтересованных в подготовке востоковедных кадров: министерства иностранных дел, колоний, по делам Индии и военное. Председателем совета школы является видный колониальный деятель Англии лорд Хейли, занимавший в прошлом пост губернатора Бенгалии.

Профессорско-преподавательский состав школы в значительной мере состоит из специалистов по Индии и другим колониальным

владениям Англии. Характерно, что из прочтенных в школе в 1944 г. двадцати с лишним публичных лекций три четверти были посвящены Индии и Бирме. Профессура факультета восточной истории и права состояла в 1944 г. из следующих специалистов: декан проф. Додвелл — история и культура британских владений в Азии и специально Индии, капитан Филипс — история Индии, Барнет — старший лектор по истории Индии, проф. Минорский — история Ирана, Бернард Льюис — история ислама, Виттек — история Турции и турецкой культуры, Виси-Фицджеральд — индийское право, Мак Грегор — бирманское буддийское право, Фэрнивол — история Бирмы, Холл — история Бирмы, подполковник Харт — история Индии, проф. Тоинби — история Ближнего Востока, Люс — древняя и средневековая история и эпиграфика Бирмы. Состав лекторов показывает явное преобладание в системе преподавания именно индо-бирманской тематики.

Согласно отчётам школы, основными общими курсами, поставленными в годы войны на факультете восточной истории и права, были курсы «История Азии» и «Мусульманское право». При этом количество слушателей на историко-правовом факультете значительно уступало другим факультетам, подготавливавшим главным образом переводчиков. Это отразилось и на научно-исследовательской печатной продукции школы, среди которой преобладают лингвистические работы, преимущественно педагогически-прикладного значения. Из немногих нелингвистических публикаций общего характера обращают на себя внимание статьи сэра Ричарда Винстедта «Духовно-беспокойство зависимых народов», «Обучение колониальных гражданских чиновников», «Антропология для колоний» (все они были опубликованы в журнале «The Guardian», статья Виси-Фицджеральда «Подготовка коммерческих представителей для Азии и Африки» и др.

Е. Ж.

ПИСЬМО КАМИЛЛА БЛОКА

Ответственным редактором нашего журнала, вице-президентом Академии наук СССР, академиком В. П. Волгиным получено письмо от Камилла Блока, известного французского историка, избранного в январе с. г. действительным членом института Франции (Академия моральных и политических наук) и состоящего членом-корреспондентом АН СССР. Письмо свидетельствует о большом интересе французской научной общественности к работам советских историков.

Подчеркивая, что он является сторонником развития интеллектуального сотрудничества между СССР и Францией, проф. Блок пишет: «Позвольте мне привести доказательства моей деятельности в этом направлении. На ноябрьском заседании «Общества новой истории» (значительное объединение французских и иностранных профессоров истории) я. . . сделал длившееся более часа сообщение о работах советских историков по истории Франции. Несмотря на то что сообщение, в котором я говорил о произведениях, в подлиннике мне неизвестных, было несовершенным и неполным, оно буквально произвело сенсацию: замечательная деятельность и удивительная любознательность Ваших соотечественников в столь разнообразных направлениях явились по меньшей мере настоящим откровением. Общество сразу же выразило пожелание, чтобы моё сообщение было написано и напечатано. Оно сейчас на пути к напечатанию, как только что сказал мне председатель г-н Карон.

Другое дело. «Общество истории революции 1848 года», вице-председателем которого я состою (председатель — г-н Жюстен Гадар, бывший министр), занято в настоящее время подготовкой к столетней го-

довщине в 1948 году. Я поставил его в известность о ведущейся под Вашим руководством работе по подготовке советского сборника, который должен выйти в свет по этому случаю. Впрочем, когда организация нами столетнего юбилея примет более определённую форму, комитет вступит в непосредственную связь с Вами».

Проф. Блок сообщает далее об использовании им ряда материалов, которые он получил во время своего пребывания в Москве и Ленинграде, на юбилейной сессии Академии наук.

«Несколько недель тому назад, — пишет он, — я сделал в «L'Ecole des Chartes» сообщение об организации архивов и подготовке архивистов в Советской России... Это также в высшей степени заинтересовало мою аудиторию. После моего сообщения состоялась обмен мнений, в котором приняли участие, в частности, г-н Самарац, генеральный директор архивов Франции, член института, и г-н Маро, профессор архивистики, в «L'Ecole des Chartes».

В заключение моего письма позвольте мне выразить пожелание получать возможно чаще новости о деятельности советских историков, сообщать которые французским историкам я сочту для себя долгом и удовольствием».

Предавая гласности это свидетельство большого интереса, проявляемого французскими историками к советской исторической науке и работам советских историков по истории Франции, редакция «Вопросов истории» считает своим приятным долгом отметить активную и горячую помощь, оказываемую проф. К. Блоком делу сближения и укрепления сотрудничества между советскими и французскими историками.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Рубинштейн Н. — Советская Россия на Генуэзской конференции	3
Дружинин Н., проф. — Социально-политические взгляды П. Д. Киселёва	33
Смирнов П., проф. — Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв.	53
<u>Грацианский Н., проф.</u> — Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты	91
Коган-Бернштейн Ф., проф. — Трактат ла Боэси о добровольном рабстве	107

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

Смирнов И., проф. — К вопросу о суде над Максимом Греком	118
Устюгов Н. — Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в.	127
Зинин П. и Киреев Ф. — Богатства Центрального исторического архива Казах- ской ССР	132

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Андреев А. — Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I	135
Ильин М. — Воронин Н. Древнерусские города	142
Дьяконов М. — Райнов Т., проф. — Великие учёные Узбекистана (IX—XI вв)	144
Библиографические заметки	146

ХРОНИКА

Альтман В. — 125-летие со дня рождения Ф. Энгельса. Сессия отделения истории и философии АН СССР	152
Гриневич К. — Работа кафедры древней истории Томского государственного уни- верситета имени В. В. Куйбышева	156
Е. Ж. — В школе восточных и африканских исследований в Лондоне	157
Письмо Камилла Блока редактору журнала «Вопросы истории»	158

CONTENTS:

ARTICLES: Rubinstein N. Soviet Russia at the Genoa Conference. Drushinin N., Prof. The social and political views of P. D. Kiselev. Smirnov P., Prof. The formation of the Russian State in the 14—15 th centuries. Gratsiansky N., Prof. The Crusade of 1147 against the Slavonic peoples and its results. Kogan-Bernstein F., Prof. La Boétie's Discourse on voluntary slavery. INFORMATIONS, PUBLICATIONS, NOTES: Smirnov I., Prof. On the question of the Trial of Maxim the Greek. Ustyugov N. From the History of Metallurgy of the Pomorye during the First half of the 17th century. Zinin N., Kireyev F. The Treasure House of the Historical archives of the Kazakh S.S.R. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. CALENDAR OF EVENTS.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Roubinstein N. La Russie soviétique à la Conférence de Gênes. Droujinine N., prof. Les idées sociales et politiques de P. Kisélev. Smirnov P., prof. La fondation de l'État russe aux XIVe et XVe siècles. Gratsianski N., prof. La croisade de 1147 contre les Slaves et ses conséquences. Kogan-Bernstein F., prof. La Boétie. Discours sur la servitude volontaire. COMMUNICATIONS, PUBLICATIONS, NOTES: Smirnov I., prof. Contribution au jugement de Maxime Grec. Oustiougov N., Extrait de l'histoire de la métallurgie de Pomorié dans la première moitié du XVIIe siècle. Zinine N., Kiréev F. Les richesses des Archives historiques centrales de la République socialiste soviétique du Kazakhstan. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE.

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (отв. редактор), Е. Н. Городецкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, А. М. Панкратова, С. Н. Ростовский, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239.
А05418. Изд. № 286.

Заказ № 377,

Д 3-31-04
Тираж 33.200.

Подписано к печати 23/IV 1946 г.

10 печ. л.

68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 12 руб.